

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

РУССКИЙ ЯЗЫК В ООН: ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
И РЕАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

ПОНЯТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАНИЦЫ
В РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКСИОСФЕРЕ

РАССКАЗ У. ПЕЙТЕРА «РЕБЁНОК В ДОМЕ»:
ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ

Н.М. КАРАМЗИН И К.Ф. МОРИЦ

2020 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2020 / № 2

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2020 / № 2

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Русская филология»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Герасименко Н.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Леденёва В.В. — д.филол.н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария);

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Аношкина В.Н. — д.филол.н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В.А. — д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Гусман Т.Р. — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И.А. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Колларова Э. — д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Моторин А.В. — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И.А. — д.филол.н., проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б.Ю. — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь);

Петров А.В. — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л.В. — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Супрун В.И. — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е.Я. — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;

Шаталова О.В. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Шеншина В.А. — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинкский университет (Финляндия);

Щедрина Н.М. — д.филол.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» — печатное издание, публикующее статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы); литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2020. — № 2. — 118 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

N.A. Gerasimenko – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

V.V. Ledenyova – Ph.D. in Philological sciences Sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philological sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V.A. Voropayev – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I.A. Kiseleva – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L.F. Kopusov – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

A.V. Motorin – Doctor of Philological sciences, Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University;

I.A. Nagorny – Doctor of Philological sciences, Professor, Jilin University (China);

B.Yu. Norman – Doctor of Philological sciences, Professor, Belorussian State University (Belarus);

A.V. Petrov – Doctor of Philological sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L.V. Ratsiburskaya – Doctor of Philological sciences, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V.I. Suprun – Doctor of Philological sciences, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E.Y. Titarenko – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky;

O.V. Shatalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.A. Shenshina – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland);

N.M. Shchedrina – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2020. – № 2. – 118 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Артамонов В. Н., Уба Е. В.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА. КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ	6
<i>Евтушенко О. В.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК В ООН: ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И РЕАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ	13
<i>Ли Цинь.</i> РЕЧЕВЫЕ РЕАКЦИИ ИСКРЕННОСТИ И ВЕЖЛИВОСТИ ОТВЕЧАЮЩЕГО НА ВОПРОС В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СПОСОБОВ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ	24
<i>Милованова М. С., Чжао Мэйвэй.</i> ПОНЯТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАНИЦЫ В РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКЦИОСФЕРЕ	32
<i>Онищенко Е. В.</i> КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛИЗМА УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ	42
<i>Чжан Цзин, Лю Чжицян.</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ О НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТЕЛЕОЛОГИИ	48
<i>Юйцин Ши.</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОМИЧЕСКОГО В ЦИКЛЕ «ДЕНИСКИНЫ РАССКАЗЫ» В. ДРАГУНСКОГО	58

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Алпатова Т. А. Н. М. КАРАМЗИН И К. Ф. МОРИЦ</i>	65
<i>Арстанова В. А.</i> ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МОТИВНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТВОРЧЕСТВА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В ПРИЖИЗНЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ (1840–1841 гг.)	75
<i>Литвиненко Н. А., Лунина И. Е., Редина О. Н.</i> РАССКАЗ У. ПЕЙТЕРА «РЕБЁНОК В ДОМЕ»: ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ	82
<i>Новичкова Д. А.</i> СЕМЬЯ И ЖЕНЩИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ В. В. ВЕРЕСАЕВА (РАССКАЗ «ЭЙТЕМИЯ»)	90
<i>Сапченко Л. А.</i> РЯБИНИН И ДРУГИЕ (К ПРОБЛЕМЕ «Н. М. КАРАМЗИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ»)	97

РАЗДЕЛ III. РЕЦЕНЗИЯ

<i>Крутова М. С.</i> «РАЗГОВОР С ВЕЧНОСТЬЮ»: РЕЦЕНЗИЯ НА «ИСТОРИЮ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» Н. И. ЛИБАНА (ЛИБАН Н. И. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ЛЕКЦИИ-ОЧЕРКИ. М.: ПРОГРЕСС-ПЛЕЯДА, 2014. С. 23–189)	108
--	-----

РАЗДЕЛ IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Нагорный И. А., Лю Цзоянь.</i> КОНФЕРЕНЦИИ В ЦЗИЛИНЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (JILIN UNIVERSITY) В 2019 Г., ПОСВЯЩЁННЫЕ ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ	112
--	-----

РАЗДЕЛ V. НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ БОРИСОВИЧА САМСОНОВА	116
---	-----

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTIC STUDIES

<i>V. Artamonov, E. Uba.</i> LINGUISTIC ANALYSIS OF THE TEXT. EVALUATION CATEGORY. . 6	
<i>O. Evtushenko.</i> RUSSIAN LANGUAGE AT THE UN: LANGUAGE PLANNING AND REAL CHANGES	13
<i>LiQin.</i> ANALYZE THE VERBAL RESPONSES AND FORMS OF REALIZATION THAT REFLECT THE SINCERITY AND COURTESY OF RESPONDENTS FROM THE PERSPECTIVE OF LINGUISTICS.	24
<i>M. Milovanova, M. Zhao.</i> THE CONCEPT OF "COMMUNICATIVE BORDER" IN THE RUSSIAN NATIONAL AXIOLOGICAL SPHERE	32
<i>E. Onishchenko.</i> COMMUNICATIVE CULTURE AS THE BASIS OF PROFESSIONALISM OF AN ELEMENTARY SCHOOL TEACHER.	42
<i>Zhang Jing, Liu Zhiqiang.</i> ABOUT SOME FEATURES OF THE TRANSLATION OF TEXTS ON NATIONAL CULTURE FROM CHINESE INTO RUSSIAN FROM THE POINT OF VIEW OF FUNCTIONAL TELEOLOGY	48
<i>Yuqing Shi.</i> SYNTACTIC COMIC MEANS IN VICTOR DRAGUNSKY'S "THE ADVENTURES OF DENNIS"	58

SECTION II. LITERARY STUDIES

<i>T. Alpatova.</i> N. KARAMZIN AND K. MORITS	65
<i>V. Arstanova.</i> STUDY OF THEMES AND MOTIVES IN MIKHAIL LERMONTOV'S WORKS IN LIFETIME PUBLICATIONS (1840-1841).	75
<i>N. Litvinenko, I. Lunina, O. Redina.</i> W. PATER'S STORY «THE CHILD IN THE HOUSE»: FEATURE OF POETICS.	82
<i>D. Novichkova.</i> FAMILY AND WOMAN IN ARTISTIC INTERPRETATION BY V. VERESAEV (STORY «EUTHYMIA»)	90
<i>L. Sapchenko.</i> RYABININ AND OTHERS (ON THE PROBLEM OF "N. KARAMZIN AND HIS CIRCLE")	97

SECTION III. REVIEW

<i>M. Krutova.</i> "A CONVERSATION WITH ETERNITY": A REVIEW OF THE N. LIBAN'S "HISTORY OF ANCIENT RUSSIAN LITERATURE" (LIBAN N. I. RUSSIAN LITERATURE: LECTURES-ESSAYS. M., PROGRESS-PLEYADA PUBL., 2014, PP. 23–189)	108
---	-----

SECTION VI. SCIENTIFIC LIFE

<i>I. Nagornyy, Liu Zuoyan.</i> CONFERENCES AT JILIN UNIVERSITY IN 2019 ON THE DEVELOPMENT OF MODERN LINGUISTIC SCIENCE	112
---	-----

SECTION V. OBITUARY

IN MEMORY OF NIKOLAY SAMSONOV	116
---	-----

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-6-12

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА. КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ

Артамонов В. Н., Уба Е. В.

*Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова
432071, г. Ульяновск, площадь Ленина, д. 4/5, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Цель данной работы заключается в применении основных положений теории оценки в лингвистическом анализе текста.

Процедура и методы исследования. В статье предложена методика анализа текста в аспекте категории оценки, приведён конкретный пример лингвистического анализа фрагмента художественного текста. Применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации.

Результаты проведённого исследования. В конкретном текстовом фрагменте были выявлены средства выражения субъективной оценки лексического, морфологического и синтаксического уровней, которые способствуют наиболее адекватному восприятию читателем авторской концепции.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в методику лингвистического анализа текста.

Ключевые слова: текст, категория оценки, средства выражения категории оценки, лингвистический анализ текста

LINGUISTIC ANALYSIS OF THE TEXT. EVALUATION CATEGORY

V. Artamonov, E. Uba

*Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov
4/5 ploshchad' Lenina, Ulyanovsk 432071, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The purpose of this work is to apply the main provisions of the evaluation theory in the linguistic analysis of the text.

Methodology and Approach. The article offers a method of text analysis in the aspect of the evaluation category and provides a specific example of a linguistic analysis of a fragment of a literary text. Methods of observation, generalization, and interpretation were applied.

Results. In the specific text fragment, we identified means of expressing the subjective assessment of the lexical, morphological, and syntactic levels, which contribute to the adequate perception of the author's concept by the reader.

Theoretical and / or Practical Implications. The results of the study contribute to the methodology of the linguistic analysis of the text.

Keywords: text, category of assessment, means of expressing the category of evaluation, the linguistic analysis of text

ВВЕДЕНИЕ

Со времени выхода монографии И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» [7], с которой по традиции начинается отсчёт существования теории текста (или лингвистики текста) как самостоятельной научной (а затем и учебной) лингвистической дисциплины в русистике, появилось значительное количество научной, учебной и учебно-методической литературы, посвящённой тексту, его категориям и принципам его (текста) лингвистического или филологического (т. е. лингво-литературоведческого) анализа (см., например: Бабенко¹; Болотнова²; Валгина³; Ворожбитова⁴; Гринёв⁵; Дымарский [8]; Ипполитова⁶; Москальчук [9]; Николина⁷; Новиков [10]; Папина⁸; Солганик⁹; Солганик [11]; Щукина [12]; Ярыгина [13] и мн. др.).

Авторы указанных работ предлагают как довольно пространные универсальные схемы комплексного анализа текста, куда включаются все основные общепринятые признаки (и / или категории) текста и языковые средства их выражения, так и схемы анализа отдельных текстовых категорий. Традиционно анализируются небольшие литературно-художественные тексты или их фрагменты.

Рассматриваются такие категории, как связность (локальная и глобальная), информативность, темпоральность (или текстовое время), локативность (художественное пространство), оценка (или модальность, образ автора) и некоторые другие.

В данной работе хотелось бы остановиться подробнее на анализе текста в плане категории оценки, так как, с одной стороны, эта категория нередко оказывается вне внимания исследователей (так, например, в монографии А. Ф. Папиной¹⁰ оценка называется «пятой глобальной категорией» после времени, художественного пространства и др., а в замечательной книге К. А. Роговой и коллектива её соавторов¹¹ категория оценки даже не упоминается, хотя категории *интенциональность*, *цельность*, *связность*, *информативность*, *восприимчивость*, *ситуативность* и *интертекстуальность* — освещены основательно), с другой стороны, именно частнооценочные оппозиции (*нормально — аномально*, *важно — неважно*) и их языковое выражение входят в сферу наших научных интересов [1; 2; 3]. Кроме того, по нашему глубокому убеждению, именно в оценке наиболее явно проступает (языковая) личность автора и становится понятной авторская концепция текста.

ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА

Основные теоретические положения, касающиеся категории оценки, изложены в работах Н. Д. Арутюновой [4; 5], Е. М. Вольф [6], М. В. Всеволодовой, Т. В. Маркеловой и др.

Опираясь на эти положения, предлагаем анализировать текст в аспекте категории оценки с учётом составляющих формулы оценки, а именно: оценивающего субъекта, объекта оценки, основания оценки, оценочного значения (или отношения) и системы средств его выражения. Наиболее полно

¹ Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 464 с.

² Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.

³ Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.

⁴ Ворожбитова А. А. Теория текста: Антропоцентрическое направление: учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2005. 365 с.

⁵ Гринев С. В. Введение в лингвистику текста: учебное пособие. М.: МПУ, 2000. 60 с.

⁶ Ипполитова Н. А. Текст в системе обучения русскому языку в школе: учебное пособие для студентов пед. вузов. М.: Флинта: Наука, 1998. 176 с.

⁷ Николина Н. А. Филологический анализ текста: учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.

⁸ Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: учебник для студентов-журналистов и филологов. М.: Едиториал УРСС, 2002. 368 с.

⁹ Солганик Г. Я. Стилистика текста: учебное пособие. 14-е изд. М.: Флинта: Наука, 2018. 256 с.

¹⁰ Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: учебник для студентов-журналистов и филологов. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 267.

¹¹ Текст: Теоретические основания и принципы анализа: учеб.-науч. пос. / под ред. проф. К. А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2011. 456 с.

на уровне высказывания (равного по структуре сложноподчинённому предложению с придаточным причины) формула оценки может быть представлена, например, в следующем оценочном высказывании: *Мне понравился этот фильм, потому что в нём играет мой любимый актёр*. Здесь оценивающим субъектом является говорящий (средство выражения — местоимение *мне*), объектом оценки является *фильм*, оценочное значение (положительная эмоциональная оценка) передаётся глаголом *понравился*, основанием положительной оценки служит целиком придаточное предложение (кстати, тоже содержащее оценочную информацию, где есть свои субъект — *мой*, объект — *актёр*, оценочное отношение, хотя и непредикатное — *любимый*).

Оценивающий субъект может быть индивидуальным и коллективным. Так, в нашем примере *мне* — индивидуальный субъект. Пример высказывания с коллективным субъектом: *На стихи-то всем наплевать – их ведь никто не читает!* (Братья Вайнеры). Объект оценки — *стихи*, оценочное отношение (эмоциональная отрицательная оценка) передаётся глаголом *наплевать*, оценивающий субъект — социум, выраженный в первой части высказывания (сложного предложения) местоимением *все*, а во второй части — местоимением *никто*. Оценивающий субъект на уровне предложения может быть эксплицитным и имплицитным. В приведённых примерах мы наблюдали эксплицитный субъект. Он помимо существительных, именующих субъект, или местоимений, указывающих на него, может выражаться с помощью прямого указания на лицо вводными единицами типа: *по-моему*, *по-твоему*, *по мнению NN* и др., а также с помощью глаголов *говорить*, *казаться*, *оценивать*, *подчёркивать*, *полагать*, *считать(ся)*, и др., формы которых при отсутствии названных средств оказываются единственным показателем коллективного или индивидуального субъекта. Так, в предложении *Нас со школы учили: самое главное – человек, а техника уже потом* (Пиккуль) форма глагола прошедшего времени множественного числа — *учили* —

указывает на неопределённое лицо (неопределённо-личное предложение), то есть часть социума (коллективный субъект). Имплицитный, то есть вербально не выраженный на уровне высказывания, субъект обычно устанавливается из контекста или напрямую отождествляется с автором оценочного высказывания.

Основание оценки также может быть имплицитным и выводиться из общего контекста, фоновых знаний читателя о мировоззрении автора или персонажа текста, их социального статуса, ситуативной роли и других личностных характеристик.

Объект оценки и оценочное значение всегда эксплицитны.

Варианты классификации оценочных значений содержатся в названных ранее работах. Мы предлагаем использовать классификацию Н. Д. Арутюновой [4; 5], которая выделяет общеоценочное значение «хорошо – плохо» и частнооценочные значения: **сенсорно-вкусовые** – «приятный – неприятный», «вкусный – невкусный», «привлекательный – непривлекательный» и др., **психологические** – «радостный – печальный», «весёлый – грустный», «желанный – нежеланный» и др., **эстетические** – «моральный – аморальный», «добрый – злой», «добродетельный – порочный» и др., **утилитарные** – «полезный – вредный», «благоприятный – неблагоприятный» и др., **нормативные** – «правильный – неправильный», «нормальный – аномальный», «доброкачественный – недоброкачественный» и др., **телеологические** – «эффективный – неэффективный», «целесообразный – нецелесообразный» и др. [5, с. 198-199]. Названные оценочные значения представлены крайними полюсами оппозиции, но следует понимать, что помимо полярных значений «хорошо – плохо» имеются срединное значение «ни хорошо, ни плохо» и ряд промежуточных значений «не так уж плохо — плохо — очень плохо — хуже не бывает» и др. Поэтому говорят о шкале оценки, на которой между полюсами «минус — плюс» расположены общеоценочные и частнооценочные значения.

Средства выражения оценочных значений весьма разнообразны.

На синтаксическом уровне это, прежде всего, оценочные высказывания (или оценочные предикативные единицы), которые имеют в своей структуре эксплицитный объект оценки и эксплицитное оценочное значение (оно выражено оценочным предикатом). Основание оценки и оценивающий субъект имеют либо эксплицитный, либо имплицитный характер.

Непредикатные формы, передающие различные оценочные значения, относятся, прежде всего, к лексико-морфологическому пласту (или уровню). Это качественные имена прилагательные, наречия, слова категории состояния из состава оппозиционных пар (*хороший / хорошо — плохой / плохо, весёлый / весело — грустный / грустно* и др.), образованные от них имена существительные (*радость — печаль / грусть, добро — зло* и др.), глаголы (*радоваться — печалиться, любить — не любить* и др.) и другая экспрессивная, эмоциональная, оценочная лексика, в частности — производная, построенная по субъективно-оценочным словообразовательным моделям.

На стилистическом уровне это так называемые средства выразительной речи, а именно тропы и фигуры, использование большинства из которых служит для передачи субъективной оценки.

Именно на основании наличия в тексте перечисленных языковых средств выражения оценки можно делать относительно объективные выводы о мнении автора или персонажа текста по тому или иному поводу (о том или ином объекте).

Прежде чем предлагать образцы лингвистического анализа текста, хотелось бы обратить внимание на то, что чаще всего в литературе подвергают лингвистическому (не функционально-стилистическому) анализу художественные или публицистические тексты. Всё, о чём мы говорили ранее, касается также в большей степени художественных и публицистических текстов, так как их оценка обычно субъективна (т. е. автор явно выражает своё субъективное отношение к описываемым объектам).

Оценку же (или модальность) научного или делового текста признают объективной или не выраженной. Считаем, что это не совсем так, ряд оценочных значений весьма характерен, например, для научных текстов: утилитарные, нормативные и телеологические оценки («*полезный — вредный*», «*благоприятный — неблагоприятный*», «*корректный — некорректный*», «*нормальный — аномальный*» и др.). С другой стороны, если всё-таки придерживаться традиционного подхода — признать модальность (или оценку) текстов ряда жанров научного и делового стилей объективной, то как раз отсутствие средств выражения субъективной оценки и будет показателем объективности. Кроме того, само вербальное выражение субъекта с помощью личных местоимений (*я, ты, мы, вы*) и притяжательных местоимений (*мой, твой*), а также образованных от них вводных единиц (*по-моему* и др.) оказывается также субъективно-оценочным средством, в отличие от объективных «авторского мы» и вводных единиц (*по нашему мнению* и др.) в научном стиле.

ОБРАЗЕЦ АНАЛИЗА

В качестве образца лингвистического анализа текста в аспекте категории оценки предлагаем анализ фрагмента романа А. Проханова «Господин Гексоген»:

Москва сквозь стекло переливалась, пестрела, вспыхивала золотыми россыпями церквей, полосатыми дымными трубами, стальными кружевами мостов и башен. Храм Христа Спасителя казался огромной золотой дыней, созревшей посреди города под падающими голубыми дождями. Белосельцев, оглядывая Москву, любящая её женственной красотой, не забывал ни на минуту, что в городе царствует враг. Захватил Кремль, засел в министерствах и военных центрах. Невидимый червь проточил золотистое яблоко столицы, поместил своё тулово среди её площадей и проспектов, уткнулся лбом в Спасскую башню, окружил тугим хвостом окраины.

1. Читаем текст. Определяем объект (объекты) оценки.

В данном тексте два основных объекта оценки: *Москва* и *враг*.

2. Выполняем пообъектный лингвистический анализ.

3. Субъектом, оценивающим *Москву*, является герой романа *Белосельцев*. Это индивидуальный субъект, однако его отношение к оцениваемому объекту совпадает с авторским и отражает оценку по крайней мере большинства патриотически настроенных россиян, которые, как и *Белосельцев*, любят свою столицу (патриотизм является и главным основанием оценки).

4. Оценочное значение. В данном случае представлен комплекс положительных эмоциональных и эстетических значений, расположенных на шкале оценки выше нуля и выраженных средствами различных уровней: а) синтаксический: первое, второе и третье предложения-высказывания можно квалифицировать как оценочные; в них вербально представлен объект оценки (*Москва*, *храм Христа Спасителя*, *город*), в третьем предложении назван субъект (*Белосельцев*), но из контекста понятно, что он же является субъектом во всех остальных предложениях; наиболее явно оценочное отношение *Белосельцева* к *Москве* (восхищение, любованье) видно из третьего предложения: полупредикатное выражение в составе деепричастного оборота (*любуюсь*), смысл же первых двух предложений — «*Москва была прекрасна*» (т. е. *переливалась, пестрела, вспыхивала золотыми россыпями церквей, полосатыми дымными трубами, стальными кружевами мостов и башен*), «*Храм Христа Спасителя был прекрасен*» (т. е. *казался огромной золотой дыней, созревшей посреди города под падающими голубыми дождями*); б) лексические средства выражения указанного оценочного значения: *переливалась, пестрела, вспыхивала, золотыми, россыпями, огромной, золотой, голубыми, любуюсь, женственной, красотой, золотистое*; в) стилистические средства: эпитеты (*золотой, огромной, жен-*

ственной); сравнения и метафоры (*стальными кружевами мостов и башен; Храм Христа Спасителя казался огромной золотой дыней, созревшей посреди города под падающими голубыми дождями; золотистое яблоко столицы*), олицетворение (*её женственной красотой*).

5. Субъектом, оценивающим врага, является также *Белосельцев*.

6. Оценочное значение. Явно отрицательное эмоциональное значение выражено прежде всего самим наименованием объекта — *враг*. Оценочное высказывание отсутствует. Лексический уровень представлен лексемами с ярко выраженной негативной окраской: *враг, царствует, захватил, засел, червь, проточил, тулово, уткнулся, лбищем, окружил, тугим хвостом*. Стилистический уровень — последовательное сравнение с червем: *невидимый червь, тулово, хвост* и т. д.

7. Кроме того, текст построен на фигуре противопоставления — контрасте *Москвы* и *врага*: *в городе* (прекрасном и любимом) *царствует враг; невидимый червь проточил золотистое яблоко столицы, поместил своё тулово среди её площадей и проспектов, уткнулся лбищем в Спасскую башню, окружил тугим хвостом окраины*. Это позволяет выявить ещё один эмоционально-оценочный пласт: ненависть к *врагу* и боль, переживание за *столицу*, а с ней — за судьбу своей Родины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как нам представляется, лингвистический анализ текста в аспекте категории оценки способствует его адекватному восприятию и пониманию. А понимание, как известно, является основой коммуникации и, следовательно, жизнедеятельности человеческого социума в целом и отдельного индивидуума в частности.

Статья поступила в редакцию: 25.02.20.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов В. Н. Категория важности: принципы описания, место категории важности среди других функционально-семантических категорий // Поволжский педагогический поиск. 2016. №4 (18). С. 123–126.
2. Артамонов В. Н. Нормальное и аномальное в языке // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почетного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта (г. Москва, 24–25 ноября 2017 г.) / ред. кол.: Н. Б. Самсонов, М. В. Головня, П. А. Лекант и др. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 22–24.
3. Артамонов В. Н., Уба Е. В. Оппозиция «здоровый – больной» в русском языке // Поволжский педагогический поиск. 2017. №4 (22). С. 83–89.
4. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений (оценка, событие, факт) / отв. ред. Г. В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. 338 с.
5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Отв. ред. Г. В. Степанов. М.: Наука, 1981. 140 с.
8. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2001. 328 с.
9. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: Едиториал УРСС, 2003. 296 с.
10. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. Изд. 2-е, исправленное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
11. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. 3-е изд. испр. и доп. М.: КомКнига, 2006. 232 с.
12. Щукина Д. А. Русская литература XXI века (фрагмент пространства художественного текста): монография. СПб.: ЛЕМА, 2019. 158 с.
13. Ярыгина Е. С. Синтаксис аргументативного дискурса: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 198 с.

REFERENCES

1. Artamonov V. N. [The importance category: the principles of description, the place of the importance category among other functional-semantic categories]. In: Povolzhskii pedagogicheskii poisk, 2016, no. 4 (18), pp. 123–126.
2. Artamonov V. N. *Normal'noe i anomal'noe v yazyke* [Normal and abnormal in the language]. In: [Rational and emotional in the Russian language: proceedings of the International scientific conference dedicated to the 85th anniversary of Honored scientist of Russian Federation, honored Professor of the Moscow Region State University, doctor of philological Sciences, Professor Pavel Lekant (Moscow, 24–25 November 2017) / ed. Board: N. Samsonov, M. Golovnya, P. Lekant et al.]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2017, pp. 22–24.
3. Artamonov V. N., Uba E. V. [The opposition of "healthy – sick" in the Russian language]. In: Povolzhskii pedagogicheskii poisk, 2017, no. 4 (22), pp. 83–89.
4. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii (otsenka, sobytie, fakt)* [Types of language meanings (evaluation, event, fact)] / Executive editor G. Stepanov; Academy of Sciences of the USSR, In-t linguistics. Moscow, Nauka Publ., 1988. 338 p.
5. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. 2nd ed., rev. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 896 p.
6. Vol'f E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. 2nd ed., additional. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 280 p.
7. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [The text as object of linguistic research] / Executive editor G. V. Stepanov. Moscow, Nauka Publ., 1981. 140 p.
8. Dymarsky M. Ya. *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyi tekst (na materiale russkoi prozy XIX–XX vv.)* [Problems of text formation and the literary text (on the material of Russian prose 19–20th centuries)]. 2nd ed., rev. and additional. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 328 p.
9. Moskal'chuk G. G. *Struktura teksta kak sinergeticheskii protsess* [Text structure as a synergetic process].

- Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 296 p.
10. Novikov L. A. *Khudozhestvennyi tekst i ego analiz* [The literary text and its analysis]. Ed. 2nd, fixed. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 304 p.
 11. Solganik G. Ya. *Sintaksicheskaya stilistika* [Syntactical stylistics]. 3rd ed., rev. and additional. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 232 p.
 12. Shchukina D. A. *Russkaya literatura XXI veka (fragment prostranstva khudozhestvennogo teksta): monografiya* [Russian literature of the 21st century (fragment of a space of literary text): the monograph]. St. Petersburg, LEMA Publ., 2019. 158 p.
 13. Yarygina E. S. *Sintaksis argumentativnogo diskursa: monografiya* [The syntax of argumentative discourse: monograph]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2018. 198 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Артамонов Владимир Николаевич – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова;

e-mail: vladimartamonov@yandex.ru

Уба Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова;

e-mail: uba_ev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir N. Artamonov – doctor in Philological sciences, head at the Department of Russian language, literature and journalism, Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University;

e-mail: vladimartamonov@yandex.ru

Ekaterina V. Uba – PhD in Philological sciences, associate Professor at the Department of Russian language, literature and journalism, Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University;

e-mail: uba_ev@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Артамонов В. Н., Уба Е. В. Лингвистический анализ текста. Категория оценки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 6–12

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-6-12

FOR CITATION

Artamonov V. N., Uba E. V. Linguistic Analysis of the Text. Evaluation Category. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 2, pp. 6–12.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-6-12

УДК 81'26

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-13-23

РУССКИЙ ЯЗЫК В ООН: ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И РЕАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Евтушенко О. В.*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Оценить результаты тридцатилетних усилий по сглаживанию отличий русской языковой картины мира от англо-американской при использовании русского языка в международных организациях, скорректировать проводимую в этом русле языковую политику.

Процедура и методы исследования. Автором изучены тексты устных и письменных переводов на русский язык, осуществлённых в ООН в 2018–2019 гг., их редакторская правка и комментарии к ней. Проанализированы причины регулярного нарушения в условиях языкового контакта сочетаемости семантических калек *вызов, ответственность, поощрять, приверженность, приветствовать*. Проведён социолингвистический эксперимент, направленный на определение степени освоенности этих семантических калек носителями языка вне стен ООН.

Результаты проведённого исследования. Сделан вывод об избирательной возможности сглаживания фрагментов двух языковых картин мира.

Теоретическая и / или практическая значимость. Предложены конкретные шаги для осуществления эффективной языковой политики.

Ключевые слова: языковая политика, языковой контакт, мировой язык, языковая картина мира, семантическая калька, семантический переход

RUSSIAN LANGUAGE AT THE UN: LANGUAGE PLANNING AND REAL CHANGES

O. Evtushenko*Moscow State Linguistic University
38-1 Ostozhenka ul., Moscow 119034, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. To evaluate the results of thirty years of efforts to smooth out the differences between the Russian and English worldviews in the use of the Russian language in international organizations, and to adjust the language policy conducted in this regard.

Methodology and Approach. The author studied the texts of simultaneous and written translations into Russian, carried out at the UN in 2018–19, editorial revision, and comments on it. The causes of the regular violation of the compatibility of semantic calques *challenge, responsibility, promote, commitment, welcome* in terms of language contact are analyzed. A sociolinguistic experiment was conducted aimed at determining the degree of assimilation of these semantic calques by native speakers outside the UN walls.

Results. The conclusion is made about the selective possibility of smoothing out of fragments of two language worldviews.

Theoretical and / or Practical Implications. Concrete steps are proposed for the implementation of an effective language policy.

Keywords: language policy, language contact, world language, language worldviews, semantic calque, semantic shift

ВВЕДЕНИЕ

Русский язык является одним из шести мировых языков, т. е. имеет «юридически закреплённый статус официального и рабочего языка международных организаций и конференций (ООН, ЮНЕСКО и др.)»¹. Однако особенности его функционирования в этом статусе, а также происходящие в нём изменения изучены мало. Между тем в международных организациях складываются приближённые к лабораторным условия для наблюдения за развитием русского языка при языковом контакте с так называемым Global English и другими, отличными от него в культурно-историческом и типологическом плане языками.

Главный интерес представляют результаты тридцатилетних усилий по созданию глобального общества («глобанализации», по выражению Е. И. Коряковцевой [5, с. 455]), которые не могут не отражаться на понятийном наполнении мирового языка и на воплощённой в нём картине мира, а также на процессах, затрагивающих его грамматику.

Поскольку работа в международных организациях, в частности в ООН, требует общего подхода со стороны всех государств-членов независимо от социокультурных и религиозных традиций живущих в них народов, он воплотился в консенсусе относительно глобальных ценностей. Новое видение мира потребовало лексических инноваций и концептуального изменения уже имевшихся в мировых языках понятий. Ещё в условиях железного занавеса, т. е. до появления предпосылок глобализации, Э. Хауген заявлял о необходимости языкового планирования, которое «может быть направлено на *сдвиг* данного языка в сторону другого», при этом он уточнял, что в задачи такого планирования не входит «*сохранение* того языка, для которого оно предназначено» [9, с. 445]. На рубеже XX и XXI вв. сложилась ситуация,

подобная той, которую русский язык пережил после Французской революции, когда языковая картина мира заметно модифицировалась под влиянием таких заимствований и калек, как *Конституция*, *индивидуальность*, *личность*, *общественность*, в это время появились понятия *государственная нравственность* (в дальнейшем не удержалось в языке), *промышленность*, изменилась семантическая структура или коннотации слов, относившихся к социальной сфере, как это произошло со словом *гражданин* [2]. В наши дни русский язык в функции мирового претерпел столь же серьёзные изменения, однако системного описания появившихся в нём лексических, семантических и прагматических инноваций пока нет. А между тем анализ такого материала позволил бы сделать важные теоретические выводы о степени эффективности языкового планирования со стороны носителей одного языка-культуры и встречной языковой политики носителей другого языка-культуры.

Другой немаловажный вопрос – можно ли говорить о тождественности картин мира, воплощаемых мировым языком как функциональной разновидностью национального языка и самим национальным языком. Иными словами, можно ли переносить успех культурной интеграции, наблюдаемый в международных организациях, на нации в целом? Ответ на этот вопрос тесно связан с выявлением расхождений в лексико-семантическом составе русского переводящего языка, функционирующего в международных организациях, и литературного языка в прочих его функциональных разновидностях.

Есть и более частные вопросы, например, формируется ли общий код под исключительным воздействием английского языка на остальные мировые языки или существуют встречные, пусть и более слабые, движения к интеграции или дезинтеграции со стороны этих языков. Если верно второе, то важно, какие языки-культуры и что способны в наше время предложить глобальному обществу.

¹ Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН, 2006. С. 129.

Наконец, для поддержания качества переводящего русского языка необходима его постоянная критическая оценка специалистами. Минимизацию «кодового шума» [9, с. 450] должны обеспечивать не только редакторы служб перевода в международных организациях, но и русисты, способные увидеть тенденции, укладывающиеся в общее русло тенденций развития русского языка или идущие вразрез с ними, отличить ошибку от языкового варьирования, вовремя заметить необходимость кодификации тех или иных инноваций.

В данной статье мы проанализируем некоторые языковые и речевые инновации, наблюдаемые в текстах устных¹ и письменных² переводов, осуществлённых Русской службой перевода ООН в 2018–2019 гг.

ОСВОЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАЛЕК РУССКИМ ПЕРЕВОДЩИМ ЯЗЫКОМ

Важную группу инноваций составляют семантические калки, выигравшие конкуренцию с исконно русскими словами / значениями слов или с давними заимствованиями. К ним относятся: *вызов* (challenge) в значении «амер. англ. что-либо требующее больших умственных или физических усилий для достижения успеха или ситуация, в которой требуются такие усилия» (перевод наш. – О. Е.)³, *ответственность* (responsibility) в значении «возложенная на кого-либо работа или обязанности», *поощрять* (promote) в значении «поддерживать что-либо, продвигать, помогать чему-либо стать успешным», *приверженность* (commitment) в значении «готовность отдать своё время и силы работе, занятию или чему-то, во что вы верите» (в

американском английском сема «вера» не выражена).

Эти неосемемы, т. е. новые значения, расширившие семантическую структуру отдельных словарных единиц, не заполняют лакун в языке: в то же контекстное окружение успешнее встраивается узуальная лексика, не провоцирующая, как это наблюдается при использовании перечисленных инноваций, нарушений сочетаемости. Докажем это примерами:

(1) *Какими бы ни были **вызовы** (ср. про-блемы), за которые нам нужно взяться, у нас больше возможностей решить их сообща*⁴.

(2) *Пока все страны не будут выполнять особую **ответственность** (ср. обязанность), на нас возложенную, мы не сможем обеспечить стабильность*⁵.

(3) *Нужно **поощрять** обстановку (ср. способствовать созданию обстановки), благоприятствующую возросшим инвестициям государственного и частного секторов*⁶.

(4) *Республика Южный Судан подтверждает свою **приверженность** поддержке осуществления (ср. готовность / стремление поддерживать осуществление) намеченной повестки дня*⁷.

Несмотря на то что использование указанных инноваций лишь в редких контекстах не приводит к нарушению норм русского литературного языка, предпочтение им перед узуальными лексическими средствами отдаётся осознанно. Редакторы

¹ General Assembly of the United Nations. General Debate [Электронный ресурс] // United Nations: [сайт]. URL: <https://gadebat.un.org/en> (дата обращения: 11.07.2019).

² Совет Безопасности ООН. Отчёты о заседаниях [Электронный ресурс] // Организация Объединённых наций: [сайт]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/meetings-records> (дата обращения: 25.01.2020).

³ Cambridge dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 18.01.2020).

⁴ Совет Безопасности ООН. Отчёты о заседаниях [Электронный ресурс] // Организация Объединённых наций: [сайт]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/meetings-records> (дата обращения: 25.01.2020).

⁵ General Assembly of the United Nations. General Debate [Электронный ресурс] // United Nations: [сайт]. URL: <https://gadebat.un.org/en> (дата обращения: 11.07.2019).

⁶ Совет Безопасности ООН. Отчёты о заседаниях [Электронный ресурс] // Организация Объединённых наций: [сайт]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/meetings-records> (дата обращения: 25.01.2020).

⁷ General Assembly of the United Nations. General Debate [Электронный ресурс] // United Nations: [сайт]. URL: <https://gadebat.un.org/en> (дата обращения: 11.07.2019).

русской службы перевода ООН называют их «ООНизмами», а те, кто работал в ООН в 1990-е гг., вспоминают, что употребление по крайней мере семантической кальки *вызов* вместо *проблема* было рекомендовано руководством российского внешнеполитического ведомства.

Заемствование одного слова или значения не может существенно повлиять на языковую картину мира. Чаще происходит обратное: новая лексическая единица «меняет своё значение», подстраиваясь под «особенности как семантической системы, так и «картины мира» заимствующего языка» [3, с. 122]. Между тем одновременное заимствование единиц для использования в текстах одной тематической направленности теоретически должно изменить фрагмент языковой картины мира, если под последней понимать «специфическую для данного языка структуру лексико-семантических полей и значений слов» [8, с. 9]. На этом предположении базируется «языковое планирование», или языковая политика.

Проанализируем, чем семантические кальки отличаются от своих синонимов, прежде выполнявших в русском языке их функции. По поводу неосемемы *вызов* И. Б. Левонтина писала, что это значение отражает ситуацию, в которой трудность задачи заставляет человека «превзойти самого себя», оно передаёт «весёлый азарт и вкус к жизни» [6, с. 13]. В отличие от *проблемы*, способной оправдать бездействие или отсутствие результатов, *вызов* стимулирует мобилизацию сил и поиск необычных решений. О том, что ограничение использования слова *problem* в деловом английском было результатом языкового планирования, свидетельствуют и такие признания западных слушателей И. Б. Левонтиной: «... У нас теперь <...> лучше не произносить слово *problem*, если не хочешь испортить себе карьеру. Теперь надо вместо *problem* говорить *challenge*» [6, с. 15]. Этой рекомендации добросовестно следуют переводчики ООН.

Наделение слова *ответственность* новым значением ‘обязанности’ можно было

бы попытаться объяснить соответствующей семантической структурой данного слова в английском языке и ошибками перевода, если бы слово *обязанность* не заменялось и в других контекстах. Приведём пример правки перевода, предоставленный автору статьи редакторами русской Службы стенографических отчётов ООН: вместо первоначального варианта перевода высказывания Мексика *подтверждает свою **обязанность** соблюдения трудовых прав* в опубликованный на сайте ООН текст стенограммы попало Мексика *подтверждает свою **приверженность** соблюдению трудовых прав*¹. В отличие от слова *обязанность*, значение которого включает не только внутреннее побуждение, но и внешнее принуждение («То, что входит в круг действий, поступков, обязательных для выполнения (согласно закону, общественным требованиям, внутреннему побуждению)»²), *ответственность 1* произведено от *ответственный 3* («связанный с пониманием важности исполнения чего-л., необходимости добросовестно выполнить что-л.»³). И в *ответственности*, и в *приверженности* отражается добрая воля субъекта. Употребление этих слов в международной коммуникации демонстрирует неуклонное соблюдение принципа свободы воли.

Неосемема *поощрять* заменила расхожее в советском дипломатическом дискурсе *содействовать*. На первый взгляд, преимущества кальки *поощрять* неочевидны. Если *promote* передаёт идею продвижения, которая в рыночном обществе может связываться с неограниченным кругом объектов, и потому слово способно свободно сочетаться с самыми разными абстрактными существительными, то внутренняя форма

¹ General Assembly of the United Nations. General Debate [Электронный ресурс] // United Nations: [сайт]. URL: <https://gadebat.un.org/en> (дата обращения: 11.07.2019).

² Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.btslovar.ru> (дата обращения: 23.01.2020).

³ Там же.

поощрять (от ц.-сл. *острить*)¹ вызывает в сознании носителей русского языка мысль о начальном толчке к выполнению каких-либо действий, о нацеливании на них, т. е. оно не только имеет более узкое значение, но и требует распространения отглагольным существительным, а потому не может входить в такие частотные для ООН сочетания, как, например, *поощрять права человека*. Однако, если проанализировать лексему *содействовать* и её производные, у неё обнаруживаются несоответствующие ценностям глобального общества импликации: в просьбе *Посодействуйте* содержится прагматический компонент «окажите покровительство». Патерналистские импликации, закодированные в значении слова *содействовать*, препятствуют его употреблению в мировом языке.

Вытеснение лексики *готовность* семантической калькой *приверженность* объяснить нетрудно. *Готовность* обозначает всего лишь «2. Согласие, желание сделать что-л.»², т. е. окрашивает зависимое от него слово ирреальной модальностью: *готовность поддерживать* – это ещё не поддержка. То же можно сказать о *стремлении*: это «2. Настойчивое влечение, тяготение, решительная устремлённость к чему-л.»³. Стремление ещё нужно реализовать, в то время как *приверженность* – это преданность, верность тому, что уже существует. Постоянное подтверждение субъектом международных отношений своей верности договорённостям и обязательствам – это норма дипломатического дискурса, в рамках которого осуществляется коммуникация в ООН.

Отдельного внимания заслуживает калька *приветствовать* (welcome) в зна-

чении «амер. англ. принимать и поощрять или поддерживать что-либо»⁴, например:

(5) Мы **приветствуем** тот факт, что в этом мероприятии приняли участие несколько женщин.

Её нельзя назвать инновацией в строгом смысле слова, поскольку значение «2. прош. вр. только несомн. Сочувственно, благожелательно встречать появление чего-н., одобрять» зафиксировано ещё в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова⁵. Однако нельзя не отметить, что сочетаемость слова в этом значении невероятно расширилась: *приветствовать* теперь можно не только *инициативу* или *решение*, но и *намерение*, *план*, *прогресс*, *итоги года*, *процесс национального примирения*, *распространение действия соглашения*, *обращённые к народу призывы*, *замечания* и многое другое⁶. Переводчики пытаются игнорировать даже накладываемые русским языком грамматические ограничения, отсутствующие в английском языке: *Международный Валютный Фонд и международные рейтинговые учреждения поприветствовали* (прош. сов.) *наши усилия*⁷.

Подытоживая наши наблюдения, можно заключить, что рассмотренные инновации призваны подстроить русскую языковую картину мира под западные ценности: свобода воли, самостоятельность, оптимизм, результативность, обращённость к сегодняшнему дню.

⁴ Cambridge dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 18.01.2020).

⁵ Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3. М.: Астрель: АСТ, 2000. 1424 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 25.01.2020).

⁶ Совет Безопасности ООН. Отчеты о заседаниях [Электронный ресурс] // Организация Объединённых наций: [сайт]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/meetings-records> (дата обращения: 25.01.2020); General Assembly of the United Nations. General Debate [Электронный ресурс] // United Nations: [сайт]. URL: <https://gadebat.un.org/en> (дата обращения: 11.07.2019).

⁷ General Assembly of the United Nations. General Debate [Электронный ресурс] // United Nations: [сайт]. URL: <https://gadebat.un.org/en> (дата обращения: 11.07.2019).

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; Пер. с нем и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд. Т. 3. М.: ИЦ «Терра», 1996. 830 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer> (дата обращения: 25.01.2020).

² Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.btslovar.ru> (дата обращения: 23.01.2020).

³ Там же.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ОЦЕНКА СТЕПЕНИ ОСВОЕНИЯ НОВЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАЛЕК НАЦИОНАЛЬНЫМ ЯЗЫКОМ

Нам представилась редкая возможность оценить, насколько удачной оказалась языковая политика, начатая в 1990-е гг. О степени освоения семантических инноваций в многозначных словах, согласно выводам Т. М. Рогожниковой [7], можно судить по тому, насколько автоматически и безошибочно носители языка выбирают сочетаемость для слов с новыми значениями и насколько часто они делают выбор между семантической калкой и синонимичным ей узуальным словом в пользу первой. Чтобы оценить степень освоения интересующих нас калек по первому показателю, мы провели социолингвистический эксперимент, в котором приняли участие 50 человек в возрасте от 17 до 75 лет с разным уровнем образования. Им было предложено оценить по пятибалльной шкале правильность (нормативность) приведённых выше предложений (1) – (5), представленных попеременно с пятью другими предложениями, два из которых содержали отклонения от морфологической и синтаксической нормы, а три были выдержаны в рамках литературной нормы. Испытуемые должны были подчеркнуть то, что им представлялось неправильным, и дать краткий комментарий. Количественные результаты эксперимента представлены в таблице.

В комментариях респонденты указывали на нарушение сочетаемости, но не пытались исправлять её, а заменяли неосемемы их узуальными синонимами. Это позволяет сделать два вывода. Во-первых, освоения семантических калек за тридцать лет не произошло не только на глубинном, но и на поверхностном языковом уровне: переводчики ООН до сих пор не ушли от сочетаемости, которая присуща данным словам в английском языке, и у носителей языка тоже нет коммуникативного навыка встраивания этих семантических калек в контекст. Во-вторых, если на начальном этапе освоения семантической калки – этапе установления поверхностно-языковых и глубинно-языковых связей – начинаются сбои, к её когнитивному и коммуникативному освоению языковой коллектив не переходит. Эксперимент показал, что индивидуальные языковые картины мира, а значит – и национальная языковая картина мира, не претерпели существенных изменений, в ней не отразились преимущества новых значений, они не развились в такие «презумпции», которые «повторяются в значении целого ряда языковых единиц, представляя собою своего рода «сквозные мотивы» языковой картины мира», и которые «определённым образом согласуются друг с другом» [10, с. 15]. В противном случае носители языка не предлагали бы заменить неосемемы укорёнными в языке синонимами, они бы ощущали неравноценность такой замены.

Таблица / Table

Результаты социолингвистического эксперимента
Results of a sociolinguistic experiment

Неосемема	Количество респондентов, оценивших употребление неосемемы как ненормативное, в %	Оценка степени ненормативности предложения (1 – грубая ошибка ... 5 – немного «режет слух»)
вызов	70	1–2
ответственность	80	1–2
поощрять	70	1–4
приверженность	100	1–4
приветствовать	80	2–4

Источник: данные автора

Рассмотрим самую очевидную причину, затрудняющую вживание новых, как представляется, полезных, значений в семантическую структуру языка. Все значения рассматриваемых многозначных слов имеют хотя бы один общий семантический компонент, который в большей или меньшей степени влияет на сочетаемость слова. Так, все три значения лексемы *вызов* включают смысл «передача информации»: «1. к Вызвать (1–2 зн.)», «2. *Офиц.* Документ, содержащий требование, предложение, просьбу прибыть куда-л.», «3. Стремление, готовность вступить в спор, борьбу и т. п. (выраженное во взгляде, голосе, действиях и т. п.)»¹. «Передача» предполагает динамическое развёртывание ситуации, т. е. сценарий. *Вызов* можно *бросить* (это метонимическое переосмысление жеста, символизирующего вызов на дуэль), и ему можно так же активно противодействовать – *справляться с вызовами*. В отличие от английского *challenge* его значение не включает компонент «трудная задача», а потому это слово не сочетается с *решать*, *взяться за*, *стоит (перед нами)*. Очевидно, что встраивание неосемемы в языковую картину мира требует её гармонизации не просто с другими значениями слова – обозначаемый ею фрагмент действительности должен быть переосмыслен с помощью концептуальных метафор и метонимий, которые участвовали в формировании сочетаемости выработанных ранее значений данного слова. Из этого следует, что языковая политика не может ограничиваться рекомендацией новых эквивалентов переводчикам – её проведение требует разработки научно обоснованного плана интеграции элементов языковых кодов и последующего обучения переводчиков, журналистов, преподавателей-лингвистов использованию инноваций.

УСПЕХИ И НЕУДАЧИ ПОЛИТИКИ УНИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Несмотря на изложенные факты, говорить о полном провале политики сглаживания различий в картинах мира, воплощаемых мировыми языками, было бы неверно. Анализ исправлений переводов со стороны редакторов Службы стенографических отчётов ООН показывает, что в ходе правки значительно увеличивается концентрация слов, включающих семы «контролируемость», «результативность», «активность», «реальность». Например, вместо *Страны, предоставляющие воинские и полицейские контингенты, должны работать над преодолением культурных барьеров и стереотипов* редактором рекомендовано зафиксировать в стенограмме ...*должны работать над устранением культурных барьеров и стереотипов*². Перечисленные смыслы неоднократно указывались как отличающие англо-американскую языковую картину мира от русской [1].

Фокус внимания с начального этапа решения задач в ходе редактирования нередко смещается на продвинутый этап реализации планов, например, к переводу *Однако для обеспечения сотрудничества и многосторонности нам необходима политическая воля* рекомендовано применить правку *Однако для того, чтобы сотрудничество и многосторонний подход реально работали, нам необходима политическая воля*³. *Обеспечить* означает всего лишь «3. Создать все необходимые условия для осуществления чего-л.»⁴, т. е. обладает тем же недостатком, что и *готовность*. Можно выдвинуть осторожное предположение, что семантический переход [4], не осуществившийся в силу директивного метода

¹ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.btslovar.ru> (дата обращения: 23.01.2020).

² Совет Безопасности ООН. Отчёты о заседаниях [Электронный ресурс] // Организация Объединённых наций: [сайт]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/meetings-records> (дата обращения: 25.01.2020).

³ Там же.

⁴ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.btslovar.ru> (дата обращения: 23.01.2020).

его проведения в одной части языковой картины мира, способен еле заметными темпами неконтролируемо совершаться в другой её части. При этом уточним, что его проводниками оказываются специалисты с высокой чувствительностью к нюансам в языке (редакторы, опытные переводчики), но он не затрагивает не только обычных носителей языка, но и молодых переводчиков (в противном случае, не было бы необходимости в анализируемой здесь правке).

К фактам неосознанного выравнивания русской и английской языковых картин мира можно добавить редакторскую правку, следствием которой оказывается удаление из текстов активной в советское время концептуальной метафоры *борьбы* (она дискредитирована ассоциацией с насилием): вместо *Мы должны отказаться от гонки вооружений ради борьбы за ликвидацию нищеты* рекомендован перевод *... ради решения задачи искоренения нищеты*¹. Заданные нами вопросы редакторам показали, что такого рода правку они делают интуитивно.

Впрочем, есть как минимум один фрагмент картины мира, неудача директивного изменения которого не компенсирована даже интуитивно – он отражает идею гендерного равенства. Языковая политика в этой области сводится к рекомендации не употреблять слова, выделяющие по какому-либо признаку женщин или мужчин. Так, вместо *мужественное сопротивление* в стенах ООН звучит *смелое сопротивление*, вместо *женоненавистничество* – *сексизм*, *братские страны* стали *сестринскими*² на том основании, что *страна* женского рода. Опрос участников социолингвистического эксперимента показал их резко негативное отношение к таким заменам. К тому же, избирательный подход к лексическим

запасам языка создаёт коммуникативные трудности. Так, синхронный переводчик выступления одного из латиноамериканских лидеров на 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН, пытаясь заменить сорвавшееся с языка слово *патриархальный*, создал от испаноязычного заимствования *мачо*, внутренняя форма которого не ощущается носителями русского языка, неблагозвучный окказионализм *мачистский*: *Усилиями поборников гендера мы преодолеем патриархальные, мачистские отношения*³. Этот пример заставляет вернуться к поставленному в начале статьи вопросу: какие мировые языки, кроме английского, внесли вклад в формирование русского языка как мирового.

РУССКИЙ ЯЗЫК И ДРУГИЕ ЯЗЫКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ

Наиболее заметным следует назвать контакт с арабским языком. Из него в русский язык вошло слово *мухафаза*, пока ещё не переставшее быть ксенизмом, с него же началось разрушение орфографической системы из-за написания твёрдого знака перед *а* в корне слова – город *Даръа*, его специфика повлияла на рост вариативности при склонении имён собственных – с *Садиком Аманом Ханом* или с *Садиком Аман Ханом*. Однако даже такое разноречивое влияние нельзя объединить в комплекс семантических переходов – это привилегия английского языка.

Картина интерференции языков была бы неполной, если бы мы не упомянули ещё один объединявший когда-то народы язык – церковнославянский. Переводчики ООН обращаются к его ресурсам в поисках эквивалентов для новых терминов, например *благое управление*⁴ к англ. *good*

¹ Совет Безопасности ООН. Отчёты о заседаниях [Электронный ресурс] // Организация Объединённых наций: [сайт]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/meetings-records> (дата обращения: 25.01.2020).

² Там же; General Assembly of the United Nations. General Debate [Электронный ресурс] // United Nations: [сайт]. URL: <https://gadebat.un.org/en> (дата обращения: 11.07.2019).

³ General Assembly of the United Nations. General Debate [Электронный ресурс] // United Nations: [сайт]. URL: <https://gadebat.un.org/en> (дата обращения: 11.07.2019).

⁴ Совет Безопасности ООН. Отчёты о заседаниях [Электронный ресурс] // Организация Объединённых наций: [сайт]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/meetings-records> (дата обращения: 25.01.2020).

governance. Опрос информантов выявил нежелание с их стороны принять данный термин из-за нарушения важного принципа терминообразования – актуальности. Однако отмеченная нами тенденция в языковой политике имеет свои основания: поскольку русский язык в силу исторических обстоятельств оказался единственным представителем славянских языков в международных организациях, он должен черпать материал из общего лексического запаса. Этим, а не только стилистической необходимостью, объясняется активное использование таких, например, общеславянских лексем, как *чайание* или *вкупе*. Примечательно, что вне переводов, т. е. в выступлениях, сделанных в ООН на русском языке, подобные архаизмы крайне редки. Это лишь подтверждает нашу мысль о том, что язык переводов в ООН является особой функциональной разновидностью русского литературного языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования нами сделаны три важных вывода.

Во-первых, помимо известных функциональных разновидностей русского литературного языка, следует выделить ещё одну разновидность – русский язык как мировой. Овладение этой разновидностью требует особых знаний и некоторого навыка. Функция этой разновидности заключается в передаче информации таким

способом, чтобы вместе с нею распространялись ценности глобального общества или подтверждалась приверженность им.

Во-вторых, проведённое исследование позволило сделать добавление к выводу А. Д. Шмелева относительно того, что «попытка в директивном порядке внести в семантику языковой единицы изначально отсутствующий в ней неявный компонент проваливается» [10, с. 19]. Необходимо уточнить, что при профессиональном изучении отрицательного материала (ошибок употребления неосемем), выработке рекомендаций по их грамотному использованию и планомерному обучению по крайней мере лингвистического сообщества можно постепенно добиться усвоения инновации языком. К тому же семантический переход может затрагивать разные участки картины мира, и, чем сильнее трудности освоения одной инновации оттягивают на себя внимание носителя языка, тем вероятнее, что его интуиция переключится на другой участок картины мира и семантический переход осуществится бессознательно.

В-третьих, необходимо изучать возможности актуализации общеславянского и церковнославянского лексического запаса и вырабатывать грамотную языковую политику для возвращения архаизмов в современный литературный русский язык.

Статья поступила в редакцию 28.01.20.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. Отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
2. Дуринова Г. В. Слово и понятие «гражданин» в русском языке XVIII в. (К вопросу о лингвистической основе истории понятий) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2015. №1 (41). С. 18–38.
3. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Эволюция ключевых концептов русского языка в XX веке: аспекты изучения // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. №1 (50). С. 120–127.
4. Зализняк А. А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. №2. С. 32–51.
5. Коряковцева Е. И. К вопросу об инновационных процессах в русском, польском и чешском языках в эпоху глобальной интернационализации // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этноязыковая и этнокультурная ситуация – языковой менеджмент – языковая политика. Кн. III / Отв. ред. Г. П. Нецмиренко. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры,

2017. С. 455–481.

6. Левонтина И. Б. Русский со словарем. М.: Азбуковник, 2010. 335 с.
7. Рогожникова Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова. Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2000. 242 с.
8. Руссо М. М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сб. научных статей (электронное научное издание). 2012. Вып. 4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/9.pdf (дата обращения: 23.01.2020).
9. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 441–472.
10. Шмелев А. Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. 2009. №4. С. 14–21.

REFERENCES

1. Wierzbicka A. *Language. Culture. Cognition* (Russ. ed.: M. Krongauz, transl. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Transl. from Engl. M.: Russkie slovari Publ., 1997. 416 p.).
2. Durinova G. V. *Slovo i ponyatie «grazhdanin» v russkom yazyke XVIII v. (K voprosu o lingvisticheskoy osnove istorii ponyatij)* [The word and the notion citizen in the Russian language of the 18th century: the problem of the linguistic basis of the history of concepts] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Issue 3: Philology, 2015, no. 1 (41), pp. 18–38.
3. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Evolyuciya klyuchevykh konceptov russkogo yazyka v XX veke: aspekty izucheniya* [The evolution of key concepts of the Russian language in the twentieth century: aspects of learning]. In: *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation], 2008, no. 1 (50), pp. 120–127.
4. Zaliznyak A. A. *Semanticheskij perekhod kak ob"ekt tipologii* [Semantic shifts as an object of typology]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2013, no. 2, pp. 32–51.
5. Koryakovceva E. I. *K voprosu ob innovacionnykh processah v russkom, pol'skom i cheshskom yazykah v epohu global'noj internacionalizacii* [On the issue of innovative processes in the Russian, Polish and Czech languages in the era of global internationalization]. In: *Aktual'nye etnolyukovyye i etnokul'turnyye problemy sovremennosti: etnolyukovaya i etnokul'turnaya situatsiya – yazykovoy menedzhment – yazykovaya politika* [Actual ethnolinguistic and ethnocultural problems of the present: ethnolinguistic and ethnocultural situation – language management – language policy]. Book III / Ed. by G. Neshchimenko. Iss. 2. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2017, pp. 455–481.
6. Levontina I. B. *Russkij so slovarem* [Russian with a dictionary]. M.: Azbukovnik Publ., 2010. 335 p.
7. Rogozhnikova T. M. *Psicholingvisticheskoe issledovanie funkcionirovaniya mnogoznachnogo slova* [Psycholinguistic study of the functioning of a polysemantic word]. Ufa, Ufa State Aviation Technical University Publ., 2000. 242 p.
8. Russo M. M. *Neogumbol'dtianskaya lingvistika i ramki «yazykovoy kartiny mira»* [Neo-Humboldtian linguistics and the framework of the “linguistic picture of the world”]. In: *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov. Periodicheskij sb. nauchnykh statej (elektronnoe nauchnoe izdanie)* [Linguistics and foreign language teaching methodology. Periodic collection of scientific articles (the electronic scientific edition)], 2012, iss. 4. Available at: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012_04/9.pdf (accessed: 23.01.2020).
9. Haugen E. *Lingvistika i yazykovoe planirovanie* [Linguistics and language planning]. In: *Novoe v lingvistike. Vypusk VII. Sociolingvistika* [New in linguistics. Iss. VII. Sociolinguistics]. M.: Progress Publ., 1975, pp. 441–472.
10. Shmelev A. D. *Russkaya yazykovaya kartina mira: sistemnye sdvigi* [Russian language picture of the world: systemic shifts]. In: *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 2009, no. 4, pp. 14–21.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евтушенко Ольга Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и теории словесности Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: ovaee@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Evtushenko – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Russian language Department, Moscow State Linguistic University;
e-mail: ovaе@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евтушенко О. В. Русский язык в ООН: языковое планирование и реальные изменения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 13–23.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-13-23

FOR CITATION

Evtushenko O. V. Russian Language at the UN: Language Planning and Real Changes. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 2, pp. 13–23

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-13-23

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-24-31

РЕЧЕВЫЕ РЕАКЦИИ ИСКРЕННОСТИ И ВЕЖЛИВОСТИ ОТВЕЧАЮЩЕГО НА ВОПРОС В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СПОСОБОВ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Ли Цинь*Юго-восточный университет**210096, провинция Цзянсу, г. Нанкин, ул. Сипайлоу, д. 2, Китайская Народная Республика***Аннотация.**

Целью данной статьи является описание вежливости и искренности речевой реакции адресата на вопрос.

Процедура и методы исследования. В статье рассматриваются реакции отвечающего на вопрос, а именно *искренняя вежливость*, *неискренняя вежливость*, *искренняя невежливость*, *неискренняя невежливость* и языковые способы их реализации. Задачи статьи: конкретизировать понятия 'искренней вежливости', 'неискренней вежливости', 'искренней невежливости' и 'неискренней невежливости' отвечающего, выделить и охарактеризовать способы их реализации. В работе использовались описательный и таксономический методы исследования, а также метод контекстуального семантического анализа высказываний, с помощью которых адресат вопроса отвечает на вопрос.

Результаты проведённого исследования. Актуальность исследования определяется, с одной стороны, необходимостью анализа речевых реакций отвечающего на вопрос, а с другой стороны – постижением феномена искренности и вежливости этих речевых реакций, что важно для межличностной коммуникации. Научная новизна исследования состоит в выявлении лингвистических показателей вежливости и искренности как разных типов реакций на вопрос.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что его результаты и выводы могут способствовать определению таких понятий, как 'искренняя вежливость', 'неискренняя вежливость', 'искренняя невежливость' и 'неискренняя невежливость' отвечающего. Проведённый анализ может стать теоретической основой для дальнейших исследований в области межличностной коммуникации.

Практическая значимость работы заключается в том, что её материал может быть использован в учебных курсах по риторике, прагматике, анализу дискурса, в практических руководствах по риторике и ведению коммуникации.

Ключевые слова: межличностная коммуникация, психолингвистика, речевой этикет

VERBAL RESPONSES OF THE SINCERITY AND COURTESY OF RESPONDENTS IN THE LIGHT OF LINGUISTICS ANALYSIS OF THEIR IMPLEMENTATIONS

LiQin*Southeastern University**2 Sipai building ul., Nanjing 210096, Jiangsu Province, P. R. China***Abstract.**

Purpose. The purpose of this article is to describe both the politeness and sincerity of the addressee's speech response to the question.

Methodology and Approach. The article deals with the *sincere politeness of the person answering the questions and the language ways of its implementation, the insincere politeness of the person answering the question and the language ways of its implementation, the sincere impoliteness of the person answering the question and the language ways of its implementation, the insincere impoliteness of the person answering the question and the language ways of its implementation*. The purpose of the article is to specify the concept of sincere politeness, insincere politeness, sincere impoliteness and insincere impoliteness of the Respondent when answering a question, including ways to identify their implementation. The paper uses descriptive and taxonomic research methods, as well as the method of contextual semantic analysis of statements, with which the addressee of the question answers the question.

Results. The relevance of the study is determined, on the one hand, by the need to analyze the speech responses of the person answering the question, and on the other hand, by the sincerity and politeness of these speech responses. The scientific novelty of the study consists in identifying the politeness and sincerity of different types of responses to a question.

The Theoretical Implication of the study determined that the results and conclusions can contribute to the definition of concepts such as 'sincere politeness', 'insincere politeness', 'sincere impoliteness' and 'insincere impoliteness' may serve as a theoretical basis for further research in the field of interpersonal communication.

The Practical Implication of the work is that its material can be used in training courses of rhetoric, pragmatics, discourse analysis, in practical manuals on rhetoric and communication.

Keywords: interpersonal communication, psycholinguistics, speech etiquette

ВВЕДЕНИЕ

Изучение вопросно-ответного взаимодействия – это одно из актуальных направлений современных исследований в области речевого взаимодействия¹. Вопросно-ответное взаимодействие — это сложный двусторонний процесс, предполагающий, с одной стороны, постановку вопросов, а с другой — реакцию на них. Реакция отвечающего на вопрос включает неречевую и речевую формы. К неречевой реакции относятся молчание, жест, взгляд и т. д. Речевая реакция отвечающего на вопрос бывает различной: он может искренне уточнить смысл непонятого ему вопроса, оттянуть ответ до нужного ему момента, непреднамеренно уйти от основной темы вопроса, даже преднамеренно уточнить смысл понятого ему вопроса,

представить неинформативный ответ, переадресовать ответ заведомо некомпетентному лицу и т. д. [5].

Целью данной статьи является описание вежливости и искренности речевой реакции адресата на вопрос. **Актуальность** исследования определяется, с одной стороны, необходимостью анализа речевых реакций отвечающего на вопрос, а с другой стороны – постижением феномена искренности и вежливости этих речевых реакций, что важно для межличностной коммуникации. **Задачи** статьи – выявить и систематизировать типы речевых реакций на вопрос, охарактеризовать их вежливость и искренность и проанализировать способы реализации 'искренней вежливости', 'неискренней вежливости', 'искренней невежливости', 'неискренней невежливости'. **Научная новизна** исследования состоит в системном анализе реплик отвечающего на вопрос: впервые речевые вежливость и искренность были рассмотрены на фоне реакций адресата на вопрос, выявлены и подробно описаны речевые действия для реализации реакции искренности и вежливости отвечающего на вопрос.

¹ Глухов В. П. Психолингвистика: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017. 361 с.; Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебник для вузов. М.: УРСС, 2000. 352 с.; Кронгауз М. А. Семантика: учебник для вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.; Падучева Е. В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Изд-во ЛКИ, 1985. 288 с. [8].

ИСКРЕННЯЯ ВЕЖЛИВОСТЬ И ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ

Искренняя вежливость отвечающего на вопрос проявляется тогда, когда адресат стремится представить информацию, которую он считает истинной и которая действительно нужна адресанту. Это искреннее представление отвечающим на вопрос информации, которая снимает неопределённость, заключённую в поставленном вопросе. В зависимости же от разных оснований искренние ответы могут быть разделены на следующие виды [4]: 1) прямой ответ, косвенный ответ; 2) полный ответ, непреднамеренно неполный ответ [8, с. 236–237]; 3) ответ, соответствующий исходному предположению (далее – ИП) вопроса; ответ, не соответствующий ИП вопроса [8, с. 238]; 4) ответ, соблюдающий предметную область вопроса; ответ, непреднамеренно не соблюдающий предметную область вопроса [8, с. 237–238]; 5) истинный ответ и непреднамеренно ложный ответ [1, с. 92].

Искренне и вежливо реагируя на вопрос, адресат даёт какой-то нужный спрашивающим ответ, чтобы неизвестное оказалось известным.

НЕИСКРЕННЯЯ ВЕЖЛИВОСТЬ И ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ

Неискренняя вежливость проявляется тогда, когда человек не намерен отвечать на вопрос, но не прямо говорит *Нет*, а имплицитно даёт собеседнику это понять [2; 3; 7]. По сути, это отказ, данный собеседнику в мягкой, а не в резкой форме. Иными словами, это уклонение от ответа, которое понимается как высказывание, выражающее отрицательное отношение к вопросу в имплицитном виде, косвенным образом. Буквальная иллюкутивная функция такого высказывания отвечающего может быть разной: это может быть демонстративное сообщение ненужной спрашивающему информации, демонстративное уточнение смысла вопроса, демонстративное обещание ответить в ближайшем будущем и т. д.,

но имплицитная цель высказывания состоит в том, чтобы поставленный вопрос был оставлен без ответа. Можно привести в качестве примера диалог между Генрихом и Бургомистром, в котором они обсуждают будущую схватку Дракона и Ланцелота:

Генрих. *Когда же вы решите вопрос об оружии?*

Бургомистр. *О каком оружии?*

Генрих. *Для Ланцелота.*

Бургомистр. *Для какого Ланцелота? (Е. Шварц).*

Вопрос Генриха содержит прагматическую пресуппозицию «речь идёт об оружии для Ланцелота, который собирается драться с Драконом». Бургомистр не хочет помогать Ланцелоту и делает вид, что он абсолютно не понимает ситуацию. Аналогичным примером также может служить ответ главы муниципального образования города Мурманска Дмитрия Филиппова на вопрос об уборке снега в городе:

— *Оцените, пожалуйста, работу администрации города по уборке снега, видите ли Вы ошибки?*

— *Это отдельная тема, мы обязательно встретимся и поговорим.*¹

Д. Филиппов уклоняется от ответа на вопрос, апеллируя к своей занятости и как бы намекая, что сейчас у него нет времени на обсуждение этого вопроса в силу, видимо, того, что он требует долгого и развёрнутого ответа. Он также обещает, что он встретится с журналистом и поговорит с ним на эту тему. Это демонстративное обещание дать ответ в ближайшем будущем является достаточно корректным и вежливым способом уклониться от ответа, который не предполагает дальнейших реплик спрашивающего. См. также диалог из интервью В. В. Жириновского:

— *Откуда у вас Maybach?*

— *Откуда, откуда — из Германии!*²

¹ Дмитрий Филиппов ушёл от ответа по уборке дорог в Мурманске [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5vzLpQTqkzM> (дата обращения: 15.11.2019).

² Socratify.net [Электронный ресурс]. URL: <https://socratify.net/quotes/vladimir-volfovich-zhirinovskii/42110> (дата обращения: 15.11.2019).

Спрашивающий намекает на то, что *Maybach* — слишком дорогая машина. Жириновский, уклоняясь от ответа, даёт понять, что считает наличие у себя такой собственности своим личным делом. В данном случае адресант и адресат вопроса по-разному понимают знание слова *откуда*: спрашивающий имеет в виду способ получения машины (купил, подарили и т. д.), а Жириновский делает вид, что речь идёт о стране происхождения. Политик выражает негативное отношение к сомнениям журналиста в своих финансовых способностях посредством экспрессивного речевого акта и речевого акта сообщения, использует игру со значениями полисеманта.

ИСКРЕННЯЯ НЕВЕЖЛИВОСТЬ И ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ

Искренняя невежливость адресата возникает, когда отвечающий на вопрос настроен на непредоставление нужной собеседнику информации посредством эксплицитного отказа от ответа и / или ответа-обмана. **Отказ от ответа** — это явное выражение нежелания сообщать спрашивающему нужную ему информацию, он может осуществляться прямым или косвенным способом [6]. О прямом отказе от ответа можно говорить, когда адресат буквально выражает своё нежелание отвечать на вопрос, т. е. чётко и кратко даёт собеседнику понять, что он не намерен разглашать запрашиваемую информацию, при помощи конструкций типа: *Никогда не скажу; Не скажу; Я не буду Вам ничего объяснять!* См. следующий диалог:

— Скажите, зачем вы попросили Рябинина пририсовать здесь Большую Медведицу?

— Нет, Иван Дмитриевич, этого я вам не скажу (Л. Юзефович).

О косвенном отказе можно говорить, когда отвечающий выражает своё нежелание отвечать на вопрос при помощи оскорбления, грубого / раздражённого требования, враждебного замечания, угрозы или перечисления разнообразных

причин нежелания отвечать на вопрос и т. д., например: *А ты кто — сыщик? Уходи прочь! Рот закрой! Замолчи! Не спрашивай! Пошёл вон. Не вмешивайтесь в мою жизнь. Оставь меня в покое! Тебе лучше не знать. Жив будешь!* Приведём пример, в котором говорящая В поехала к подруге, чтобы продать уникальные украшения, которые говорящая А уже больше года выпрашивала у говорящей В:

— Что происходит, Маша?

— Рим, я тебя очень прошу, не спрашивай. Скажи, покупаешь кольцо или нет (из к/ф «Ошибки молодости»).

Отвечающая замалчивает причины, побудившие её продать столь дорогостоящие украшения, так как совершенный ею в прошлом поступок является той информацией, раскрывать которую она не хочет и боится.

Не имея желания делиться со спрашивающим требуемой информацией, отвечающий может преднамеренно дать вместо искреннего ответа на вопрос ложную информацию, соблюдающую предметную область вопроса. Под **преднамеренным ложным ответом** подразумевается высказывание, содержащее прямой ответ, но заключённая в нём информация не отражает реальное положение дел. Преднамеренно ложный ответ делится на два вида: обман и заведомо ложный ответ. Ответ-обман характеризуется тем, что представляемая в нём информация задающим вопрос в момент разговора принимается как искренняя, ложность которой даже, возможно, никогда не выяснится. Отвечающий представляет ответ-обман, чтобы ввести спрашивающего в заблуждение, так как он знает, что спрашивающий не сомневается в истинности ответа в момент разговора, даже, возможно, и не узнает о его ложности. Например, профессор Преображенский задаёт подобный вопрос как бы от лица девушки, которую обманывает Шариков, чтобы изобличить Шарикова перед ней:

— Отчего у вас шрам на лбу?

— Я на колчаковских фронтах ранен (М. Булгаков).

Шариков пытается выкрутиться и, чтобы не потерять уважение девушки, лжёт ей, но только потом она узнаёт, что это ложь и что Шариков вовсе не человек в обычном смысле слова.

НЕИСКРЕННАЯ НЕВЕЖЛИВОСТЬ И ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ

Неискренняя невежливость адресата имеет место в случае, когда коммуникация неожиданно подвергается неудаче, например: 1) адресат не расслышал или не понял, чего от него хочет спрашивающий, и намерен прояснить ситуацию (к примеру: *что? кого? в каком смысле?*); 2) адресат хотел потянуть с ответом из-за того, что разговор происходит в неуместной обстановке; 3) адресат пытается представить ответ, когда он ещё не разобрался в том, о чём спрашивают, и т. д.

Рассмотрим примеры:

1) Адресат не расслышал, о чём его спрашивают, и решил переспросить. См. диалог молодого человека и глуховатого деда:

— *Родствие Мелеховым?*

— *Как?*

— (Громче) *Родствие, говорю?*

— *Ага, дедом довожусь* (М. Шолохов).

В данном примере дед уточняет вопрос, так как он его не расслышал.

2) Адресат не готов отвечать на вопрос по причине того, что разговор происходит в неуместной обстановке. См. диалог Тальберга и его жены, которая хочет развестись с ним и выйти замуж за Шервинского:

Тальберг. *Здравствуй, Лена. Что это значит?*

Елена. *Погоди... Господа, выйдите все на минутку, оставьте нас вдвоём с Владимиром Робертовичем* (М. Булгаков).

В данном примере иллюкутивная цель вопроса не достигается сразу, потому что окружающая обстановка и состояние Елены не подходят, с её точки зрения, для ответа.

3) Говорящий считает, что его собеседник сам знает ответ. См. следующий диалог, в котором Лариосика, кузена из

Житомира, при первой встрече никто не узнает, пока он не представляется:

Алексей. *Позвольте узнать, с кем я имею честь говорить?*

Лариосик. *Как — с кем? Вы меня не знаете?*

Алексей. *К сожалению, не имею удовольствия* (М. Булгаков).

Лариосик был уверен, что все его узнали, поэтому не посчитал нужным представиться.

4) Адресат пытается предоставить ответ, когда он ещё не разобрался в том, о чём спрашивают. Например, женщина в денежном долгу перед спрашивающим, поэтому она старается найти оправдание для отсрочки выплаты задолженности.

— *У меня синяк под глазом. На улице стесняюсь выйти. Деньги сразу же верну.*

— *Откуда?*

— *Тебе какое дело? Шубу продала.*

— *Я не про деньги говорю. Синяк откуда?* (С. Довлатов).

Собеседники не понимают друг друга потому, что женщина считает, что их обоих волнует денежный вопрос, в то время как мужчину беспокоят появившиеся на её лице последствия какой-то травмы. В результате становится ясно, что предмет разговора у собеседников разный.

5) Спрашивающий обращается к тому, кто не компетентен в вопросе. См. следующий диалог (говорящая беспокоится о своём сыне, который был арестован, хотя он был не виноват, и хочет узнать о его местоположении):

— *Как же я теперь узнаю, где он?*

— *Это меня не касается, — ответил следователь, — узнайте лучше в судебной инстанции* (Л. Чуковская).

Следователь, отвечая на вопрос собеседницы о местонахождении её сына, указывает на собственную некомпетентность и переадресует вопрос, советуя обратиться в судебную инстанцию, где спрашивающая сможет получить ответ.

6) Адресат думает, что его собеседник неискренне задаёт вопрос, т. е. одно из условий успешности вопроса — условие

искренности — нарушено. См. следующий пример:

Артур. *Так ведь я же знаю, что вы скажете.*

Чарнота. *Интересно, что?*

Артур. *Гораздо интереснее то, что я вам скажу. Кредит — никому (М. Булгаков).*

Задавая вопрос, Чарнота не стремится к ответу, так как он заметил, что Артур уже догадался, что его конечная цель коммуникации состоит в том, чтобы занять денег. Чувствуя необходимость в ответе, Артур игнорирует вопрос и переключает внимание Чарноты на отказ в кредите.

7) Адресат понимает поставленный вопрос, но не способен дать на него ответ по одной из следующих причин:

a) вопрос имеет ложную пресуппозицию;

b) модель мира спрашивающего отличается от общепринятой;

c) отвечающий не компетентен в запрашиваемой информации;

d) запрашиваемая информация носит конфиденциальный характер (d рассматривается как разновидность отказа от ответа).

См. диалог из интервью певца Ю. В. Шатунова в 2002 г.:

— *Какая у тебя машина?*

— *У меня нет машины¹.*

Пресуппозиция спрашивающего состоит в том, что у Ю. В. Шатунова есть машина, но на самом деле её (машины) у него нет, поэтому поставленный вопрос оставлен без ответа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, *искренняя вежливость* отвечающего на вопрос является искренним предоставлением отвечающим на вопрос информации, которая снимает неопределённость, заключённую в поставленном вопросе. К ней относятся прямой ответ, косвенный ответ, полный ответ, непреднамеренно неполный ответ, ответ, соот-

ветствующий ИП вопроса [8, с. 64, 238]; ответ, не соответствующий ИП вопроса; ответ, соблюдающий предметную область вопроса; ответ, непреднамеренно не соблюдающий предметную область вопроса, истинный ответ и непреднамеренно ложный ответ.

Неискренняя вежливость имеет место тогда, когда человек не намерен отвечать на вопрос, но не прямо говорит *Нет*, а имплицитно даёт собеседнику это понять, т. е. когда отвечающий уклоняется от ответа.

Искренняя невежливость адресата на вопрос возникает, когда отвечающий настроен на непредставление нужной собеседнику информации посредством эксплицитного отказа от ответа и / или ответа-обмана.

Неискренняя невежливость адресата на вопрос проявляется в случае, когда коммуникация неожиданно подвергается неудаче, например: 1) адресат не расслышал или не понял, чего от него хочет адресант, и намерен прояснить ситуацию; 2) адресат хотел тянуть с ответом из-за того, что разговор происходит в неуместной обстановке; 3) адресат пытается предоставить ответ, когда сам ещё не разобрался в том, о чём спрашивают и т. д.

Немаловажное влияние на стратегию и тактику речевого поведения в межличностной коммуникации оказывают коммуникативные навыки адресанта: способен ли он правильно анализировать настоящую мысль адресата и может ли он аргументировать свою точку зрения, реагируя на искренние / неискренние / вежливые / невежливые реплики. Результаты данной статьи позволяют человеку эффективно общаться при ответе на вопрос и занимать в группе лидерскую позицию.

Статья поступила в редакцию 03.03.20.

¹ Музыкальный портал «Государство ДЕТСТВО». [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 15.11.2019).

БЛАГОДАРНОСТИ

Данная статья выполнена при финансовой поддержке китайского гуманитарного исследовательского фонда провинции Цзянсу (проект №19YYC06) и фондов фундаментальных исследований для китайских центральных университетов (проект №2242020S20050 и проект №2242020R10030).

ACKNOWLEDGMENTS

This article was financially supported by the Chinese Humanities Research Foundation of Jiangsu province (Project No. 19YYC06) and by the Fundamental Research Funds for the Chinese Central Universities (Project No. 2242020S20050 and Project No. 2242020R10030).

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. Вып. 2. М.: Наука, 1992. С. 84–99.
2. Ли Цинь. Коммуникативные приёмы реализации стратегии уклонения от ответа // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 2. С. 96–101.
3. Ли Цинь. Стратегия уклонения от ответа // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 2. С. 233–238.
4. Ли Цинь. Условия эффективной реализации речевого акта вопроса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. №2. С. 168–174.
5. Ли Цинь. Типы речевых реакций адресата на вопрос // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №6. С. 90–98.
6. Ли Цинь. Коммуникативная тактика отказа от ответа и речевые ходы её реализации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. №12. Том 90. Ч. 3. С. 557–561.
7. Ли Цинь. Речевые ходы реализации коммуникативной тактики уклонения от ответа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. №8. С. 34–38.
8. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Изд-во ЛКИ, 1985. С. 236–238.

REFERENCES

1. Baranov A. N., Kreidlin G. E. *Illokutivnoe vynuzhdenie v strukture dialoga* [Illocutionary compulsion in the structure of the dialogue]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of linguistics]. Issue 2. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 84–99.
2. Li Tsin. *Kommunikativnyye priyemy realizatsii strategii ukloeneniya ot otveta* [Communication techniques for implementing an evasion strategy] // *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2017, no. 2, pp. 96–101.
3. Li Tsin. *Strategiya ukloeneniya ot otveta* [The strategy of avoidance response] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 2017, no. 2, pp. 233–238.
4. Li Tsin. *Usloviya effektivnoy realizatsii rechevogo akta voprosa* [Conditions for effective implementation of the speech act of the question] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 2017, no. 2, pp. 168–174.
5. Li Tsin. *Tipy rechevykh reaktsiy adresata na vopros* [Types of speech responses of the addressee to the question] // *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2018, no. 6, pp. 90–98.
6. Li Tsin. *Kommunikativnaya taktika otkaza ot otveta i rechevye khody ee realizatsii* [Communicative tactics of non-response and speech moves of its implementation] // *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice]. Tambov, Gramota Publ., 2018, no. 12, vol. 90, part 3, pp. 557–561.
7. Li Tsin. *Rechevye khody realizatsii kommunikativnoy taktiki ukloeneniya ot otveta* [Speech moves the communicative tactics of answer evasion] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 2018, no. 8, pp. 34–38.
8. Paducheva E. V. *Vyskazyvaniye i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu. Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy* [The statement and its correlation with reality. Referential aspects of the semantics of pronouns]. Moscow, Izdatel'stvo LKI Publ., 1985, pp. 236–238.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ли Цинь – старший преподаватель кафедры русского языка Института иностранных языков Юго-восточного университета (Китай);
e-mail: chineseli@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

LiQin – senior teacher at the Department of the Russian language at the Institute of foreign languages, Southeastern University (China);
e-mail: chineseli@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ли Цинь. Речевые реакции искренности и вежливости отвечающего на вопрос в свете лингвистического анализа способов их реализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 24–31.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-24-31

FOR CITATION

LiQin. Verbal Responses of the Sincerity and Courtesy of Respondents in the Light of Linguistics Analysis of Their Implementations. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 2, pp. 24–31.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-24-31

УДК 81'373

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-32-41

ПОНЯТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАНИЦЫ В РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКСИОСФЕРЕ

Милованова М. С., Чжао Мэйвэй

*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Цель статьи заключается в рассмотрении понятия коммуникативной границы как традиционно значимого в русской национальной аксиосфере.

Процедура и методы исследования. В статье анализируются национальные традиции в установлении либо сглаживании коммуникативных границ, при этом акцентируются особенности русского коммуникативного поведения. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, структурно-семантического анализа.

Результаты проведённого исследования. В результате проведённого анализа выявлено, что специфику русского коммуникативного поведения составляет чёткое обозначение и установление границ, ситуативно и коммуникативно обусловленных.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования вносят определённый вклад в развитие идей лингвоаксиологии, коммуникативистики и антропологической лингвистики.

Ключевые слова: русская национальная аксиосфера, субъективное отрицание, коммуникативная граница, семантика волевого ограничения

THE CONCEPT OF “COMMUNICATIVE BORDER” IN THE RUSSIAN NATIONAL AXIOLOGICAL SPHERE

M. Milovanova, M. Zhao

*Pushkin State Russian Language Institute
6 Akademika Volgina ul., 117485 Moscow, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The purpose of the article is to consider the concept of a communicative border as a traditionally significant one in the Russian national axiosphere.

Methodology and Approach. The article analyzes national traditions in establishing or smoothing out communicative boundaries while emphasizing the features of Russian communicative behavior. During the research, methods of observation, generalization, structural and semantic analysis were applied.

Results. The analysis revealed that the specificity of the Russian communicative behavior is clearly defined and set boundaries that are situationally and communicatively determined.

Theoretical and / or Practical implications. The results of the research make a certain contribution to the development of the ideas of linguoaxiology, communicative studies, and anthropological linguistics.

Keywords: Russian national axiological sphere, subjective denial, the border of communication, semantic restrictions of volition

ВВЕДЕНИЕ

Результаты социологических и филологических исследований свидетельствуют о том, что в современном российском обществе происходят колоссальные изменения: обособление общественных и личных интересов, атомизация общества, индивидуализация сознания, глубинная перестройка информационных и коммуникативных связей. В целом изменяется система базовых / общечеловеческих и традиционных национальных ценностей [4; 5], что приводит к постепенной трансформации менталитета: «Языковой менталитет при всей устойчивости способен адаптационно изменяться, особенно под воздействием изменившейся среды существования народа» [13, с. 166]. Вместе с тем наряду с «переменными» современных ценностей представлений существуют «константы» – представления, которые можно рассматривать, во-первых, как исконно и традиционно ценностные для русского национального менталитета [28], во-вторых, актуальные для современных носителей русского языка.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ: КОММУНИКАТИВНАЯ ГРАНИЦА КАК НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Граница – понятие традиционно значимое, выражающее важный для русского национального сознания смысл и отягощённое множественными ассоциациями, с ним связанными. Понятие пользуется особым вниманием исследователей и неоднократно рассматривалось в лингвистических работах в историко-этимологическом, лингвокогнитивном, лингвофилософском, сопоставительном, терминологическом аспектах [3; 6; 7; 10; 12; 14; 15; 19; 20; 22; 23]. В настоящей статье предлагаем рассмотреть проблему с коммуникативно-прагматической точки зрения.

В языковом сознании современных носителей русского языка словами, репрезентирующими понятие границы, являются следующие, которые могут употребляться

как в пространственном¹, так и в непространственном значении: *черта* (подвести черту, у последней черты), *стена*, *пропасть* (между нами стена / пропасть), *рубеж* (последний рубеж), *точка* (дойти до точки), *рамка* (выйти за рамки дозволенного), *линия*, *край*, *берег*², а также лексемы *начало* и *конец* [12; 15].

Мысль о непространственной (метафорической) границе, помимо двух общепризнанных форм – временные и морально-этические границы – имеет ещё одну форму представления. Речь идёт о коммуникативной границе, а именно о границе, устанавливаемой волей говорящего. Идея волевой границы – это область пересечения и взаимодействия субъективно-модальных значений, связанных с семантикой отрицания-«отталкивания».

Известный историк и социолог Б. Ф. Поршнев выдвинул тезис о противопоставлении как обязательном компоненте этнического самосознания, предполагающем наличие границы [19]. Следовательно, оба понятия – *противопоставление* и *граница* – являются фактом любого национального сознания и находят отражение в национальном языке. Вместе с тем мысль о коммуникативной границе не является одинаково ценной в национальных лингвокультурах.

Коммуникативная практика переосмысляет понятие границы противопоставления под углом зрения Я – не-Я. И если

¹ Обозначением физической, материальной – непространственной – границы может стать любой предмет (знак границы). Об этом факте свидетельствует этимология праславянского слова **gran*, имеющего в славянских языках производные с мотивирующим значением *межевого знака*: болгарско-сербское *граница* – ‘дуб’, возможно, изначально ‘дуб с затесью’; чешское *hraniště* ‘костёр’ – ‘вероятно, яма с углями для обозначения межи» [20, с. 155].

² Например, начало стихотворения У. Э. Хенли *Out of the night that covers me / Black as the pit from pole to pole...* в русском переводе звучит как *В глухой ночи без берегов* (пер. В. Рогова). Для создания образа огромной ночи переводчик использует традиционное в русском сознании представление, связанное с отсутствием границ, ср.: *бескрайний, бесконечный, безбрежный*. Ср. дословный перевод: *от полюса до полюса* [11, с. 56-59], то есть ‘от одной границы до другой’.

любая граница принадлежит обоим сторонам [14, с. 210; 19, с. 12], то коммуникативную границу, как и любую другую, можно перенести, что и происходит в реальном диалоге, при этом говорящий и собеседник могут меняться местами, когда один из говорящих возражает, то есть демонстрирует свою волю и расширяет собственное коммуникативное пространство за счёт коммуникативного пространства говорящего¹.

В современном русском языке универсальным средством выражения коммуникативной границы является слово *нет*. Частотный словарь под редакцией Л. Н. Засориной, выявляющий границы живой лексической системы 70-х годов прошлого века, присваивает ему «ранг» (= номер) 51, то есть *нет* входит в группу самых востребованных слов русского языка второй половины XX века [27]. При этом следует отметить стабильность положения слова, о чём свидетельствуют данные справочного издания «Система лексических минимумов» [24] и материалы ассоциативного эксперимента, основой которого стал сопоставительный диахронный анализ двух языковых картин мира – казахской и русской [2, с. 19]. Интерес представляют данные, отражающие факт изменений в языковой картине мира казахов, вызванных дистанцированием отношений с Россией и русскими. В частности, слово *нет* переместилось с 13-го места (1978) на 42-е (2014) [2, с. 9]. Возвращение к национальным традициям определяет реальное место этого слова в ранговой коммуникативной системе современного казахского языка, в то время как русский язык демонстрирует стабильно высокий рейтинг слова *нет*.

Фактор частотности определяет коммуникативную актуальность слова, под которой авторы «Большого универсального словаря» подразумевают «ценностную характеристику слова, которая определяется,

с одной стороны, её смысловой важностью и употреблением в рамках важных словарных тем и ситуаций (идеографический критерий), а с другой – его соответствием наиболее существенным интенциям (функциональный критерий)» [18, с. 8]².

Линия, реальная или воображаемая, – в основе противопоставления двух предметов, однако за любым противопоставлением находится субъект, и семантика любого «ограничивающего» слова ориентирована на субъекта речи [12, с. 94]. Формирование модальной семантики связано с расширением представления о *воле* говорящего субъекта: значение отрицания «отталкивания» возникает тогда, когда воле одного субъекта противопоставляется воля другого, при этом точкой отсчёта и линией границы становится субъект говорящий, который определяет границу / предел чужой воли.

Ю.С. Степанов для описания концепта *воля* использует формулу *воля = хочу* (*Я хочу*), устанавливая непосредственную связь понятия воли с понятием *желание* / *хотение*. Глагол *хотеть* связан этимологически с глаголом *хватати*, и оба глагола восходят к одному корню индоевропейского происхождения **goǵǵ-/gū* со значением 'хватать', последующим наращением *-t-* и видоизменённым составом гласных **gūǵ-t-*: «Отношения *хватать* – *хотеть* являются специфически славянскими» [23, с. 430-431]. Древнерусское *хѣтѣти* и старославянское *хотѣти* имеют форму опатива со специфической внутренней формой 'да будет так, чтобы я схватил', из семантического компонента, связанного с мыслью о желании, развивается впоследствии значение 'хотеть' [23, с. 432].

Таким образом, как показывает этимологическое исследование семантического развития глагола, предпринятое

¹ Ситуация диалога, в том числе и внутреннего диалога-спора: *И однажды я сказал себе: всё, хватит* (Валентин Курячий. Вдали от суесть и блеска // «Homes & Gardens», 15.04.2002).

² Вместе с тем в работах, оценивающих частотность употребления слова *нет*, не принимается во внимание неоднородность его лексического значения, хотя грамматическая / функциональная омонимия фиксируется в некоторых словарях [9, с. 480; 18, с. 201]. С учётом разных аспектов общей отрицательной семантики нет выделяются два значения слова – «объективное» и «субъективное» [16; 17].

Ю. С. Степановым, понятие воли находится в непосредственной связи с понятием 'желание'. Слово *нет* в его «субъективном» значении (диалоговое *нет*) является универсальным средством выражения воли говорящего, связанной с установлением коммуникативной границы. Любопытно, что в этом случае желание как воля реализуется «от противного» – через не-желание: = *Я не хочу*. Ср.: – *Может, ещё хочешь?* / – *Нет, сыт*. / – *А то мы ещё один котелок можем положить*. / – *В меня уже не лезет*. / – *Не хочешь* – как хочешь. *Твоя воля*. У нас такое правило: мы никого насильно не заставляем¹.

Значение «субъективного» *нет* – 'граница, устанавливаемая волей говорящего субъекта': один из говорящих противопоставляет свою волю и своё желание чужой воле и чужому желанию, ограничивая их, то есть передвигает границу паритетных отношений, расширяя при этом зону своего интереса. Детализирующая этот общий смысл отрицания-«отталкивания» семантика волевого ограничения реализуется в ситуации, когда говорящий решительно устанавливает некий предел чьим-либо действиям, продолжавшимся определённое время, в течение которого говорящий их вынужден был терпеть: 'Я говорю *нет продолжению* чего-либо'. Семантику волевого ограничения можно интерпретировать как 'граница / предел терпения говорящего субъекта' [16, с. 222]. Ср.: *Терпели, терпели*, и в какой-то момент ложь и бес-предел зашкалили: *всё – хватит!* (НКРЯ²).

Приводимые ниже примеры показательны тем, что в одном контексте слова *полно*, *довольно*, *хватит*, *баста* пересекаются с лексемой *граница* (элемент фразеологического оборота): *Что ты в голову забрал? / Я, конечно, обещал, / Но всему же есть граница! / И зачем тебе девица? / Полно, знаешь ли, кто я?* (А. С. Пушкин.

Сказка о Золотом петушке); *Хватит*, – повторил я. – *Баста. Всё имеет свои границы* (НКРЯ³).

Языковые средства, выражающие семантику волевого ограничения, могут употребляться параллельно со словом *нет* или с отрицательными глагольными формами: – *Нет, всё, хватит*, надоело! – закричал Горчаков (НКРЯ⁴); *Да, пришла, потому что всё, хватит*, больше она здесь работать *не желает* и *не будет* (НКРЯ⁵). Экспрессивным способом выражения семантики является совместное употребление нескольких синонимичных слов, в таком усиленном сочетании коммуникативная граница обозначается более настойчиво и категорично: *В разгар притветствий Лорд вдруг начинает плакать. – Всё, хватит*, – сразу командует Сфинкс (НКРЯ⁶); *Она взяла руку дочери и водила по собачьей голове и спине. – Ну всё, хватит*, – сказала она (НКРЯ⁷).

Эту же мысль о волевом ограничении в определённой коммуникативной ситуации способны выражать императивные формы глаголов, лексическое значение которых включает сему '(временной) предел' – *брось, постой, подожди, отстань, перестань, кончай* и др.: *Мать вдруг задумалась. Лицо у неё стало напряжённое и внимательное, словно она к чему-то прислушивалась. // – Постой, Сашенька! Постой минутку, не перебивай*⁸; – *Посмотри на них*, – говорит Борис, – *посмотри на их лица. Просто страх берёт. // – Брось!* – говорю я. – *Нормальные московские ребята; И вдруг младший брат приходит и просит на минутку твою бритву. А однажды ты видишь, что он лежит на диване с совершенно потерянным видом и*

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 03.03.2020).

⁷ Там же.

⁸ Тэффи Н. Взамен политики. [Электронный ресурс]. URL: <https://itexts.net/avtor-nadezhda-aleksandrovna-teffi/29211-vzamen-politiki-nadezhda-teffi/read/page-1.html> (дата обращения: 03.03.2020).

¹ Катаев В. П. Сын полка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruslit.rau.ru/lib/book/kataev-syn-polka/kataev-syn-polka.html> (дата обращения: 03.03.2020).

² Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 03.03.2020).

на твой вопрос бурчит: «**Отстань!**»; – Ты не болен случайно? // – Как тебе сказать? Организм, ха-ха, держится только на молоке. Ежедневно до 10 стаканов. Две у меня слабости... // – Ну ладно, **кончай!** – грубо отрезал я его¹.

Установление коммуникативных границ – смысл для русского «мыслечувствования» неизменно актуальный, ротации подвергаются конкретные лексемы. Например, «архивированы» лексемы *полно(те)* и *будет*; незнакомы современным носителям русского языка заимствования из французского *assez* / *assez*, встречающиеся в текстах XIX – первой половины XX вв.: *Вздор мелешь, малый. / Уши вянут. Полно!* (А. Дельвиг); *В новое время кто-то (едва ли не Писарев) горько упрекал профессоров, что его долго томили над упражнениями переводов иностранных или древних авторов. Полноте!* (И. А. Гончаров); – *Вы что же, всю ночь намереваетесь палить? Фу, какой воздух, всю комнату порохом про-тушили! Будет, будет!* (Г. Скребицкий); *Играла в тот вечер в казино. Он стоял рядом, тоже играл, следил сумасшедшими глазами за шариком и всё выигрывал, выигрывал раз, два, три, четыре... Я тоже всё выигрывала, он это видел и вдруг сказал: «Шабаш! Assez!»* (И. Бунин); *Александров выпил ещё один бокал шампанского и вдруг почувствовал, что больше нельзя. «Генуэ, ассе, баста, довольно», – сказал он ласково засмеявшемуся лакею* (А. Куприн).

Вместе с тем активны в современной речи такие слова со значением волевого ограничения, как *всё, хватит, баста, стоп, отбой, брейк*: *В горле застрял комок, пальцы сжали пачку сигарет, и я услышала собственный голос: «Я больше не курю. Баста»*³; – *Ладно, стоп.* / – *А почему, соб-*

*ственно, стоп?*⁴; – *Пора бы тебе, Мюся, научиться самой такие вопросы решать. Всё, отбой!*⁵; коммуникативная ситуация: профессионально-техническое училище закрытого типа; дерутся двое учащихся, подходит преподаватель: – *Брейк, бойцы!*⁶.

Языковое отрицание – универсальный смысл, основой которого является логическое отрицание. Вместе с тем языковое отрицание, в отличие от логического, субъективно по своей сути, языковые средства выражения отрицания обладают различной интенсивностью в проявлении субъективного начала, что зависит от конкретной коммуникативной ситуации. Таким образом, национально-специфическим становится не сам смысл ‘коммуникативная граница’, а характер и способы его проявления в практике общения (количество средств выражения субъективного отрицания, активность их употребления, степень экспрессии отказа, возражения, несогласия, запрещения и т. д.).

В русской речи реализуются те когнитивные и коммуникативные установки, связанные с основами русской ментальности, которые позволили Андрею Громыко, советскому министру иностранных дел, противостоять претензиям со стороны других государств, за что его и прозвали *Мистер «Нет»*. Другой пример: коллеги известной балерины Екатерины Максимовой называли её *Мадам Нет*: «Когда ей что-то хотели доказать, она просто молчала. Кто-то считал это позёрством, но в этом была вся Катя. Её называли “Мадам Нет”. **В ней была абсолютная категоричность**»⁷.

¹ Аксёнов В. Звёздный билет. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=1024&p=1> (дата обращения: 03.03.2020).

² *Assez* (фр.) – ‘всё, довольно, достаточно’. Ср.: *Assez de zèle, pas trop en faut* (фр.) – Довольно прилежания, немного и надо его (французская пословица).

³ Журнал «Лилит» [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/lilit_magazine (дата обращения: 03.03.2020).

⁴ Арбузов А. Старомодная комедия [Электронный ресурс]. URL: <https://libking.ru/books/poetry-/dramaturgy/216092-aleksey-arbuzov-staromodnaya-komediya.html> (дата обращения: 03.03.2020).

⁵ Пелевин В. Числа [Электронный ресурс]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/4457-viktor-pelevin-chisla.html> (дата обращения: 03.03.2020).

⁶ Т/с «След». Жизнь закрытого типа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZemYDvDE-MA> (дата обращения: 03.03.2020).

⁷ Светлана Безродная. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/> (дата обращения: 03.03.2020).

Интерес представляет индивидуальное восприятие мира и человека через призму национальных традиций¹. Интерпретация мотивирующих особенностей русского коммуникативного поведения принадлежит студентке Влаар Л. из Нидерландов, написавшей в эссе «Зачем изучать русский язык?»: «Говорят, что, изучая новый язык, у тебя развивается другое “я”, и я совершенно с этим согласна. Например, я в Нидерландах всегда тихая и боюсь сказать “нет”, когда меня что-либо просят делать. Я боюсь, потому что знаю, что в Нидерландах такое просят, только когда выбора нет и у них самих не получается. В России, однако, русские просят много всего, хотя сами прекрасно могут справиться. Им просто не хочется это делать! Я быстро заметила, что русские думают, что можно просто попробовать, “вдруг скажет, что сделает”. Мне стало менее стыдно говорить “нет”. Это уже большая разница по сравнению с Нидерландами: там почти всегда говорю, что сделаю, потому что знаю, что просят только потому, что сами не справляются, а в России чаще всего говорю “нет”, потому что знаю, что они просто пробуют и думают: “Вдруг получится, и мне останется меньше делать”»².

Русское коммуникативное поведение, предполагающее открытое и частотное использование *нет* или его ситуативных синонимов, противопоставлено восточному пониманию коммуникативной границы: национальные традиции коммуникативного поведения, сложившиеся в странах Востока, диктуют разнообразные индивидуальные формы отказа от любой категоричности. Мысль о несогласии, запрете, возражении облачается в какую-то другую форму, форму не прямой коммуникации, при этом вырабатываются национально-специфичные приёмы речевого поведения

– «окольные пути для выражения отказа» [25, с. 74]. Представителями другой речевой культуры («взгляд со стороны») тактика ухода от прямого выражения несогласия отмечается как яркая особенность восточного коммуникативного поведения: «никогда не говорят *нет*» – пишет студентка РосНОУ в ответе на вопрос анкеты об особенностях характера носителей китайского языка (2019 г.). Стихийное мнение, основанное не на знании, а на представлении, сложившемся в результате нерегулярного общения, тем не менее подтверждается результатами длительного наблюдения и более глубокого изучения особенностей речевого поведения носителей японского, китайского или вьетнамского языка [1; 17; 21; 25].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВЫВОДЫ

Таким образом, в отличие от представления о важности понятия границы в целом, мысль о коммуникативной границе оказывается национально-специфичной, что выявляется в сопоставлении, например, с китайской лингвокультурой³. В частности, китайская традиция предусматривает установление границ / рамок для самого себя, что связано с идеей *самоограничения* и *самосовершенствования* [26, с. 44]. Русская традиция, для которой принципиальное значение имеет понятие воли («своей воли»), предполагает возможное расширение личного коммуникативного пространства говорящего за счет воли и желаний собеседника. Многообразие лексических вариантов оформления мысли о границе свидетельствуют о её коммуникативной актуальности в современной русской речи и в целом – в русской национальной аксиосфере.

Статья поступила в редакцию 25.02.20.

¹ В работе А. Залевской [8] рассматриваются перспективные направления изучения индивидуального сознания говорящих – на родном языке, на благоприобретённом (втором) и сопоставительные исследования «индивидуальных» картин мира людей – носителей разных языков.

² Ситуация диалога, в Институте русского языка им. А. С. Пушкина, декабрь 2018 г.

³ Граница является важным, аксиологически значимым понятием как для русского, так и для китайского менталитета.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-012-00609 «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода».

ACKNOWLEDGMENTS

The work was supported by RFBR, Project no. 19-012-00609 ("Modern Russian axiological sphere: semantic and pragmatic transformation of the Russian cultural code").

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Япония: язык и культура. М.: ЛитРес, 2017. 473 с.
2. Артыкбаева Ф. И. Отражение базовых ценностей в ядре ментального лексикона носителей языка и культуры (диахронический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2016. 19 с.
3. Арутюнова Н. Д. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 3–18.
4. Вепрева И. Т., Ицкович М. М., Купина Н. А., Шалина И. В. Ценностные предпочтения современной студенческой молодежи в лингвокогнитивном и социопсихологическом освещении // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. №2. С. 62–73.
5. Вепрева И. Т., Мальцева Т. В. Базовые ценности россиян в отражении языковой рефлексии // Политическая лингвистика. 2017. №1 (61). С. 113–120.
6. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Чернышова Л. А. Лимнологические исследования: о слове «граница» и о термине «граница» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. №6. С. 8–18.
7. Гудков Д. Б. Эссе о границе // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: МАКС. Пресс, 2000. Вып. 22. С. 51–57.
8. Залевская А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
9. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Изд. 6-е, стереотипное. М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2016. 800 с.
10. Зубова Н. Ю. Граница как элемент языковой картины мира и её представление в современных английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 170 с.
11. Карасик В. И. Языковые мосты понимания. М.: Дискурс, 2019. 524 с.
12. Лебедева Л. Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 93–97.
13. Лексин В. Н. Языковой фундамент цивилизации // Общественные науки и современность. 2015. №1. С. 162–176.
14. Лотман Ю. М. Понятие границы // Ю. М. Лотман. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
15. Матвеев В. А. Начало как продолжение и конец как исполнение (на материале старо- и церковнославянского языка) // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2002. С. 96–108.
16. Милованова М. С. Инвариантная семантика субъективного отрицания в современном русском языке // Актуальные проблемы обучения русскому языку. XII. Брно: Masarykova univerzita, 2016. С. 220–224.
17. Милованова М. С., Нгуен К. Т. В. Экспрессия русского отрицания (Русское коммуникативное поведение: взгляд со стороны). М.: Флинта-Наука, 2019. 160 с.
18. Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М.: АСТ-ПРЕСС Школа, 2016. 1456 с.
19. Поршнев Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания // IX Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973): докл. советской делегации. М.: Наука, 1973. С. 1–15.
20. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т I. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. 674 с.
21. Русское и китайское коммуникативное поведение: сб. статей. Вып. 1. / Ред. И. А. Стернин.

- Воронеж: Истоки, 2002. 76 с.
22. Селищев А. М. Введение в сравнительную грамматику славянских языков. М.: URSS: КомКнига, 2010. 124 с.
 23. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 989 с.
 24. Система лексических минимумов современного русского языка: 10 лексических списков от 500 до 5000 самых важных русских слов / Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая, В. В. Морковкин, З. П. Попова. М.: Астрель: АСТ, 2003. 768 с.
 25. Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М.: ВК, 2009. 333 с.
 26. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии. Перевод с англ. на русский: Котенко Р. В.; научн. ред.: Торчинов Е. А. М.: Евразия, 1998. 376 с.
 27. Частотный словарь русского языка. Под ред. Л. Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.
 28. Чёрная Л. А. Антропологический код древнерусской культуры. М.: Языки славянских культур, 2008. 464 с.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. *Yaponiya: yazyk i kul'tura* [Japan: language and culture]. Moscow, LitRes Publ., 2017. 473 p.
2. Artykbayeva F. I. *Otrazheniye bazovykh tsennostey v yadre mental'nogo leksikona nositeley yazyka i kul'tury (diakhronicheskiy aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Reflection of basic values in the core of the mental lexicon of language and culture speakers (diachronic aspect): abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Tver, 2016. 19 p.
3. Arutyunova N. D. *V tselom o tselom. Vremya i prostranstvo v kontseptualizatsii deystvitel'nosti* [In General about the whole. Time and space in the conceptualization of reality]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of language. Semantics of beginning and end] / Executive editor N Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 3–18.
4. Veprava I. T., Itskovich M. M., Kupina N. A., Shalina I. V. *Tsennostnyye predpochteniya sovremennoy studentcheskoy molodezhi v lingvokognitivnom i sotsiopsikhologicheskom osveshchenii* [Value preferences of modern students in linguocognitive and sociopsychological coverage]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Cognitive Linguistics Issues], 2016, no. 2, pp. 62–73.
5. Veprava I. T., Mal'tseva T. V. *Bazovyye tsennosti rossiyan v otrazhenii yazykovoy refleksii* [Basic values of Russians in the reflection of language reflection]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2017, no. 1 (61), pp. 113–120.
6. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A., Chernyshova L. A. *Limologicheskiye issledovaniya: o slove "granitsa" i o termine "granitsa"* [Limological research: about the word "border" and the term "border"]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2018, no. 6, pp. 8–18.
7. Gudkov D. B. [Essay on the border]. In: *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sb. statey* [Language, consciousness, communication: collection of articles]. Moscow, MAKSS. Press Publ., 2000, pp. 51–57.
8. Zalevskaya A. *Psikholingvisticheskiye issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannyye trudy* [Psycholinguistic research. Word. Text. Selected works]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 543 p.
9. Zaliznyak A. A. *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka: Slovoizmeneniye* [Grammatical dictionary of the Russian language: Inflection]. Ed. 6th, stereotype. Moscow, AST-PRESS Kniga Publ., 2016. 800 p.
10. Zubova N. Yu. *Granitsa kak element yazykovoy kartiny mira i eye predstavleniye v sovremennykh angliyskom i russkom yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The border as an element of the linguistic picture of the world and its representation in modern English and Russian languages: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Tver, 2012. 170 p.
11. Karasik V. I. *Yazykovyye mosty ponimaniya* [Language bridges of understanding]. Moscow, Diskurs Publ., 2019. 524 p.
12. Lebedeva L. B. [Semantics of "limiting" words]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, pp. 93–97.
13. Leksin V. N. *Yazykovoy fundament tsivilizatsii* [Language Foundation of civilization]. In: *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2015, no. 1, pp. 162–176.
14. Lotman Yu. M. *Ponyatiye granitsy* [The concept of the border]. In: Yu. M. Lotman. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the thinking worlds]. Moscow, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 448 p.
15. Matveenko V. A. [The beginning as a continuation and the end as a performance (on the material of the

- old and Church Slavonic language)]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of the language. Semantics of beginning and end] / Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 96–108.
16. Milovanova M. S. *Invariantnaya semantika sub'yektivnogo otritsaniya v sovremennom russkom yazyke* [Invariant semantics of subjective negation in modern Russian (scientific article)]. In: *Aktual'nyye problemy obucheniya russkomu yazyku. XII* [Actual problems of teaching the Russian language 12]. Brno: Masarykova univerzita Publ. (Czechia), 2016, pp. 220–226.
17. Milovanova M. S., Nguyen K. T. V. *Ekspressiya russkogo otritsaniya (Russkoye kommunikativnoye povedeniye: vzglyad so storony)* [Russian negation expression (Russian communicative behavior: an outsider's view)]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2019. 160 p.
18. Morkovkin V. V., Bogacheva G. F., Lutsкая N. M. *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* [Large universal dictionary of the Russian language] / Pushkin State Russian Language Institute. Moscow, AST-PRESS Shkola Publ., 2016. 1456 p.
19. Porshnev B. F. *Protivopostavleniye kak component etnicheskogo samosoznaniya* [Opposition as a component of ethnic identity]. In: *IX Mezhdunarodnyi kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk* [9th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences] (Chicago, September 1973): reports of the Soviet delegation. Moscow: Nauka Publ., 1973. pp. 1–15.
20. Preobrazhensky A. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow, Typography of G. Lissnera & D. Sovko Publ., 1910–1914. 674 p.
21. *Russkoye i kitayskoye kommunikativnoye povedeniye* [Russian and Chinese communicative behavior]: collection of articles. Issue 1 / Ed. I. Sternin. Voronezh: Istoki Publ., 2002. 76 p.
22. Selishchev A. M. *Vvedeniye v sravnitel'nuyu grammatiku slavyanskikh yazykovyazyka* [Introduction to comparative grammar of Slavic languages]. Moscow, URSS: KomKniga Publ., 2010. 124 p.
23. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, Akademicheskii Proyekt Publ., 2001. 989 p.
24. *Sistema leksicheskikh minimumov sovremennogo russkogo yazyka: 10 leksicheskikh spiskov ot 500 do 5000 samykh vazhnykh russkikh slov* [The system of lexical minimums of the modern contemporary Russian language: 10 lexical lists from 500 to 5000 of the most important Russian words] / G. Bogacheva, N. Lutsкая, V. Morkovkin, Z. Popova. Moscow, Astrel': AST Publ., 2003. 768 p.
25. Formanovskaya N. I. *Rechevoy etiket v russkom obshchenii. Teoriya i praktika* [Speech etiquette in Russian communication. Theory and practice]. Moscow, VK Publ., 2012. 333 p.
26. Fen Yu-lan'. *A Short History of Chinese Philosophy* (Russ. ed.: Torchinov E. A., Kotenko R. V., transl. *Kratkaya istoriya kitayskoy filosofii*). Translated from English to Russian: Kotenko R. V. St. Petersburg, Evraziya Publ., 1998. 376 p.).
27. *Chastotnyy slovar' russkogo yazyka* [Frequency dictionary of the Russian language] / Ed. by L. N. Zasorina. Moscow, Russian language Publ., 1977. 939 p.
28. Chernaya L. A. *Antropologicheskiy kod drevnerusskoy kul'tury* [Anthropological code of the ancient Russian culture]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 464 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Милованова Мария Станиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина;

e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute

Чжао Мэйвэй – аспирант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина;

e-mail: 745710600@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria S. Milovanova – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of the Russian and General Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute;

e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute

Zhao Meiwei – postgraduate student at the Philological Faculty, Pushkin State Russian Language Institute;

e-mail: 745710600@qq.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Милованова М. С., Чжао Мэйвэй. Понятие коммуникативной границы в русской национальной аксиосфере // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 32–41.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-32-41

FOR CITATION

Milovanova M. S., Zhao M. The Concept of “Communicative Border” in the Russian National Axiological Sphere. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 2, pp. 32–41.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-32-41

УДК 378+37.0

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-42-47

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛИЗМА УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Онищенко Е. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Целью статьи является анализ совершенствования коммуникативной культуры учителя начальной школы в соответствии новыми требованиями ФГОС НОО, реализуемый на курсах повышения квалификации МГОУ.

Процедура и методы исследования. Обобщается практический опыт использования программы повышения квалификации «Совершенствование коммуникативной культуры учителя начальной школы в рамках реализации ФГОС НОО». Используются материалы тренингов, результаты запланированных форм текущего и итогового контроля, наблюдение за слушателями.

Результаты проведённого исследования. Автор анализирует соответствие учебного материала программы требованиям ФГОС НОО, позволяющим повысить коммуникативную культуру учителя начальной школы, помогая выстроить взаимодействие учителя и ученика, учителя и семьи, учителя с коллегами.

Теоретическая и / или практическая значимость. В статье обобщён материал программы повышения квалификации, позволяющий учителю, прослушавшему курс, успешно выстроить учебно-воспитательный процесс в соответствии с заявленными компетенциями.

Ключевые слова: профессионально-личностные качества, коммуникативные возможности, коммуникативная культура, низкая коммуникативная активность, коммуникативный лидер, коммуникативная компетенция

COMMUNICATIVE CULTURE AS THE BASIS OF PROFESSIONALISM OF AN ELEMENTARY SCHOOL TEACHER

E. Onishchenko*Moscow Region State University**24 Veri Voloshinoy ul., Mytischy 105005, Moscow region, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The purpose of the article is to analyze the improvement of the communicative culture of an elementary school teacher per the new requirements of the Federal State Educational Standard of Primary General Education, which is implemented in continuing education courses at the Moscow State Educational University.

Methodology and Approach. The practical experience of using the continuing education program, "Improving the communicative culture of an elementary school teacher as part of the implementation of the Federal State Educational Standard of Primary General Education" is summarized. During the study, training materials are used, the results of the planned forms of current and final checks, observation of students.

Results. The author analyzes the conformity of the educational material of the program with the requirements of the Federal State Educational Standard of Primary General Education, which allows increasing the communicative culture of the elementary school teacher, helping to build the interaction of teacher and student, teacher and family, teachers and colleagues.

Theoretical and / or Practical implications. The article summarizes the material of the continuing education program, which allows the teacher who has taken the course to build the educational process per the stated competencies successfully.

Keywords: professional and personal qualities, communicative opportunities, communicative culture, low communicative activity, communicative leader, communicative competence, pedagogical communication, speech activity of a teacher

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникативная культура представляет безусловную значимость для человека, так как она актуализирует потребность развиваться, творить, совершенствоваться. Современные тенденции в образовании также стимулируют обращение научно-исследовательского поиска к феномену коммуникативной культуры. Целью образования провозглашается его гуманизация, которая предусматривает переход к личностно-ориентированному образовательному процессу.

Предъявляются новые требования к личности учителя, усиливается внимание к его профессиональной культуре. Для специалистов, занятых в сфере «человек – человек» (учитель, социальный педагог, социальный психолог и др.), в условиях демократизации общества приоритетным является коммуникативный аспект личностной культуры.

В Институте повышения квалификации и профессиональной переподготовки МГОУ реализуется программа повышения квалификации «Совершенствование коммуникативной культуры учителей начальной школы», в которой коммуникативная культура и её совершенствование рассматриваются как составляющая профессиональной деятельности учителя начальной школы в рамках реализации ФГОС НОО. Основные качества, которые совершенствуются, – это потребность в общении, владение нормой языка, которые предполагают умение передать знания, организацию работы с учеником в учебно-воспитательном процессе партнёрских отношений, использование учителем системно-деятельностного подхода.

Категория обучающихся (слушателей) – педагогические работники (учителя начальных классов), имеющие среднее профессиональное образование, высшее профессиональное образование, без предъявления требований к стажу работы, владеющие навыками работы на ПК (Word, Point, Интернет). Срок освоения программы – 72 часа при режиме занятий 6 часов в день.

Учебное время делится следующим образом: на лекции и интерактивные занятия – 48 часов, самостоятельная работа – 18 часов.

Учебный (тематический) план состоит из базовой и профильной частей.

Базовая часть знакомит учителей с основами государственной политики в области образования в Российской Федерации. Профильная часть содержит три модуля: I модуль – «Совершенствование коммуникативной культуры учителя», II модуль – «Учитель как коммуникативный лидер», III модуль – «Мастерство публичного выступления».

В течение курса повышения квалификации предполагаются следующие формы контроля: тест и контрольная работа. Итоговая / зачётная работа – практико-ориентированный проект по одной из предлагаемых тем, который защищает слушатель курсов.

В программе заложены лекции, семинары и тренинги.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЯ

В течение повышения квалификации по данной программе совершенствуются компетенции учителя, который должен быть способен осуществлять професси-

ональную деятельность в соответствии с нормативными правовыми актами в сфере образования и нормами профессиональной этики.

Организуя учебно-воспитательную деятельность, он способен осуществлять духовно-нравственное воспитание обучающихся на основе базовых национальных ценностей, организовать совместную и индивидуальную учебную и воспитательную деятельность обучающихся, в том числе с особыми образовательными потребностями, в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов.

Учитель также должен проявлять способность использовать психолого-педагогические технологии в профессиональной деятельности, необходимые для индивидуализации обучения, развития, воспитания, в том числе обучающихся с особыми образовательными потребностями.

Достигнутые компетенции позволят современному учителю начальной школы успешно реализовать требования ФГОС.

Перечисляя профессионально-личностные качества учителя, многочисленные социологические опросы называют:

- коммуникативность (способность к эффективному общению);
- любовь к детям и уважение к каждому конкретному ученику;
- трудолюбие, творческое отношение к труду, стремление к постоянному пополнению собственных знаний;
- эрудицию, широкий кругозор, современный характер знаний;
- волевые качества: настойчивость в достижении цели, самоконтроль, умение управлять речевым событием;
- наблюдательность, способность к эмоциональному переключению, способность быстро принимать решения;
- искренность, убежденность, увлеченность;
- самокритичность, требовательность к себе и многие другие качества [1, с. 31].

Коммуникативно-речевая активность рассматривается как свойство человека, и мы анализируем прежде всего то, как ха-

рактеризуется стремление к разнообразной речевой деятельности педагога, исходя из его языковых возможностей.

Проявление данной активности зависит от следующих обстоятельств: это природные предпосылки, особенности характера человека, наличие потребности в самовыражении, конкретная ситуация или обстановка, уровень владения языком, организация обучения, характер педагогического общения с учащимися, характер общения учеников в учебной группе [2, с. 18].

Перечисленные обстоятельства важно учитывать, выстраивая педагогический процесс, в течение которого, в соответствии с ФГОС НОО¹, следует организовать партнёрские отношения учителя с учеником, учеников друг с другом, групп учеников. Взаимодействие строится на основе коммуникативной культуры учителя, его умения организовать процесс обучения, увлечь детей результатом.

Задача учителя – создать такую атмосферу, чтобы каждый школьник мог проявить себя. Предметом особой заботы становятся дети с низкой коммуникативной активностью. Индивидуальный подход учителя помогает такому ученику включиться в учебную деятельность. Предполагается также организовать работу группы специалистов: школьного психолога, логопеда, родителей, других учеников, когда необходимо провести комплекс мероприятий, позволяющих включить ученика в учебно-воспитательный процесс, научить его коммуникации с ровесниками.

В настоящее время перечисленные специалисты очень часто в школах Подмосковья отсутствуют, а учителю начальной школы приходится решать возникшую проблему самостоятельно, что не всегда результативно.

Владение современными педагогическими технологиями связано с очень важными компетенциями. На первое место выходит культура коммуникации² при взаимодействии с людьми [4].

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. М., 2013.

² Сальникова О. А. Совершенствование коммуника-

Учитель должен уметь получать информацию в своей предметной области, преобразуя её в содержание обучения и используя для самообразования. Далее, исходя из своих профессиональных задач, он должен уметь передавать свою информацию другим – ученикам, родителям, коллегам.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что «... оптимальное педагогическое общение – это такое общение учителя со школьниками в процессе обучения, которое создаёт наилучшие условия для развития мотивации учащихся и творческого характера учебной деятельности, для правильного формирования личности школьника, обеспечивает эмоциональный климат обучения <...> обеспечивает управление социально-психологическими процессами в детском коллективе и позволяет максимально использовать в учебном процессе личностные особенности учителя»¹.

Нельзя забывать, что коммуникативное поведение учителя является образцом для учащихся, и, следовательно, для учителя характерна повышенная речевая ответственность вне зависимости от того, какой предмет он преподаёт.

Его речь, манера общения являются образцом для учеников. Во время урока педагог всегда становится коммуникативным лидером, организуя учебно-воспитательный процесс.

Как инициатор общения, учитель пользуется различными речевыми приёмами, характерными для устной речи. В основе данного взаимодействия лежит достижение различных коммуникативных намерений. Необходимо, чтобы он овладел приёмами, направленными на установление контакта с аудиторией и поддержание внимания класса. Также следует усвоить речевые приёмы, направленные на то, чтобы яснее донести информацию до слуша-

телей. А ученики, соответственно, должны быть обучены приёмам, позволяющим следить за развитием мысли учителя [3, с. 86].

Перечисленные приёмы помогают учителю эффективно организовать совместную речевую деятельность с учениками, реализуя системно-деятельностный подход, и таким образом управлять учебным процессом.

Именно так ФГОС НОО предлагает рассматривать взаимодействие учителя и ученика при освоении основной образовательной программы, когда метапредметные результаты, включающие освоенные обучающимися универсальные учебные действия, обеспечивают овладение ключевыми компетенциями, составляющими основу умения учиться, и межпредметными понятиями².

Личностные результаты освоения основной образовательной программы должны отражать развитие навыков сотрудничества с взрослыми и сверстниками в разных социальных ситуациях, умения не создавать конфликтов и находить решения спорных ситуаций.

В программе повышения квалификации также рассматриваются особенности педагогического конфликта, его причины, стили поведения в конфликтной ситуации и тактические приёмы поведения в конфликтных ситуациях. Этому уделяется внимание сначала в работе с лекционным материалом, а в течение тренинга теория закрепляется на практических занятиях, когда подбираются варианты решения проблемы.

Важной представляется готовность слушать собеседника и вести диалог. Большое внимание уделяется готовности учителя признавать возможность существования различных точек зрения и права каждого человека иметь свою, особенную точку зрения.

Коммуникативная культура предполагает также умение излагать своё мнение и аргументировать свою точку зрения, а также оценивать события¹. Для этого учителю

тивной компетенции учителя: конспекты лекций, тренинги: учебное пособие. М.: Флинта; МПСУ, 2014. 82 с.

¹ Михальская А. К. Основы риторики: мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10-11-х кл. общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение; АО «Моск. учебники», 1996. С. 16.

² Хуторской А. В. Общепредметное содержание образовательных стандартов. М., 2002.

важно научиться определять общую цель и пути её достижения, уметь договариваться о распределении функций и ролей в совместной деятельности. Необходимо осуществлять взаимный контроль в совместной деятельности и адекватно оценивать собственное поведение и поведение окружающих².

Это позволит конструктивно разрешать конфликты посредством учёта интересов сторон и организации сотрудничества.

При изучении филологического блока дисциплин в начальной школе, в который входит русский язык, литературное чтение и иностранный язык, в рамках реализации ФГОС учитель реализует ряд задач. Отличительной особенностью курса русского языка в начальной школе является коммуникативно-познавательная основа, общая с курсом литературного чтения.

Содержание этих двух курсов имеет ярко выраженную коммуникативно-речевую и познавательную направленность, включающую три аспекта изучения русского языка: язык как система, речевая деятельность и литературный текст, что обеспечивает реализацию в обучении системно-деятельностного подхода.

Программа курса обеспечивает целостное изучение русского / родного языка в начальной школе за счёт активизации следующих принципов, обозначенных в

ФГОС, – коммуникативного, познавательного и принципа личной направленности обучения и творческой активности учащихся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что педагогическую деятельность пронизывает коммуникация. С учениками, их родителями, коллегами педагог выстраивает продуктивное общение, которое рассматривается как суть педагогической профессии.

Коммуникативная культура – важнейший критерий профессионализма педагога, а формирование индивидуального стиля учителя – процесс трудный и долгий, но необходимый для овладения профессиональным мастерством.

Программа курса повышения квалификации «Совершенствование коммуникативной культуры учителя начальной школы» пользуется повышенным интересом у учителей вследствие удачного сочетания теоретического материала и тренингов, в течение которых совершенствуются наиболее проблемные темы коммуникативной культуры в рамках реализации ФГОС НОО.

Статья поступила в редакцию 19.02.20.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко Н. А. Грамматика на службе развития речи и речевой культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. №2. С. 28–34.
2. Кан-Калик В. А. Учителю о педагогическом общении: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1987. 190 с.
3. Онищенко Е. В. Коммуникативное лидерство учителя в образовательном процессе современной российской школы // Материалы XIV Международной конференции «Европа и современная Россия. Интегративная функция педагогической науки в едином образовательном пространстве». Лиссабон – М., 2016. С. 85–88.
4. Онищенко Е. В. Совершенствование коммуникативной культуры учителя начальной школы в рамках реализации реформы российского образования // Материалы Международной научной конференции «Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития», посвящённой 130-летию со дня рождения А. С. Макаренко. Научные труды. Часть 2. М., 2018. С. 149–153.

¹ Стернин И. А. Практическая риторика в объяснениях и упражнениях для тех, кто хочет научиться говорить. Воронеж: Истоки, 2011. 169 с.; Щербинина Ю. В. Педагогический дискурс: мыслить – говорить – действовать: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 438 с.

² Педагогическая риторика / под ред. Н. А. Ипполитовой. М., 2006.

REFERENCES

1. Gerasimenko N. A. *Grammatika na sluzhbe razvitiya rechi i rechevoi kul'tury* [Grammar in the service of the development of speech and language culture]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology, 2019, no. 2, pp. 28–34.
2. Kan-Kalik V. A. *Uchitelyu o pedagogicheskom obshchenii: kn. dlya uchitelya* [For a teacher about the pedagogical communication: the book for teachers]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1987. 190 p.
3. Onishchenko E. V. *Kommunikativnoe liderstvo uchitelya v obrazovatel'nom protsesse sovremennoi rossiiskoi shkoly* [Communicative teacher leadership in the educational process of the modern Russian school]. In: *Materialy XIV Mezhdunarodnoi konferentsii «Evropa i sovremennaya Rossiya. Integrativnaya funktsiya pedagogicheskoi nauki v edinom obrazovatel'nom prostranstve»* [Proceedings of 14th International conference "Europe and modern Russia. Integrative function of pedagogical science in a single educational space"]. Lisbon–Moscow, 2016, pp. 85–88.
4. Onishchenko E. V. *Sovershenstvovanie kommunikativnoi kul'tury uchitelya nachal'noi shkoly v ramkakh realizatsii reformy rossiiskogo obrazovaniya* [Improving the communicative culture of a primary school teacher in the framework of the reform of Russian education]. In: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Professionalizm pedagoga: sushchnost', sodержание, perspektivy razvitiya», posvyashchennoi 130-letiyu so dnya rozhdeniya A. S. Makarenko. Nauchnye trudy* [Materials of International scientific conference "Professionalism of the teacher: the essence, content, perspectives of development" dedicated to the 130th A. Makarenko anniversary. The scientific works]. Part 2. Moscow, 2018, pp. 149–153.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Онищенко Елена Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры непрерывного образования, Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки, Московский государственный областной университет;
e-mail: onel2008@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Onichshenko – PhD in Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Continuing Education, Institute for Advanced Studies and Professional Retraining, Moscow Region State University;
e-mail: onel2008@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Онищенко Е. В. Коммуникативная культура как основа профессионализма учителя начальной школы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 42–47.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-42-47

FOR CITATION

Onichshenko E. V. Communicative Culture as the Basis of Professionalism of an Elementary School Teacher. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 2, pp. 42–47.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-42-47

УДК 811.581.11

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-48-57

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ О НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТЕЛЕОЛОГИИ

Чжан Цзин*Институт иностранных языков, Северо-Восточный нефтяной университет
163318, г. Дацин, ул. Сюефу, д. 99, Китайская Народная Республика***Лю Чжицян***Институт иностранных языков, Цзянсуский научно-технический университет
212003, г. Чжэньцзян, ул. Мэнси, д. 2, Китайская Народная Республика***Аннотация.**

Цель статьи заключается в выявлении методов оптимизации перевода текстов с китайского языка на русский для успешного их восприятия целевой аудиторией.

Процедура и методы исследования. Проанализирован ряд ключевых национально-культурных различий Китая и России, влияющих на качество перевода. Применены методы сравнительного, системного и контент-анализа. Главным был выбран подход с точки зрения функциональной телеологии.

Результаты проведённого исследования. Проведённый анализ доказал, что для успешного перевода текстов необходимо классифицировать текст в соответствии с целями перевода и непременно учитывать культурные различия. Для информационных текстов перевод должен передавать ключевую информацию, языковую форму и стиль исходного текста по принципу «верности», а для побуждающего текста – акцентировать внимание на его функции вызова, на эффекте передачи информации и следовать «эквивалентному» принципу.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в практику перевода с точки зрения функциональной телеологии, что позволяет оптимизировать принципы и стратегии перевода для эффективности межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: функциональная телеология; русский язык, китайский язык, межкультурная коммуникация; перевод; культурные различия

ABOUT SOME FEATURES OF TEXT TRANSLATION OF TEXTS ON NATIONAL CULTURE FROM CHINESE INTO RUSSIAN FROM THE POINT OF VIEW OF FUNCTIONAL TELEOLOGY

Zhang Jing*Institute of Foreign Languages, Northeast Petroleum University
99 Xuefu' ul., Daqing 163318, P. R. China***Liu Zhiqiang***Institute of Foreign Languages, Jiangsu University of Science and Technology
2 Mengxi'ul. Zhenjiang 212003, P. R. China***Abstract.**

Purpose of the article is to identify methods for optimizing the translation of texts from Chinese into Russian for their successful perception by the target audience.

© CC BY Чжан Цзин, Лю Чжицян, 2020.

Methodology and Approach. It analyzes several key national-cultural differences between China and Russia, affecting the quality of translation. The methods of comparative, system, and content analysis are applied. The primary approach was chosen from the point of view of functional teleology.

Results. The analysis showed that for successful translation of texts, it is necessary to classify the text per the objectives of the translation and certainly take into account cultural differences. For informational texts, the translation should convey essential information, language form, and style of the source text according to the principle of «fidelity,» and for an inducing text – focus on its calling function on the effect of transmitting information and follow the «equivalent» principle.

Theoretical and / or Practical Implications. The results of the study contribute to the practice of translation from functional teleology, which allows optimizing the principles and strategies of translation for the effectiveness of intercultural interaction.

Keywords: functional teleology; Russian, Chinese, intercultural communication; transfer; cultural differences

ВВЕДЕНИЕ

«Функциональная телеология» (также известная как «теория функционально-го перевода») представляет собой теорию перевода, предложенную и обогащённую группой немецких учёных в 1970-х годах, подчёркивающую функцию и назначение переведённого текста как основу, предоставляя переводчикам право применять гибкие и разнообразные стратегии и методы перевода для текстовых функций реалистичных переводов. Функциональная телеология является основной фундаментальной теорией в теории перевода функционалистов, базируется на теории поведения, принимая конечную цель текста в качестве основного критерия процесса перевода, подчёркивая ожидаемую коммуникативную функцию перевода в проекции на целевой язык и культуру. Перевод, выполняя коммуникативную функцию и воздействуя эстетически [3, с. 342], должен иметь чёткую коммуникативную цель и намерение. С. В. Тюленев излагает сущность телеологии в книге «Теория перевода»: «Слово *skoros* – древнегреческое, означающее “цель”, что подчёркивает ориентированность процесса перевода на принимающую аудиторию. В связи с теорией *skoros* говорят о перспективном подходе к переводу (в отличие от существовавшего до того ретроспективного). *Skoros* каждого конкретного переводческого процесса определяется до начала самого процесса: переводчик определяет для себя, что и

для кого он переводит» [5, с. 205]. Можно видеть, что функциональная телеология относит перевод к категории теории поведения человека, которая сбрасывает оковы эквивалентной теории перевода и открывает новые идеи.

Культуру можно понимать в широком и узком смысле. В широком смысле культура относится как к материальной, так и к духовной, идеологической сферам. Известный американский теоретик перевода Юджин А. Нида делит языковые и культурные характеристики на экологическую культуру, материальную, социальную, религиозную и языковую [8; 9]. В узком смысле культура подчёркивает свою идеологическую составляющую, которая относится только к духовной цивилизации, включая искусство, традиции, социальные обычаи, мораль, этику, право и многие другие области.

Китай и Россия – две совершенно разные нации. Между странами существуют огромные культурные различия, обусловленные спецификой географического положения, образом жизни, особенностями мышления, религиозных верований, народных обычаев, истории и культуры, что требует от переводчиков серьёзных знаний и понимания великой культуры, накопленной в Китае за последние пять тысяч лет. Только так можно осмыслить богатство культурных коннотаций, связанных с духовным развитием китайской нации. Если в процессе перевода будет охвачен только

лингвистический уровень, а культурные различия не будут приняты во внимание, то во многих случаях у аудитории целевого языка может возникнуть непонимание смысловой стороны и своеобразия текста [4; 5; 7; 10; 11; 15; 16]. Следовательно, в процессе адекватного культурного перевода необходимо не только преодолеть препятствия между различиями в языках, но и максимизировать эффективную передачу культурной информации [12; 13]. Нида считает, что для успешного перевода двукультурная компетенция даже важнее двуязычной. Перевод – это воспроизведение смысла речи определённого культурного контекста в другом социальном и культурном контексте [8; 9].

Данная статья посвящена рассмотрению в четырёх означенных аспектах существенных различий между китайской и русской культурами, которые помогают аудитории целевого языка по достоинству оценить древнюю и своеобразную китайскую культуру, позволяют китайской культуре проникнуть в Россию и мир.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Между Китаем и Россией, и прежде всего её европейской частью, существуют некоторые различия в региональной культуре. Разное географическое местоположение определило различные топографические особенности, формируя уникальные природные пейзажи и достопримечательности, которые стимулировали большой интерес народов из обеих стран к их осмотру. Большинство ханьцев живёт в умеренных регионах, где климат мягкий и сравнительно длинный световой день во все времена года. Россия – страна, простирающаяся через Евразию. Большая часть суши находится в холодной зоне. В среднем климатические условия холоднее: зима длинная, а лето короткое. В связи с этими различиями в географическом расположении и среде обитания дифференцированы в языках и связанные по смыслу выражения. Например, отражение смысла 'быстро растёт / появляется' – «雨后春笋» (весенние

бамбуки после дождя) переводится на русский язык «как грибы после дождя», что чётко отражает региональные различия между Китаем и Россией. В существующих природных условиях в России урождается много грибов, а в Китае – много бамбука. Есть некоторые устойчивые выражения в китайском языке, которые являются уникальными в связи с включением в их состав номинаций китайских природных ландшафтов и географических объектов (онимов), поэтому соответствующие выражения на русском языке не найдены. Например: «桂林山水甲天下» (Пейзаж Гуйлиня – это мир), «有眼不识泰山» (Я не знаю Тайшана с глазами), «不到黄河心不死» (Я не могу умереть без реки Хуанхэ), «不到长城非好汉» (Если бы человек не пошёл на Великую китайскую стену, то он бы не был хорошим парнем), ср.: «泾渭分明» (Есть чёткое разграничение или большая разница), «黔驴技穷» (Исчерпать все средства). Здесь «桂林» – Гуйлинь, «泰山» – гора Тайшань, «黄河» – река Хуанхэ, «长城» – Великая китайская стена, «泾渭» – название реки, «黔» – название провинции. Эти различия в некоторой степени вызвали препятствия и трудности при переводе. Поэтому мы обязательно должны опираться на фоновые знания китайской культуры в процессе перевода. Сначала следует осознать, что мы продвигаем китайскую культуру, и затем оценить то, что хотят знать читатели. И это также глубины китайской культуры. Цель нашего перевода – укрепить культурный обмен – позволяет этим материалам служить окном для иностранцев, чтобы увидеть и понять Китай.

РАЗЛИЧИЯ В НАРОДНЫХ ОБЫЧАЯХ

Народные обычаи – это собирательный термин, обозначающий традиции, нравы и культуру народа. Это культура, которая зависит от образа жизни, привычек, эмоций, убеждений и представляет собой серию материальных и духовных культурных явлений, сформированных в процессе производства и жизни обычных людей. Это также относится к жизненным при-

вычкам, созданным, распространённым и унаследованным людьми определённой нации, живущими в конкретной стране или регионе. Народные обычаи укрепляют национальную самобытность, национальный дух и формируют национальный характер: коллективное соблюдение правил, неоднократные демонстрации единства. Иначе говоря, народные обычаи и сохраняющий их фольклор способствуют социальной сплочённости. Основываясь на реальных различиях между китайской и русской народной культурой, в данной статье мы анализируем и сравниваем следующие две типовые ветви: культура имён и культура знаков зодиака.

(1) КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ИМЕНАХ

Китайское имя состоит из двух частей: имя и фамилия. Фамилия – это единое имя, такое, как *Ли*, *Ван* и *Чжан*, и составное имя – *Сима*, *Оуян* и *Шангуан*; китайские имена также имеют свои собственные традиции и особенности, часто несут некий смысл или выражают определённые надежды. Некоторые имена включают место, время или природное явление, отмеченное при рождении: «*京*» (*столица*), «*晨*» (*утро*), «*冬*» (*зима*), «*雪*» (*снег*) и т. д.; внутренней формой антропонимов служат какие-либо добродетели: «*忠*» (*преданность*), «*义*» (*верность долгу*), «*礼*» (*воспитанность, этикет*), «*信*» (*честность*) и т. д. Ряд имён имеет значение 'надежда на здоровье', 'долголетие', 'счастье': «*健*» (*здоровье*), «*寿*» (*долголетие*), «*松*» (*сосна – символ вечности*), «*福*» (*счастье*) и т. д. Имена мужчин не совпадают с именами женщин. В именах мужчин часто используются слова, символизирующие силу и мужество: «*虎*» (*тигр*), «*龙*» (*дракон*), «*雄*» (*героизм*) и «*伟*», «*刚*» (*стойкий*), «*强*» (*сильный*) и т. д. Женские имена включают слова, символизирующие нежность и красоту: «*凤*» (*феникс*), «*花*» (*цветок*), «*玉*» (*нефрит*), «*彩*» (*многоцветие*), «*娟*» (*нежный шёлк*), «*静*» (*тишина и спокойствие*) и др. Русское имя в полной антропонимической формуле состоит из имени, отчества и фамилии; русская жен-

щина носит фамилию своего отца до того, как она выйдет замуж, и берёт фамилию своего мужа после того, как она выйдет замуж.

Китайские и русские традиции обращения к кому-либо тоже разные. Например, китайские ученики называют учителей в соответствии со схемой «Учитель + фамилия»: *Учитель Чжан*, *Учитель Ли*, *Учитель Ван* и т. д., в то время как русские используют обращение по форме «имя + отчество», чтобы проявить уважение.

Языковое общение как вид межличностной коммуникации начинается с обращения к другой стороне. Иногда неправильная адресация вызывает у другой стороны антипатию и напрямую влияет на эффект общения. Поэтому перевод имён тоже заслуживает внимания. Перевод может показаться простым, но он несёт в себе очень много особенностей китайской культуры.

(2) КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЗНАКАХ ЗОДИАКА

У китайского народа существует традиционный обычай: люди используют для обозначения знаков зодиака двенадцать видов животных: 鼠 (мышь), 牛 (бык), 虎 (тигр), 兔 (заяц), 龙 (дракон), 蛇 (змея), 马 (лошадь), 羊 (баран), 猴 (обезьяна), 鸡 (петух), 狗 (собака) и 猪 (свинья). Знаки зодиака, упорядоченные по годам, используют для вычисления возраста.

У русского народа также есть понятие 'зодиака', но его знаки не столь важны для традиционной культуры. Россияне используют знак зодиака при номинации символа года, в качестве талисмана, причём с этой целью стали также упоминать имена двенадцати созвездий: 21 января – 18 февраля – *Водолей*; 20 февраля – 20 марта – *Рыбы*; 21 марта – 19 апреля – *Овен*; 20 апреля – 20 мая – *Телец*; 21 мая – 20 июня – *Близнецы*; 21 июня – 22 июля – *Рак*; 23 июля – 22 августа – *Лев*; 23 августа – 22 сентября – *Дева*; 23 сентября – 22 октября – *Весы*; 23 октября – 21 ноября – *Скорпион*; 22 ноября – 21 декабря – *Стрелец*; 22 декабря – 19 января – *Козерог*.

Когда дело касается чьего-либо возраста, китайцы часто выражают это так: *XX родился в XX годах, принадлежит Дракону, и этот год – год рождения*. Это выражение требует объяснения для россиян: китайская зодиакальная культура отличается от используемой в русских гороскопах, причём не столь массово, факультативно.

РЕЛИГИОЗНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Общеизвестен факт, что различные религии оказывают глубокое влияние на соответствующий язык и культуру. Религиозная культура также имеет свои национальные особенности, которые сформировались в процессе исторического развития традиционных религий в Китае и России: с древних времён религия в Китае была плюралистической, утилитарной и жизненной, в то время как русская христианская православная вера характеризуется стремлением к сохранению единства и духовностью.

Даосизм в Китае – это и соблюдение здорового образа жизни, и разумное вегетарианство, и не менее важные мудрость и умение. С точки зрения буддизма, главной силой обладают Небеса; в России же большинство людей исповедуют христианство, они верят, что мир создал Бог, всё устроено Богом, и всем правит Бог. Поэтому различия проявляются в выражениях «谢天谢地» (*Благодарить небо и землю*) и «Слава Богу!».

В Китае широко распространён буддизм, также оказавший мощное воздействие на культурный национальный ландшафт, и в китайской культуре бытует множество выражений, связанных с влиянием буддизма. Например, у Будды Майтреи есть много известных высказываний, одно из которых: «大肚能容天下难容之事，笑口敞开笑天下可笑之人» (Большой живот терпит нетерпимое дело, смеющийся рот смеётся над смешными людьми). В русском языке также существует много слов и фразем, пришедших из религиозных текстов христианства: Святая Троица, Библия, молитва и т. д. Некоторые пословицы или поговорки

содержат религиозные термины, наименования церковных праздников, имена святых. Например: «С Успения солнце засыпает». Успение Богородицы – 28 августа. На Руси в это время заканчивалась жатва. Так как в жатве участвовали главным образом женщины, то время после Успения называли молодым бабьим летом – это было время отдыха, которое продолжалось до 11 сентября, до Ивана Постного¹. Следовательно, при обнаружении религиозных и культурных элементов в текстах необходимо иметь знания о религии, достаточные для того, чтобы понимать и правильно переводить соответствующие выражения.

В силу влияния религии некоторым объектам придаётся особое значение, поэтому также следует уделять внимание соответствующему переводу. Например, в российском цифровом мире «семь» традиционно является самым особенным, самым загадочным числом и относится к широкому кругу понятий именно в силу влияния традиций, в том числе религиозных представлений. В христианстве полагается, что Бог создал всё за *семь* дней, молитва Господня в Библии разделена на *семь* частей, Иисус сказал, что прощать братьев *не семь* раз, а *семьдесят семь* раз и так далее. Христиане чтут Семь Добродетелей (их наименования – *вера, надежда, любовь, благоразумие, настойчивость, сдержанность, справедливость*) и избегают семи грехов (их наименования – *гордыня, зависть, чревоугодие, похоть, гнев, алчность, лень*).

Обратимся к цифровому миру Китая. Люди Хань особенно выделяют «девять». В древнем Китае «девять» было самой большой цифрой в классе единиц, вершиной нечётного числа. Поэтому «девять» также называется «числом фатума». Например, некоторые люди говорят, что в Дворцовом музее 9999 комнат “九”是数之极，象征着江山永固 (*В Гуугуне 9999 с половиной помещений*). В Китае 9 – число магическое. Кроме того, что в древности считали, что

¹ Погода и приметы: С Успения солнце засыпает [Электронный ресурс]. URL: <https://tobolsk.ru/news/126/14939/> (дата обращения: 12.03.2020).

девять – это самое большое, «высокое» число, «девять» в китайском языке созвучно со словом «вечность». Поэтому *девять* символизирует вечность императорской власти). Число «13» считается россиянином неудачным. Согласно легенде, Иисус умер в пятницу 13-го числа. На последнем ужине у Иисуса было 12 учеников. Всего их было 13, но ученик Иуда предал Иисуса. С тех пор число 13 считается несчастливим. Русские также говорят: «*Тринадцатым за стол не садись – не то быть беде*». Китайцы обычно не табуируют число 13, в древние времена голову льва перед домом чиновника окружало 13 барсуков, широко известных как «Тринадцать Тайбао». Очевидно, что число 13 не является табуированным в китайской культуре. Китайцам также нравится число «*шесть*», и есть поговорка «*六六大顺*» (число *шесть* – это благополучие), русские же считают, что число «666» является символом зверя и дьявола. По мнению русских, христиане находятся под влиянием древней философии и считают, что 6 могут становиться 9, что *шесть* не является благоприятным числом.

Можно видеть, что каждая религия имеет свои культурные предпосылки, и разные религии отражают разные культурные традиции. То, что самоочевидно для религиозной культуры Китая, может быть не понято в России — и наоборот. И этот факт может стать препятствием для понимания. Поэтому нельзя игнорировать трудности перевода, вызванные различиями в религиозной культуре Китая и России.

ОТЛИЧИЯ В ОБРАЗЕ МЫШЛЕНИЯ

Образ национального мышления – это способ и характеристики мышления, сформированные в процессе развития нации. Культура разных стран формирует разные способы мышления; разнообразие способов мышления неосознанно влияет на его психологию, эмоции, языки и поведение, что создаёт препятствия для межкультурной коммуникации и деятельности по переводу. Образ мышления в русской культуре сосредоточен на логике и анали-

зе, он относится к прямолинейному образу мышления, тогда как образ мышления в китайской культуре демонстрирует интуитивную целостность. Русские должны открыть подарок лично, когда они его получают, в то время как культурная традиция китайского народа предполагает сдержанность и скромность, и китайцы считают, что невежливо открывать подарок лично. Когда китайцы общаются с другими, они подчёркивают позицию «смирить себя и уважать других» и считают это добродетелью, что служит проявлением вежливости в соответствии с китайскими культурными особенностями. Когда другие хвалят нас, мы склонны принижать себя, чтобы показать скромность. В соответствии же с прямолинейным мышлением русских, и они примут подарок со словами «*Благодарю! Спасибо!*». Поэтому в процессе перевода необходимо обращать внимание на особенности прямолинейного мышления, отражаемые в этикетных формулах благодарности русского языка, и стараться сделать перевод простым и понятным.

Переводчик, исходя из понимания культурных различий между Китаем и Россией, при трансляции понятий национальной культуры с китайского языка на русский должен предварительно классифицировать текст – определить его тип, что требуется для качественного перевода, и следовать соответствующим принципам перевода.

Определение термина *текст* предлагается Л. Л. Нелюбиным: «1. Текст представляет собой конечную логически завершённую совокупность единиц всех уровней речезыковой иерархии, тематически и стилистически цельнооформленную и семантически организованную. 2. Произведение речетворческого процесса, обладающее завершётельностью, объективизированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи,

имеющее определённую направленность и прагматическую установку» [2, с. 218].

И. С. Алексеева даёт классификацию (типологию) текстов в зависимости от вида транслируемой информации: 1. Познавательная (когнитивная) информация – объективные сведения об окружающем мире. Передавая её, язык выполняет когнитивную или преференциальную (представительскую) функцию. 2. Оперативная информация – предписывает определённые действия или побуждает к ним; язык при этом выполняет апеллятивную (побудительную) функцию. 3. Эмоциональная (экспрессивная) информация – содержит сообщение о человеческих эмоциях. Передавая эмоции, язык выполняет экспрессивную функцию [1, с. 247].

Согласно классификации типов текста с точки зрения лингвистической функции, информационно-функциональный текст представляет собой текст, построенный по законам строгой логики. Он доносит информацию – излагает факты или описывает реалии. Основное внимание в тексте уделяется его содержанию, поэтому перевод требует точности при его передаче. Таким образом, перевод информационно-функциональных текстов должен отвечать принципам «верного» перевода: точное сообщение, понятный текст и стремление к ясности.

Принцип «верности» является основным, руководящим во всех переводах и предполагает следующие два аспекта: во-первых, формальная лояльность, во-вторых, смысловая лояльность. Первый относится к рассмотрению формы, чтобы сделать информацию перевода аутентичной исходной и достичь соответствия между словами, при этом желательно, чтобы структура метафор была подобна оригиналу [6, с. 64]. Однако такого рода требование «верности» в конкретной практике должно служить отражением динамической концепции перевода. Для этого требуется не механическая эквивалентность, а проявление «адекватного» перевода, чтобы гарантировать то, что переводной текст

имеет ту же коммуникативную функцию, что и оригинал. Следовательно, ключом к принципу «верного» перевода является воспроизведение смысла и стиля оригинальной работы, а не механическое эквивалентное преобразование языковых символов – в соответствии со вторым аспектом принципа «верности». Кроме того, информационные тексты должны пропагандировать культурные особенности.

Большое внимание в тексте при его переводе уделяется влиянию диалога. Следовательно, принцип перевода информационных функциональных текстов таков: содержание и структура текста могут быть скорректированы для достижения «эквивалентности».

Нида предложил понятие «динамический одноранговый перевод», отмечая: «В динамическом одноранговом переводе переводчик обеспокоен не взаимно-однозначным соответствием между информацией на исходном языке и информацией на целевом языке. Отношения должны быть в основном такими же, как отношения между получателем исходного языка и исходной информацией» [8, с. 159]. Нида далее определяет, что «получатель информации в динамическом эквивалентном переводе должен отвечать на информацию перевода с той же степенью, что и исходный получатель [9, с. 25]. Исходя из этого, мы делаем вывод: теория перевода Ниды подчёркивает, что носители двух языков должны иметь примерно одинаковые чувства, общность пресуппозиции. По словам Хе Зирана, имеет место «так называемая динамическая эквивалентность, то есть она не ограничивается исходной формой, а только сохраняет содержание оригинальной работы и выражает этот контент с наиболее близким и наиболее естественным эквивалентом в переводе, чтобы быть эквивалентным» [14, с. 191]. Поэтому динамическая или функциональная теория эквивалентности Ниды по существу эквивалентна теории перевода, взятой нами за основу.

Эквивалентный перевод – это принцип перевода, основанный на коммуникатив-

ной теории. Исходя из правильного понимания содержания оригинального произведения, переводчики не придерживаются оригинального текста и делают перевод «подчинённым» культурным привычкам читателя. Они должны быть готовы принять и подчеркнуть, что донесение сути оригинального текста – это цель, что надо стремиться отразить стиль и культурный фон переводимой работы, чтобы читатели могли по достоинству оценить экзотические обычаи и расширить свои знания.

Переводной текст типа «Оперативная информация» должен следовать принципу «эквивалентности» и формировать у читателей целевого языка такой же интерес к его содержанию и проблематике, какой проявляют носители языка оригинала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель перевода определяет стратегию и конкретный метод перевода. Результатом процесса должен стать адекватный переводной текст, и переводчик обязан чётко понимать цель и функцию перевода, чтобы приблизить результат к идеалу. Целью перевода текстов с китайского языка на русский с учётом особенностей национальной культуры обеих стран является создание качественного адекватного текста, имеющего практическую коммуникативную значимость для российских читателей, предоставляющего как можно более точно информацию о Китае и улучшающего имидж Китая. Из-за различных характеристик китайского и русского языков, специфики транслируемых ими культурных традиций, сложность перевода с русского языка на китайский высока. Следовательно, необходим углублённый анализ текста с учётом его типологических признаков, чтобы найти наилучший

способ успешной передачи информации. Тексты, которые несут в себе сведения о китайской культуре, богаты по содержанию, имеют большой объём информации, и язык обладает пробуждающей интерес силой, которая заставляет читателей думать, понимать, действовать. Они относятся к информационным и побуждающим текстам. В соответствии с характеристиками различных типов текста, руководствуясь принципами функциональной телеологии, переводчики должны следовать различным принципам перевода в зависимости от характера материала. Для информационных текстов важно, чтобы перевод смог передать ключевую информацию, сохраняя культурный потенциал и стиль исходного текста в соответствии с принципом «верности». Для побуждающего текста необходимо, чтобы перевод смог реализовать его функцию вызова, и во имя эффективности передачи информации он должен следовать «эквивалентному» принципу. В процессе перевода проявляются не только проблемы, обусловленные наличием объективных различий в языке и культуре, но и субъективных факторов в сознании переводчиков. Культурные различия отражаются в информации о региональной культуре, религиозной культуре, народной культуре и национально-специфическом образе мышления, что требует учёта при использовании ресурсов лексики, построении предложений. Перевод информации о китайской культуре с китайского языка на русский должен соответствовать языковым и культурным характеристикам получателей целевого языка, поэтому следует оценить предполагаемое принятие перевода читателем, выбирать подходящие стратегии перевода.

Статья поступила в редакцию 04.03.20.

БЛАГОДАРНОСТИ

This article was supported by the «Arts, Sports and Foreign Language» of the Special Cultural Fund of Northeastern Petroleum University (Daqing, China) in the direction of «Studying Daqing Spirit Translation from Chinese to Russian in terms of functional teleology» (No. 2019YTW-W-04).

ACKNOWLEDGMENTS

This article was supported by the «Arts, Sports and Foreign Language» of the Special Cultural Fund of Northeastern Petroleum University (Daqing, China) in the direction of «Studying Daqing Spirit Translation from Chinese to Russian in terms of functional teleology» (No. 2019YTW-W-04).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004. 247 с.
2. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта; Наука, 2003. 320 с.
3. Сыюэ Х., Гумин Х. Анализ русского перевода заголовков глав романа «Сон в Красном тереме» в аспекте теории адаптации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. №5. С. 342–349.
4. Текст как явление культуры / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989. 196 с.
5. Тюленев С. В. Теория перевода. М.: Гардарики, 2004. 336 с.
6. Фу Цзао, Лу Цяоци. Сравнительный анализ современной теории художественного перевода в России и Китае // Гуманитарные исследования. 2019. №2 (70). С. 59–67.
7. Alvaro J. J. Analyzing China's English-language Media. In: World Englishes, 2015, pp. 260–277.
8. Nida E. A. To a Science of Translating. Leiden, E. J. Brill publishers, 1964. 331 p.
9. Nida E. A., Charles R. The Theory and Practice of Translatio. Leiden, E. J. Brill publishers, 1969. 218 p.
10. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford, Pergamon Press, 1981. 200 p.
11. Tzou Y. Z., Vaid J., Chen H. C. Does Formal Training in Translation or Interpreting Affect Translation Strategy. In: Science, 2017, pp. 632–641.
12. 王倩. 中国文化外译传播中的译者身份建构 // 社会科学战线2018(09). 266–270页。(Ван Цянь. Конструирование идентичности переводчика в переводе китайской культуры // Фронт общественных наук. 2018. №9. С. 266–270).
13. 李新惠. 文化视角中的翻译研究 // 吉林广播电视大学学报 2009 (01). 80页。(Ли Синьхуэй. Переводческие исследования с точки зрения культуры // Журнал Университета радио и телевидения Цзилинь. 2009. №1. С. 80).
14. 何自然. 语用学与英语学习. 上海, 1997. 185-191页。(Хе Зиран. Прагматика и изучение английского языка. Шанхай: Шанхайская образовательная пресса иностранных языков, 1997. С. 185–191).
15. 陈小慰. 文化外译受众意识的样本分析以 — «Insigts Into Chinese Culture» 英译本为例 // 中国翻译2015 (04). 76-82页。(Чэнь Сяовэй. Выборочный анализ осведомлённости аудитории в переводе на иностранный язык с культурой: пример английской версии «Insigts Into Chinese Culture» // Журнал Китайского перевода. 2015. №4. С. 76–82).
16. 杨柳. 中国文化典籍英译趋势 // 中国出版, 2016 (10). 40-41页。(Ян Лю. Тенденция английского перевода китайской культурной классики // Журнал издательства Китая. 2016. №10. С. 40–41).

REFERENCES

1. Alekseeva I. S. *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to translation studies]. Moscow: Academia Publ., 2004. 247 p.
2. Nelyubin L.L. *Tolkovyi perevodovedcheskii slovar'* [Sensible translological dictionary]. 3rd ed., revised. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2003. 320 p.
3. Syue Kh., Gumin Kh. [Analysis of the Russian translation of the headings of the chapters of the novel "Dream in the Red Tower" in the aspect of adaptation theory]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology, 2019, no. 5, pp. 342–349.
4. Antipov G. A., Donskikh O. A., Markovina I. Yu., Sorokin Yu. A. *Tekst kak yavlenie kul'tury* [Text as a cultural phenomenon]. Novosibirsk: Nauka Publ., *Sibirskoe otделение* [Siberian Branch], 1989. 196 p.
5. Tyulenev S. V. [Theory of translation]. Moscow: Gardariki Publ., 2004. 336 p.
6. Fu Zao, Lu Qiaoqi. [A comparative analysis of the modern theory of literary translation in Russia and China]. In: *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Studies], 2019, no. 2 (70), pp. 59–67.
7. Alvaro J. J. Analyzing China's English-language Media. In: World Englishes, 2015, pp. 260–277.
8. Nida E. A. To a Science of Translating. Leiden, E. J. Brill publishers, 1964. 331 p.
9. Nida E. A., Charles R. The Theory and Practice of Translatio. Leiden, E. J. Brill publishers, 1969. 218 p.

10. Newmark P. Approaches to Translation. Oxford, Pergamon Press, 1981. 200 p.
11. Tzou Y. Z., Vaid J., Chen H. C. Does Formal Training in Translation or Interpreting Affect Translation Strategy. In: Science, 2017, pp. 632–641.
12. 王倩. 中国文化外译传播中的译者身份建构 // 社会科学战线2018(09). 266–270页。(Wang Qian. The construction of the identity of a translator in the translation of Chinese culture. In: Front of Social Sciences, 2018, no. 9, pp. 266–270).
13. 李新惠. 文化视角中的翻译研究 // 吉林广播电视大学学报 2009 (01). 80页。(Li Xinhui. Cultural Translation Studies. In: Journal of Jilin University of Radio and Television, 2009, no. 1, pp. 80).
14. 何自然. 语用学与英语学习. 上海, 1997. 185–191页。(He Ziran. Pragmatics and learning English. Shanghai, Shanghai Educational Press of Foreign Languages, 1997, pp. 185–191).
15. 陈小慰. 文化外译受众意识的样本分析以 — «Insights Into Chinese Culture» 英译本为例 // 中国翻译2015 (04). 76–82页。(Chen Xiaowei. Selective analysis of audience awareness in translation into a foreign language with culture: an example of the English version of “Insights Into Chinese Culture”. In: Journal of Chinese Translation, 2015, no. 4, pp. 76–82).
16. 杨柳. 中国文化典籍英译趋势 // 中国出版, 2016 (10). 40–41页。(Yang Liu. The trend of the English translation of Chinese cultural classics. In: Journal of China, 2016, no. 10, pp. 40–41).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чжан Цзин – преподаватель Института иностранных языков, Северо-Восточный нефтяной университет (Дацин, Китай);

e-mail: zhang_jing1982@163.com

Лю Чжицян (Corresponding author) – кандидат филологических наук, Институт иностранных языков, Цзянсуский научно-технический университет (Чжэньцзян, Китай);

e-mail: liu.chzh@just.edu.cn

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhang Jing – teacher at the Institute of Foreign Languages, North-East Petroleum University (Daqing, China);

e-mail: zhang_jing1982@163.com

Liu Zhiqiang (Corresponding author) – PhD in Philological sciences, Institute of Foreign Languages, Jiangsu University of Science and Technology (Zhenjiang, China);

e-mail: liu.chzh@just.edu.cn

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чжан Цзин, Лю Чжицян. О некоторых особенностях перевода текстов о национальной культуре с китайского языка на русский с точки зрения функциональной телеологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 48–57.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-48-57

FOR CITATION

Zhang Jing, Liu Zhiqiang. About Some Features of the Translation of Texts on National Culture from Chinese into Russian from the Point of View of Functional Teleology. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 2, pp. 48–57.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-48-57

УДК 1751

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-58-64

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОМИЧЕСКОГО В ЦИКЛЕ «ДЕНИСКИНЫ РАССКАЗЫ» В. ДРАГУНСКОГО

Юйцин Ши*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Целью статьи является выявление и определение видов и функций синтаксических средств комического в цикле «Денискины рассказы» В. Драгунского.

Процедура и методы исследования. Основное содержание исследования составляет анализ конкретных примеров использования писателем синтаксических приёмов в рассказах.

Результаты проведённого исследования. Проведённый анализ показал, что на уровне синтаксиса комические приёмы в цикле «Денискины рассказы» исключительно разнообразны. Помимо юмористического назначения, они также играют важную роль в передаче эмоций героев, создании образов, усилении выразительности и формировании композиции произведения. Автором представлен синтаксический аспект явления комического как новый подход к изучению произведений В. Драгунского.

Теоретическая и / или практическая значимость. Статья заполняет пробелы в исследовании синтаксических средств комического в произведениях В. Драгунского. Материалы и выводы исследования могут найти применение в дальнейшем изучении творчества писателя, в научных исследованиях, посвящённых теории комического, также могут быть использованы в учебных курсах по русской детской литературе.

Ключевые слова: «Денискины рассказы», синтаксические средства комического, парцелляция, параллелизм, повтор, эмоция

SYNTACTIC COMIC MEANS IN VICTOR DRAGUNSKY'S "THE ADVENTURES OF DENNIS"

Yuqing Shi*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation***Abstract.**

Purpose. The main content of this study is to analyze the specific use of syntactic techniques from the examples of "The Adventures of Dennis" by V. Dragunsky and to identify their types and functions in comic expressions.

Methodology and Approach. The analysis shows that at the syntax level, the comic techniques are incredibly diverse.

Results. In addition to the cases for humorous purposes, they also play an essential role in conveying the emotions of heroes, creating character images, enhancing expressiveness, and shaping the composition of the work. So, at last, the author presents the syntactic aspect of the comic phenomena as a new approach to the study of the works of V. Dragunsky.

Theoretical and / or Practical Implications. The article fills the gap in the study of syntactic comic means in V. Dragunsky's works. Materials and conclusions of the study can find application in the further study of the writer's works, in scientific studies of the comic theories, they can also be used in training courses on Russian children's literature.

Keywords: "The Adventures of Dennis", syntactic comic means, parcellation, concurrency, repetition, emotion

© СС BY Юйцин Ши, 2020.

ВВЕДЕНИЕ

В. Ю. Драгунский (1913–1972) – известный русский детский писатель-юморист, главное творение которого – цикл юмористических произведений «Денискины рассказы». В текстах писателя комический эффект достигается благодаря разного рода языковым средствам, представленным в многообразных аспектах. В частности, заметную роль играют синтаксические средства, вызывающие определённую реакцию не только читателя, но и слушателя.

В научной литературе первые заметки о творчестве Драгунского встречаются в 1968 году в кандидатской диссертации Е. Е. Зубаревой – «Проблема юмора в художественной литературе для детей и подростков». Вписав «Денискины рассказы» в число современной детской прозы, диссертант открыла поле для последующего исследования творчества Драгунского. Позже к анализу произведений Драгунского обращались И. Я. Линкова, С. И. Сивоконь, Н. И. Кузнецова, М. И. Мещерякова, Э. Ш. Недува, И. Н. Арзамасцева. Э. Недува в своей диссертации выявил роль и значение творчества Драгунского для детской литературы XX века в целом: «... рассказы Драгунского явились значительным вкладом в развитие жанра юмористического рассказа для детей» [7, с. 152]. Сивоконь называет юмор Драгунского «лирическим», опираясь на «душевное самораскрытие главного героя, его обнажённую искренность» в моменты возникновения смеха [10, с. 184]. И. Н. Арзамасцева посвятила параграф исследованию творчества Драгунского в учебнике «Детская литература» и определила индивидуальный стиль писателя как «сочетание лирического и комического начал»¹.

Новеллистика Драгунского стала материалом исследования проблемы соотношения эмоционального и рационального в детской литературе второй половины XX века. Так, в диссертационной работе

«Рациональное и эмоциональное в русской литературе 50–80 годов XX в. (Н. Н. Носов, В. Ю. Драгунский, А. Г. Алексин, В. П. Крапивин)» Л. В. Долженко отметила, что роль творчества Носова, Драгунского, Алексина и Крапивина «состоит в стремлении к изображению детства как максимально адекватного предмету, это обстоятельство приобретает особое значение в художественном тексте, адресованном ребёнку» [2, с. 368].

В последнее время творчество Драгунского остаётся в сфере научных интересов специалистов по детской литературе. Так, в 2013 г. О. О. Михайлова посвящает изучению творчества Драгунского кандидатскую диссертацию «Формы выражения авторской адресации в рассказах В. Ю. Драгунского для детей». В результате проведённого исследования Михайлова выявила особенность двойной адресации, их динамическое изменение с взрослением «адресата-ребёнка, отдалившегося от прототипа ранних рассказов – сына писателя» [5, с. 175]. Позже в 2015 г. Михайлова в статье «Типология конфликтов в «Денискиных рассказах» В. Ю. Драгунского: рецептивно-функциональный аспект» анализирует четыре типа конфликтов: «1) внутриличностные; 2) межличностные; 3) социальные... 4) природные» [4, с. 95]. О. С. Октябрьская вычленяет «три типа рассказового повествования у В. Драгунского»: «философский монолог», «рассказы-диалоги» и «юмористический фабульный рассказ» [8, с. 94]. Однако нет ни одной работы, посвящённой синтаксическим средствам комического в юмористических рассказах В. Драгунского, и осмысление этой проблемы остаётся актуальным.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОМИЧЕСКОГО В РАССКАЗАХ ВИКТОРА ДРАГУНСКОГО

В трёх лирико-философских рассказах «Что я люблю...», «... И чего не люблю!», «Что любит Мишка» с помощью синтаксического параллелизма и перечисления автор показывает разные типы восприятия

¹ Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2005. С. 440.

мира. Первые два рассказа выстроены на параллелизме. В рассказе «Что я люблю» почти все предложения начинаются с конструкции «Я люблю», которая повторяется 14 раз, а слово «люблю» – 29 раз. Приём параллелизма является стержнем этих рассказов и придаёт произведению определённый ритм и яркую эмоциональность. Автор выстраивает чёткие приоритеты, а синтаксис помогает осмыслить широту или узость взглядов на мир, предпочтения каждого из героев.

Если для Дениса важными и любимыми оказываются самые разные аспекты бытия – родные, животные, приятные ощущения от прочитанной сказки и весёлых историй, то для Мишки важнее его гастрономические пристрастия. В случае с Денисом комическим является «соседство» перечисляемых объектов любви, резкий переход от одного к другому. Однако это не является чем-то негативным, так как детское сознание по своей природе эмоционально-экспрессивно и мозаично. Ребёнок воспринимает мир восторженно и импульсивно, для него характерно «интуитивное стремление к смеху» [3, с. 139]. Он не в состоянии осмыслить целостно, а реализует то, что его больше всего поражает в данный момент. Комичны не только объединяемые в одном ряду разные предметы и явления, но и однотипные объекты перечисления. В случае с Мишкой смех вызывают как раз «однотонность» перечисления, дотошность и занудность героя. Если он говорит о мороженом, то уж перечисляет все сорта, и каждый преподнесён как любимый.

Детям свойственно нечёткое дифференцирование разных понятий. Они иногда подбирают то обобщающее слово, которое не совсем связано с называемыми предметами. Пользуясь приёмом перечисления, писатель показывает эту особенность детского мышления с комическим оттенком. Однако комическое у Драгунского редко реализуется в сатире, чаще всего для писателя характерны «позитивный юмор» и лёгкая ирония [7, с. 142]. Например, в рассказе «Поют колеса – тра-та-та» Денис рассказывает о поездке в город Ясногорск: «В

нашем вагоне было много разного народу: старушки, и солдаты, и просто молодые парни, и проводники, и маленькая девчонка, и даже полная корзинка кур»¹. Смешно явное ироничное сопоставление «полной корзинки кур» с полностью забитым народом вагоном. Ребёнок, по сравнению со взрослыми, которым легко классифицировать объекты разных понятий, даже явно не осознаёт этого. Поэтому наряду со старушками, солдатами, парнями, проводниками и девчонкой слово «куры» явно маркировано особо.

В цикле Драгунский сумел передать «целую гамму детских чувств» [9, с. 78]. Неустойчивость и эмоциональность детской речи как следствие особенности психологии детей выражаются посредством перечислительного модуля в рассказах Драгунского. Писатель создаёт однородные синтаксические конструкции, которые вместе формируют пёструю и причудливую картину, полную юмора. К примеру, в рассказе «Рабочие дробят камень» использован приём перечисления в ситуации, когда Денис, поспоривший с друзьями о том, что не побоится прыгнуть с десятиметровой вышки, размышляет о всевозможных последствиях этого для себя: «И когда я глянул вниз, я увидел наш водный бассейн, он был голубой, но такой маленький, прямо величиной с папиросную коробку, и я подумал, что, если прыгну, вряд ли попаду в него... ветер... снесёт меня куда-нибудь в сторону... я бухнусь прямо в буфет кому-нибудь на голову, вот будет история! Или я, чего доброго, уложу прямо в кухню, в котёл с борщом!»². Здесь Драгунский использует «несуразные для взрослых, но вполне приемлемые для детей формы успокоения...» [6, с. 62]. Для Дениса страх выходит на первое место. Ему стыдно признаться в этом, и он пытается оправдать своё опасение. Комическое впечатление вызывает явное несоответствие между его эмоциональным состоянием (повышенное возбуждение, вызванное страхом) и буд-

¹ Драгунский В. Ю. Денискины рассказы. М.: Эксмо, 2015. С. 230.

² Там же. С. 348.

ничностью и конкретностью размышлений о последствиях прыжка. Он интуитивно воображает гипотетическую ситуацию, фактически соединяя два разных явления и накладывая одно на другое.

Другим примером может служить рассказ «Сражение у Чистой речки». В этом произведении за однородными синтаксическими конструкциями стоят определённые действия, которые выстраивают конкретную цепь поступков. И эти поступки вызывают комический эффект потому, что они исходят не от шумящих и шалящих детей, которые помогают экранным актёрам воевать с врагами, а от солидных серьёзных взрослых – учительницы Елены Степановны, пытающейся утихомирить школьников, гражданки, мирно смотрящей фильм, лысого дядьки. «И тут Елена Степановна случайно взмахнула рукой и задела за локоть гражданку, которая сидела на приставном стуле. А у гражданки в руке было эскимо. Оно взлетело, как пропеллер, и шлёпнулось на лысину одного дяденьки. Тот вскочил и закричал тонким голосом: – Успокойте ваш сумасшедший дом!!!»¹. Эффект «кучи-малы» создан не детьми, которые обычно создают ситуацию такого рода, а взрослыми, которые пытаются успокоить своих подопечных, но вмешиваются в весёлую детскую кутерьму и сами создают трагикомическую фарсовую ситуацию, включаясь в общую сумятицу. Дети действуют иначе, они не совсем чётко понимают разницу между реальностью и условностью искусства, поэтому пытаются помочь положительным героям фильма победить и стреляют из игрушечных пистолетов по врагам, то есть по экрану, а взрослые уже включаются в общий шум и гвалт случайно. От этого комический эффект возрастает ещё больше.

В качестве средств комического на уровне синтаксиса также может выступать нарочитая парцелляция. В рассказе «Запах неба и махорочки» повествователь Денис эмоционально передаёт свои ощущения от несостоявшегося полёта на легкомо-

торном самолёте. Его эмоции слишком сильны, чтобы выразить их с помощью одного предложения. Ему необходимы паузы и восклицания для идентичной передачи собственных переживаний: «Я ещё ни разу не летал на самолётах. Правда, один раз я чуть-чуть не полетел, да не тут-то было. Сорвалось. Прямо беда. И это не так давно случилось. Я уже не маленький был, хотя нельзя сказать, что и большой»². Используя приём нарочитой парцелляции, писатель акцентирует внимание на эмоциональном фоне персонажа. Яркое впечатление и сильная эмоция не позволяют Денису спокойно говорить. Этим также придаётся произведению особая выразительность. Как будто герой прямо стоит перед читателем и экспрессивно рассказывает о недавнем событии.

Сходный приём использован Драгунским и для передачи речи взрослого человека. Мама Дениса, пытаясь уговорить его использовать медведя вместо боксёрской груши, тоже использует короткие рубленые фразы, выстраивает их в отдельные восклицательные предложения в рассказе «Друг детства»: «Хороший Мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Ещё лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!»³. Взрослые больше ценят материальную составляющую вещи, а ребёнок – эмоциональную. Поэтому мама старается уговорить сына использовать старую, на её взгляд ни к чему не пригодную игрушку в качестве боксёрской груши. Она почти отдавала все силы, чтобы уговорить и заразить ребёнка своей радостью в повторном использовании старой игрушки. Её старания и эмоции передаются посредством приёма парцелляции.

Стоит отметить, что во многих рассказах средством создания комического служит синтаксический повтор. Повторы бывают разные: повтор звука, слова, словосочетания, фразы, ситуаций и т. д. О юморе повтора писал Б. Дземидок:

¹ Драгунский В. Ю. Денискины рассказы. М.: Эксмо, 2015. С. 252.

² Там же. С. 325.

³ Там же. С. 356.

«Техника комического проявляется при повторении какой-либо фразы, присловья... Комическое может быть вызвано повторением ситуаций» [1, с. 83]. Когда повторы выходят за рамки одного предложения и распространяются на уровень всего текста, они относятся к синтаксическим повторам.

Так, одним из ярких примеров является рассказ «Бы...». В нём Денис моделирует особый мир, в котором дети меняются местами со взрослыми. В обычной жизни мама много раз повторяет сыну: «На кого ты похож? Вылитый кощей!»¹, мама переживает о худобе Дениса, беспокоится о его здоровье, она хочет, чтобы Дениска ел хорошо и много и был упитанный. Поэтому худобу сына сравнивает с доминантным признаком отрицательного сказочного персонажа. А теперь это выражение достаточно часто использует сам герой. Обычный порядок отношения взрослых и ребёнка разрушается, и возникает своеобразный ситуационный перевёртыш, который сам по себе является забавным. А в конце рассказа знакомая ситуация повторяется, только не от ребёнка, который с большим удовольствием погружён в свои фантазии, а от реальной мамы из реального мира.

В рассказах «Где это видано, где это слышано...», «Мотогонки по отвесной стене», «Когда я был маленький» мы тоже можем обнаружить синтаксические повторы. В первом рассказе Мишка исполняет сатирические куплеты, но неожиданно сбивается, забывает текст и пропевает один куплет четыре раза, что уже становится смешным. Денис, пытающийся исправить ошибки друга, неожиданно для себя пропевает тот же самый куплет. Реакция зрителей с каждым повтором меняется. Драгунский использует приём градации для обозначения меняющейся ситуации. Сначала «Все, кто был в зале, засмеялись...», потом «Тут все в зале прямо завизжали от смеха...», затем «Все хохотали как зарезанные...». Поэтому финальным аккордом звучат слова в конце

«Было похоже на землетрясение. И я думал, что вот сейчас провалюсь совсем под землю, а вокруг все просто падали от смеха – и няни, и учителя, все, все...»².

В рассказе «Мотогонки по отвесной стене» повторяется один и тот же эпизод. Денис взял без спросу велосипед с мотором, но не знает, как остановить машину. Предметом повтора становится перечисление объектов, которые мелькают перед глазами велосипедиста: «столбик, ворота, скамеечка, грибы от дождя, песочник, качели, домоуправление...»³. Пятикратное повторение этого перемежается с ещё одним своеобразным повтором – автор каждый раз показывает состояние героя, и каждый раз оно меняется: «чудесно», «всё было очень хорошо...», «мне вдруг стало как-то не по себе», «совсем не по себе, тошно как-то», «дело плохо»⁴. Венчает этот ряд путаница, произошедшая в голове ребёнка от быстрого катания и от страха не остановиться: «... домик, столбоуправление, качели, ворота от дождя, грибеечка...»⁵. Выражается такое состояние соединением одной части слова с другой совершенно иного слова и создания на основе странных слов.

Комизм достигается также при соединении разных семантических уровней. Такой пример можно найти в рассказе «Когда я был маленький». Мама, кормя ребёнка, рассказывает ему сказку про Красную Шапочку. Интересный и захватывающий сюжет сказки прерывается не имеющими к сказке отношения репликами. Сказка вводит читателя в драматическую ситуацию, которая становится комической, когда заботливая мама напоминает о необходимости прожевывать кашу. Комизм усиливается и повтором одинаковых слов и синонимичных конструкций, и соединением разностилевых и разноуровневых фрагментов.

Ребёнок чрезвычайно увлечён сюжетом сказки, ему не до пережёвывания пищи,

¹ Драгунский В. Ю. Денискины рассказы. М.: Эксмо, 2015. С. 297.

² Там же. С. 214–216.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 37–41.

⁵ Там же. С. 41.

поэтому он призыв мамы воспринимает весьма неохотно. Он не может сосредоточенно жевать и часто перестаёт есть. Маме же надо накормить сына, поэтому она всё время приговаривает: «Жуй как следует!»¹. И даже когда мама рассказывает историю про Красную Шапочку, она заставляет сына жевать: «Жила-была Красная Шапочка... Жуй как следует!»². Герой только стал вникать в интересное повествование, как слышит приказ жевать. Потом это повторяется многократно: «Напекла она пирожков и пошла к бабушке... Жуй, жуй хорошенько!»³. И опять раздаётся приказ жевать: «И вот волк проглотил бабушку... Жуй, жуй! Прожевал?»⁴. Предметом повтора является приказ мамы жевать, который звучит много раз во время рассказывания сказки. Повторяющиеся слова мамы и реакция ребёнка оказываются комичными. Усиливает комизм мизансцена, где сходное действие характерно не только для Дениса, но и для персонажа сказки. Денис – маленький и наивный ребёнок. И эта наивность тоже является источником юмора. Когда ребёнок узнал, что из живота волка выскочили бабушка и Красная Шапочка, он автоматически соотносит приключения

волка с маминой присказкой: «Не прожевал, значит, волк-то»⁵. Исходя из своего опыта, он решил, что волк тоже плохо жевал, поэтому бабушка и Красная Шапочка остались живыми и здоровыми. Таким образом, повторяющийся мотив жевания создаёт в рассказе сильный комический эффект. Герой так и не понял, о чём идёт речь в сказке, поэтому сочувствует Волку, а не Красной Шапочке и её бабушке. Кроме того, в финале рассказа парадоксально смыкаются два смысловых плана – сказочный и реально-бытовой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Синтаксические средства комического в цикле юмористических рассказов В. Драгунского очень разнообразны. Используя такие приёмы, как нагромождение однородных синтаксических конструкций, параллелизм, парцелляция, синтаксический повтор, писатель выявляет особенности поведения героев, их эмоционального состояния, лепки их психологических портретов.

Статья поступила в редакцию 25.06.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
2. Должико Л. В. Рациональное и эмоциональное в русской литературе 50–80-х годов XX в. (Н. Н. Носов, В. Ю. Драгунский, А. Г. Алексин, В. П. Крапивин): дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2001. 394 с.
3. Зубарева Е. Е. Проблема юмора в художественной литературе для детей и подростков: дис. ... канд. филол. наук. М., 1968. 358 с.
4. Михайлова О. О. Типология конфликтов в «Денискиных рассказах» В. Ю. Драгунского: рецептивно-функциональный аспект // Детские чтения. Том 7. 2015. №1. С. 94–112.
5. Михайлова О. О. Формы выражения авторской адресации в рассказах В. Ю. Драгунского для детей: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 200 с.
6. Михальчук Т. Г. Ситуация речевого этикета в произведениях Виктора Драгунского и Барбру Линдгрэн // Дидактическая философия. 2017. №3 (7). С. 60–69.
7. Недува Э. Ш. Творчество Носова и его роль в развитии жанров юмористической прозы для детей: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 218 с.
8. Октябрьская О. С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–50-х годов. М.: МАКС Пресс, 2016. 248 с.
9. Плешкова О. И., Селивёрстова М. П. Формирование представления о психологизме детской литературы у будущих учителей начальных классов (на материале творчества В. Ю. Драгунского) //

¹ Там же. С. 443.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Современные образовательные технологии в начальной школе: материалы заочной Всерос. научно-практической конф., Барнаул, 20 апреля 2017 г. Барнаул: АлтГПУ, 2017. С. 78–82.

10. Сивоконь С. И. Весёлые ваши друзья: Очерки о юморе в советской литературе для детей. М.: Детская литература, 1980. 191 с.

REFERENCES

1. Dzemicod B. *O komicheskom* [About the comic]. Moscow, Progress Publ., 1974. 223 p.
2. Dolzhiko L. V. *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkoi literature 50–80-kh godov XX v.* (N. N. Nosov, V. Yu. Dragunsky, A. G. Aleksin, V. P. Krapivin): *dis. ... dokt. filol. nauk* [Rational and emotional in Russian literature of 1950–80s (N. Nosov, V. Dragunsky, A. Aleksin, V. Krapivin): D. thesis in Philological sciences]. Volgograd, 2001. 394 p.
3. Zubareva E. E. *Problema yumora v khudozhestvennoi literature dlya detei i podrostkov: dis. ... kand. filol. nauk* [The problem of humor in literature for children and adolescents: PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 1968. 358 p.
4. Mikhailova O. O. [Typology of conflicts in "The Adventures of Dennis" of V. Dragunsky: receptive-functional aspect]. In: *Detskie chteniya* [Children's reading]. Vol. 7, 2015, no. 1, pp. 94–112.
5. Mikhailova O. O. *Formy vyrazheniya avtorskoi adresatsii v rasskazakh V. Yu. Dragunskogo dlya detei: dis. ... kand. filol. nauk* [Forms of expression of the author in Dragunsky's stories for children: PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2013. 200 p.
6. Mikhal'chuk T. G. [The situation of speech etiquette in the works of Viktor Dragunsky and Barbro Lindgren]. In: *Didakticheskaya filosofiya* [Didactic philosophy], 2017, no. 3 (7), pp. 60–69.
7. Neduva E. Sh. *Tvorchestvo Nosova i ego rol' v razvitii zhanrov yumoristicheskoi prozy dlya detei: dis. ... kand. filol. nauk* [Nosov's works and their role in the development of the genre of humorous prose for children: PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 1981. 218 p.
8. Oktyabr'skaya O. S. *Formirovaniye i razvitiye zhanrovoy sistemy v russkoi detskoj proze 1920–50-kh godov* [The formation and development of the genre system in Russian children's prose of 1920–50s]. Moscow, MAKSPress Publ., 2016. 248 p.
9. Pleshkova O. I., Seliv'erstova M. P. *Formirovaniye predstavleniya o psikhologizme detskoj literatury u budushchikh uchitelei nachal'nykh klassov (na materiale tvorchestva V. Yu. Dragunskogo)* [The formation of ideas about the psychology of children's literature from future primary school teachers (on the material of V. Dragunsky's works)]. In: *Sovremennyye obrazovatel'nye tekhnologii v nachal'noi shkole: materialy zaachnoi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Barnaul, 20 aprelya 2017 goda* [Modern educational technology in primary school: materials of all-Russian scientific-practical Conference Barnaul, April 20, 2017]. Barnaul, AltSPU Publ., 2017. pp. 78–82.
10. Sivokon' S. I. *Veselye vashi druz'ya: Ocherki o yumore v sovetskoi literature dlya detei* [Merry friends: Essays about humor in Soviet literature for children]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1980. 191 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юйцин Ши – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: fdsyq@outlook.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuqing Shi – postgraduate student at the Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literature Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; e-mail: fdsyq@outlook.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Юйцин Ши. Синтаксические средства комического в цикле «Денискины рассказы» В. Драгунского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 58–64.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-58-64

FOR CITATION

Yuqing Shi. Syntactic Comic Means in Victor Dragunsky's "The Adventures of Dennis". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 2, pp. 58–64.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-58-64

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-65

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-65-74

Н. М. КАРАМЗИН И К. Ф. МОРИЦ

Алпатова Т. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Целью статьи является изучение основных направлений творческого взаимодействия Н. М. Карамзина с наследием К. Ф. Морица, яркого представителя немецкого Просвещения, встреча с которым показана на страницах «Писем русского путешественника».

Процедура и методы исследования. Автором проанализирована сцена встречи героя-путешественника с Морицом с целью выявить концептуальный смысл, лежащий в основе репрезентации творческого наследия немецкого писателя в книге Карамзина. Путём сопоставительного изучения мотива инициации у Морица и Карамзина уточняется специфика его раскрытия у представленных авторов.

Результаты проведённого исследования. В ходе работы были выявлены сопоставимые сюжетные ситуации, а также образно-символические ряды, позволяющие уточнить специфику творческой переработки Карамзиным принципов Морица-писателя в раскрытии мотива посвящения.

Теоретическая и / или практическая значимость. Автору удалось обновить проблематику сопоставительного анализа творчества К. Ф. Морица и Н. М. Карамзина, что в перспективе позволяет раскрыть новые возможности в исследовании контекста мировой литературы на страницах «Писем русского путешественника».

Ключевые слова: Н. Карамзин, К. Ф. Мориц, жанр, путешествие, поэтика повествования, мотив посвящения

N. KARAMZIN AND K. MORITZ

T. Alpatova

Moscow Region State University

24 Veri Voloshinoy st., Mytischki 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The article aims to study the main directions of creative interaction between N. Karamzin and the heritage of K. Moritz, a prominent representative of the German Enlightenment, a meeting with which is shown on the pages of "Letters of a Russian Traveler".

Methodology and Approach. The author analyzed the scene of the meeting of the hero-traveler with Moritz to reveal the conceptual meaning underlying the representation of the creative heritage of the German writer in the book of Karamzin. By a comparative study of the initiation motive in Moritz and Karamzin, the particularity of its disclosure in the presented authors is specified.

Results. In the course of the work, comparable plot situations were revealed, as well as figurative and symbolic series, allowing to clarify the specifics of Karamzin's creative processing of the principles of Moritz, the writer in exposing the motive of initiation.

Theoretical and / or Practical Implications. The author was able to update the problems of a comparative analysis of the works of K. Moritz and N. Karamzin, which in the future allows new opportunities to be explored in the study of the context of world literature on the pages of "Letters of a Russian Traveler".

Keywords: N. Karamzin, K. Moritz, genre, travel, narrative poetics, motive of initiation

ВВЕДЕНИЕ

История творческого усвоения Н. М. Карамзиным наследия К. Ф. Морица, немецкого философа, психолога, педагога, писателя и издателя, сцена встречи с которым оказывается одной из знаковых в структуре «философского сюжета» «Писем русского путешественника», привлекала внимание исследователей не столь часто [1, с. 21–22, с. 31–59, с. 91–104; 4; 5; 6, с. 319–337; 9, с. 49–67; 12, с. 247–251; 13, с. 57–71; 14, с. 59–78; 15, с. 55–62]. Однако перспективы этого сопоставления представляются очень интересными – как в силу многообразия научных и литературных интересов Морица, оказавшихся столь значимыми и для Карамзина, так и вследствие особой концептуальной установки, которая видится в интертекстуальных параллелях с произведениями немецкого мыслителя, выстраиваемых в карамзинском творчестве.

Установка эта задана в «Письмах русского путешественника», произведении, удивительно насыщенном изображениями встреч с самыми различными спутниками и собеседниками, как реальными, так и воображаемыми, что отвечало особому жизненному, этическому и шире – антропологическому принципу Карамзина, сформулированному в этой книге: «Человек рожден к общезнанию и дружбе»¹.

АССОЦИАТИВНЫЙ «СЮЖЕТ» ТВОРЧЕСТВА К. Ф. МОРИЦА В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»

Изображение Морица на страницах «Писем...» встраивается в концептуально значимую для Карамзина политико-историческую «карту» предпринятого маршрута. В её основе – базовый для всего историко-политического «сюжета» мотив встречи / творческого диалога России и Западной Европы, заложенный уже в самом названии книги [8, с. 525–606; 10, с. 112–121; 11, с. 106–115]. Отправляющийся в своё путешествие карамзинский герой осмысляет историю Европы, видя высшей точкой её воплощения Францию, которая в то же время оказывается во власти трагического кризиса – революции. Осознавая это, путешественник в «Письмах...» видит и возможности его преодоления – утопию возвращения к природе, раскрывающуюся на швейцарских страницах книги, и перспективу прогресса, олицетворённую для карамзинского героя Англией [3, с. 296–302].

В этой своеобразной «ментальной карте» Европы, концептуально обоснованной в трудах М. В. Иванова [3, с. 296–302] и Ю. М. Лотмана [8, с. 525–606], наиболее сложным и неоднозначным представляется место Германского мира [7, с. 450–470]. Думается, в карамзинском видении немецкая философия, поэзия, театр представляли новые творческие принципы, отличные от нормативно-традиционалистской, рационалистической французской эстетики. Деятели немецкой культуры на страницах «Писем...» оказываются для «русского путешественника» первыми представителями Европы – первыми «образцами для подражания», за которыми может пойти

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Н. А. Марченко, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 717 с. С. 34.

русская культура (подобная историософская модель была реализована и в стихотворении Карамзина «Поэзия», где место представителей французского классицизма занимают совсем другие – английские и немецкие поэты, причём будущее «поэзии святой» связано как с ними, так и с ещё не открывшими миру своё дарование русскими поэтами: «И скоро все народы // На Север притекут светильник возжигать...»¹). Мориц как яркий представитель новой немецкой культуры оказывается в книге Карамзина одним из наиболее лично близко её олицетворений, притом, если учесть его опыт как путешественника, обыгранный уже в представлении Морица как героя карамзинского повествования, он становится для повествователя-путешественника вполне соотносимой фигурой, как подобна в своём диалоге с французской культурой России – Германия.

Выстраивая характеристику Морица при первом знакомстве с ним читателя, Карамзин представляет практически все значимые его характеристики, с энциклопедической полнотой обозначая разнообразные сферы интересов немецкого мыслителя и писателя: «Веди меня к Морицу, – сказал я поутру наёмному своему лакею. – «А кто этот Мориц?» – Кто? Филипп Мориц, Автор, Философ, Педагог, Психолог...»². Иронизируя над простодушным слугой, пытавшимся найти Морица во «всезаключающем календаре», путешественник добавляет к его характеристике: «Посмотри его лучше между Профессорами»³ – завершающей, таким образом, становится характеристика, которая более привычна для обывателя, раскрывает личность Морица с его внешней стороны, явленной окружающим.

В этой характеристике представлены и несколько наиболее значительных сочинений Морица – роман «Антон

Рейзер», «Путешествие немца по Англии», «Путешествие по Италии», его журнал, названный в книге «Психологический магазин», а также одна статья из него – «О языке с психологической точки зрения», ставшая одним из оснований для особого «филологического сюжета», выстраиваемого в «Письмах...» [1, с. 91–104].

Предметами разговора с Морицом карамзинского героя-путешественника оказываются темы, наиболее значимые для общего контекста книги. Прежде всего это путешествие, – и в оценке Морица оно предстаёт как особый путь познания мира в живом общении с ним: «Нет ничего приятнее, как путешествовать. <...> Все идеи, которые мы получаем из книг, можно назвать мёртвыми в сравнении с идеями очевидца»⁴ (ср. отмеченное практически всеми исследователями «Писем...» значение читательского опыта и той проверки, которую он получает в ходе посещения героем тех памятных, знаковых мест, о которых путешественник раньше лишь читал [8, с. 525–606]). Таким образом, Мориц-путешественник в целом следует тому же специфическому сентиментально-просветительскому принципу, что и карамзинский герой. Как филолог, он говорит о готовности «учиться русскому» – в том случае, если на этом языке будет написано «что-нибудь превосходное» (мотив, косвенно обращающий читателя к стихотворению «Поэзия», где уже реализовавшая свой потенциал новая немецкая литература представлена как залог развития, в том числе, поэзии русской).

Завершением беседы путешественника с Морицем на страницах книги становится тема философии. В беседе о ней Мориц – карамзинский персонаж – также высказывает мысль, столь важную для целостного контекста книги, пронизанной пафосом объединения, диалога, творческого взаимодействия: «Нам должно... всегда соединёнными силами искать истины, она укрывается от уединённого искателя, и

¹ Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л.: Советский писатель, 1966. 424 с. С. 63.

² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Н. А. Марченко, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 717 с. С. 45.

³ Там же. С. 46.

⁴ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Н. А. Марченко, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 717 с. С. 46.

утомленному философу часто призрак истины кажется истиною»¹.

Однако взаимодействие с творческим наследием Морица не ограничивается только сценой встречи с карамзинским героем-путешественником. В книге довольно много более скрытых реминисценций из сочинений Морица, прежде всего «Путешествия немца по Англии», впоследствии переведённого на русский язык, очевидно, в традициях карамзинизма (в 1970-е годы исследователь проблемы «Карамзин и Мориц» П. И. Иванов высказывал осторожное предположение, что автором перевода этой книги мог быть сам Карамзин [4]). Как и в случае с «Сентиментальным путешествием» Л. Стерна, путешествие Морица на страницах «Писем...» – не столько источник непосредственного воздействия, сколько пример развёртывания повествовательных стратегий, представлявших интерес для оформления динамического, «становящегося» повествования в карамзинской прозе.

Уже на начальных страницах книги выявляются своеобразные ироничные реминисценции: путешественник Морица, высаживаясь на берег Англии и только отправляясь в путь, восхищается необыкновенной красотой и богатством этой земли, противопоставляя ее «песчаной», «бесплодной» почве его родины. В сходной ситуации, оказавшись в Пруссии, карамзинский путешественник восхищается богатством и красотой земли немецкой (ср.: «Земля не везде одинакова. Как отличны сии тучные, плодоносные нивы, сия зелень дерев и кустов, от наших нив и нашей зелени и от всего того, что я в сем роде до сих пор где-нибудь видел! Как величественны эти дороги! Как тверда была земля подо мною: – На каждом шагу чувствовал я, что ступал по Английской земле»²; «Места, через которые мы проезжали, очень приятны. То обширные поля с прекрасным хлебом, то зеленые луга, то

маленькия рощицы и кусты, как будто бы в искусственной симметрии расположенные, представлялись глазам нашим. Маленькия деревеньки вдали составляли также приятный вид»³.

Наиболее развёрнутая система реминисценций из книги Морица «Путешествие немца по Англии» связана с мотивом путешествия-посвящения, с которой в «Письмах...» ведётся многоплановый диалог. Думается, «Путешествие немца по Англии» вполне могло стать источником специфической организации этого «диалога» в карамзинской книге, где герой, с одной стороны, периодически отрицает какую бы то ни было предзаданность смысла собственного путешествия (в том числе понятого в традициях мистико-аллегорического путешествия-инициации в масонской его трактовке), с другой же – очевидно ищет и обретает мудрость.

Герой-путешественник Морица также постоянно намекает на то, что его путешествие по Англии совершается как ради непосредственных живых впечатлений, так и с неким таинственным посвятельным смыслом, намёки на который постоянно даются и тут же «снимаются» в авторском повествовании. Посвятельная доминанта в его книге выражается даже более значительно, чем в карамзинской, – в путешествии Морица подчёркиваются трудности пути (он совершается пешком, причём герой сталкивается с насмешками окружающих, которые постоянно принимают его не за того, кто он есть на самом деле, – за нищего, бродягу, попрошайку, только не за философа и искателя мудрости...). Как и путешественник у Карамзина, герой-повествователь у Морица не раскрывает истинных целей и итогов своего пути.

В отличие от книги Карамзина, гораздо более сложной по структуре, более обширной как по охвату жизненного материала, так и по масштабу поставленных проблем, кульминацией «Путешествия немца по Англии» видится именно посвятельная ситуация посещения Кастлетонской пе-

¹ Там же. С. 47.

² Мориц К. Ф. Путешествие г-на Морица по Англии, в письмах. Пер. с немецкого. М.: В Вольной типографии Гария и компании, 1804. Ч. 1. С. 9.

³ Там же. Ч. 1. С. 15.

щеры в горах Дербишира. Параллелью ей выступает горное восхождение карамзинского путешественника в швейцарских Альпах – причём сама структура сопоставимых сцен выявляет при этом двойственность символики «мировой оси» в образах горы¹ и пещеры², присущую мифологическому мышлению в целом.

В книге Морица пещера с расположенной в ней подземной фабрикой – не просто местная достопримечательность, она вызывает множество эмоциональных ассоциаций, связанных с мотивом странствия в царстве мёртвых и обретения высшей мудрости и истины.

Первым, кого встречает повествователь на этом пути, оказывается проводник, описание которого в книге окружено явно мифологическими ассоциациями; в авторской характеристике этот «человек с черными всклокоченными волосами»³ прямо сравнивается с Хароном. Сам вход в пещеру подобен дороге в мире мёртвых – постепенно сгущается темнота, вокруг героя-путешественника смыкаются каменные стены, холод и тишина заставляют его чувствовать, «как будто бы нить человеческой жизни пресеклась <...> и как будто спокойно шествуешь по той тихой земле, где нет более никаких горестей и мучений»⁴.

В этом посвятителем испытании выделяется момент, когда путешественник пересекает реку, лёжа на дне лодки (в данном случае символически замещающей гроб), видит вокруг окаменевшие растения и скелеты животных. «Проводник мой сказал мне, чтоб я, вошедши в лодку, лег в ней на спину, для того, что на середине реки свод горы будет почти касаться самой воды <...> Вокруг нас царствовала

торжественная мертвая тишина, и чем более лодка подвигалась вперед, тем ниже опускалась гора, подобно темному облаку, так что наконец она касалась почти моего лица, и я с трудом мог держать над собою свечу в моем положении и лежал в лодке, как в тесном гробе»⁵; «Мы всходили на такую высоту и по обеим сторонам были у нас такие пропасти, что от одного воспоминания об оных кружится у меня голова»⁶. Путь труден и опасен, но результатом его становится откровение, обращающее путешественника к поистине высшему знанию. Не случайно продвижение по пещере сопровождается странной, чудной нерукотворной музыкой – она рождается в камнях от ударов мельчайших водяных капель, на которые распадается подземный ручей. Повествователю кажется, что величественный подземный мир, подобно храму, сотворён чудесным Создателем для окончательного утверждения своего величия.

«Прошедши несколько шагов, вдруг вступили мы в величественный храм с пышным сводом, поддерживаемым прекрасными столбами, которые, казалось, были сделаны искуснейшим Архитектором.

Сей подземный храм, в строении которого ни одна рука человеческая не участвовала, казалось мне, превосходил правильностью, великолепием и красотою своею лучшие здания.

С чувством благоговейного изумления видел я здесь, во внутренних глубинах Натуры, открытое величие творца, и прославил Его в сей торжественной тишине, среди священного мрака...»⁷.

Следующая ступень в этом продвижении к истине – последование за путеводной звездой (в системе образов реального описательного плана «путешествия» – свечой проводника): «В глубокой пропасти, откуда, казалось, выходила она подобно

¹ Топоров В. Н. Гора // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 томах / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая российская энциклопедия; Олимп, 2000. Т. 1. С. 311–314.

² Топоров В. Н. Пещера // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 томах / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая российская энциклопедия; Олимп, 2000. Т. 2. С. 311–312.

³ Мориц К. Ф. Путешествие г-на Морица по Англии, в письмах. Пер. с немецкого. М.: В Вольной типографии Гария и компании, 1804. Ч. 2. С. 99.

⁴ Там же. Ч. 2. С. 101.

⁵ Там же. Ч. 2. С. 103–104.

⁶ Там же. Ч. 2. С. 111.

⁷ Мориц К. Ф. Путешествие г-на Морица по Англии, в письмах. Пер. с немецкого. М.: В Вольной типографии Гария и компании, 1804. Ч. 2. С. 104.

прекрасной звезде <...> Это явление подобно было тому, когда в самую глубокую полночь из густых облаков просиявает звезда; и сей вид красотою своею превосходил все, доселе мною виденное»¹. Однако истинный смысл подземного путешествия открывается по его завершении; пройдя долгий путь испытаний, рассказчик вновь смотрит на земной мир, но – познав истинное величие Творца Натуры. Он видит обыденные картины уже иным зрением, они словно бы превращаются для него в «Елисейские поля», в истинный рай: «... Когда он (проводник – Т. А.) отворил ворота только в половину <...> мне показалось, как будто бы я в самом деле смотрел на Елисейские поля: в столь чудном свете представлялись мне все предметы!»².

Структурно подобной сценой посвящения карамзинского героя-путешественника становится описание его прогулки в Альпах, соотносимое как непосредственно с посвятительной символикой, так и с разнообразными литературно-культурными параллелями, в первую очередь книгой Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» [2, с. 87-95] (не случайно одним из нравственных итогов, который путешественник подводит для себя в процессе этой прогулки, становится осознание справедливости размышлений из письма XXIII героя Руссо: «Таким образом, на самом себе испытал я справедливость того, что Руссо говорит о действии горного воздуха» («<64> Пастушьи хижины на Альпийских горах, в 9 часов утра»³). Горы как наиболее величественное воплощение естественного, природного бытия в то же время обладают в сознании героя особой властью над душой человека, они не только обновляют в нём ощущение полноты бытия, но и становятся духовным откровением. В горах человек оказывается наиболее близок Богу, сами же горы подобны человеку – они стоят на

земле, устремляясь вершиной к небесам; вид закатных гор заставляет путешественника задуматься именно о человеческой судьбе: «Так проходит слава мира сего! Так увядает роза юности! Так угасает светильник жизни!» («<61> Берн 28 Августа»⁴).

Это скрытое подобие горы человеческому существу становится в «Письмах...» своеобразной психологической мотивировкой того стремления увидеть горы, движимый которым и отправляется на свою альпийскую прогулку карамзинский путешественник. Его сложный путь – одно из воплощений мотива посвящения, и, пожалуй, наиболее органичное в книге.

Примечательно, что этот инициационный путь начинается символической смертью – пересечением водной преграды (Тунского озера), которое карамзинский путешественник, подобно герою Морица, совершает лёжа в лодке (правда, мотив этот представлен у Карамзина с более житейски очевидной мотивировкой: поездка начинается ранним утром, и путешественник ещё не в силах прервать сон; герой Морица был принуждён к этому скорее символическим обстоятельством – потолок пещеры оказался столь низок (подобно своду гробницы), что никаким иным образом там невозможно было передвигаться). Пересечение водной преграды в символике большинства мистических учений реализует потенциал перехода в иной мир – мир мёртвых; и в данном контексте как у Морица, так и у Карамзина переплыть это пограничное пространство (подземную реку, Тунское озеро) – значит, на некоторое время «умереть» для прежней жизни, а в посвятительном контексте книги – заплатить предельную цену за возможность постичь истину, что впоследствии позволит человеку вновь возродиться.

В своём водном путешествии на другой берег озера, откуда должно начаться восхождение, карамзинский герой открывает прежде всего иллюзорность земных благ, которые обычно ценятся людьми. Он готов сменить привычный комфорт

¹ Мориц К. Ф. Путешествие г-на Морица по Англии, в письмах. Пер. с немецкого. М.: В Вольной типографии Гария и компании, 1804. Ч. 2. С. 112.

² Там же. С. 113–114.

³ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Н. А. Марченко, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 717 с. С. 134.

⁴ Там же. С. 129.

на простоту и безыскусственность (ср. замечание: «Добродушный Швейцар по-дает мне черный мешок, который должен служить мне вместо пуховой подушки...», «<63> Тунское озеро, 5 часов утра»¹). Приближаясь к желанным горам и удаляясь от всего *иного*, путешественник становится всё более чувствителен ко впечатлениям бытия; при этом особая зоркость позволяет ему замечать не столько сами природные красоты, сколько их духовный смысл: слияние земного и небесного, завершение обыденной жизни и её растворение в предвечном величии: «Здесь конец земного творения!»². Потому-то само восхождение на гору в сознании героя и уподобляется восхождению к небесам. Трудности на этом пути: вскоре наступившая усталость, пугающие груды камней, лежащие по сторонам дороги, грохот лавин – всё это в контексте инициационного сюжета становится знаком посвячительно-го испытания. Путешественник обретает на этом пути новую силу – и благодарит за неё Творца: «Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыхание мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствие и радость разлились в моем сердце. Я преклонил колена, устремил взор свой на небо, и принес жертву сердечного моления – Тому, Кто в сих гранитах и снегах напечатлел столь явственно Свое всемогущество, Свое величие, Свою вечность!.. Друзья мои! Я стоял на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могут для поклонения Всевышнему!.. Язык мой не мог произнести ни одного слова; но я никогда так усердно не молился, как в сию минуту»³.

Открытие в себе этой способности видеть и понимать духовный смысл проживаемых испытаний, ощущение путешествия как движения к истине раскрывается в этом эпизоде книги как глубинное изменение человеческой души. Путешественник

чувствует, что отныне он стал по-иному смотреть на мир, открыл новые сферы собственной чувствительности – способности ощущать духовный смысл в вещах, видимых его физическим зрением: «спускаясь в долину, находил я прекрасные благоволенные луга, каких лучше вообразить нельзя <...> на всяком лужке отдыхал я по несколько минут, и если не руками, то по крайней мере глазами своими ласкал каждую травку вокруг себя»⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творческое взаимодействие с литературной традицией, как далеко отстоящей во времени, так и очень близкой, стало для «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина принципиальной особенностью, позволявшей и расширить охват культурных явлений европейского мира, представленных на страницах книги, до поистине энциклопедической полноты, и, с другой стороны, вырабатывать собственную повествовательную стратегию, во взаимодействии с наиболее значимыми художественными открытиями писателей-современников, в том числе в жанре путешествия. Проведённый анализ показал, что творчество К. Ф. Морица, и в особенности его «Путешествие немца по Англии», может рассматриваться не только как источник сведений, важный для английских страниц «Писем...» на сугубо содержательном уровне. Образ повествователя-путешественника, разработанный Морицом, перекликается с центральной фигурой повествователя-путешественника карамзинской книги. При этом автор осознанно подчёркивает возможные переклички, делая Морица персонажем своего повествования, а главное – реализуя возможности важного для жанра путешествия инициационного сюжета с учётом художественного опыта Морица – автора «Путешествия немца по Англии». Это позволяет расширить представления о взаимодействии Карамзина-писателя с современной ему немецкой литературой

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Н. А. Марченко, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987. 717 с. С. 131.

² Там же. С. 133.

³ Там же. С. 133–134.

⁴ Там же. С. 137.

в целом, а также уточнить представления об эстетических принципах писателя, реализованных в построении динамичного, «становящегося» повествования, эффект которого и стал определяющим для последующего развития русской классической прозы XIX столетия.

Статья поступила в редакцию 12.02.20.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00292, «Н. М. Карамзин и его окружение».

ACKNOWLEDGMENT

The research is executed with financial support of the Russian Federal Property Fund within the scientific project No 19-012-00292 «N. Karamzin and his circle».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т. А. Проза Н. М. Карамзина. Поэтика повествования; изд. 2-е, переработанное. М.: МГОУ, 2017. 154 с.
2. Иваницкий А. И. «Мечта» и «Суета» в поэзии русского сентиментализма: логика схождения и расхождения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 4. С. 87–95.
3. Иванов М. В. Мир Швейцарии в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // XVIII век. Сб. 10. Русская литература XVIII века и её международные связи. Л., 1975. С. 296–302.
4. Иванов П. И. Карл Филипп Мориц, его жизнь и деятельность. Неизвестные страницы из истории немецкой классической литературы эпохи Просвещения. Псков: Изд-во Псковского государственного педагогического института, 1993. 143 с.
5. Иванов П. И. К. Ф. Мориц на страницах «Московского журнала» Н. М. Карамзина. Псков: Изд-во Псковского государственного педагогического института, 1994. 26 с.
6. Кафанова О. Б. Библиография переводов Карамзина (1783-1800) // XVIII век. Сб. 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 319–337.
7. Клингенштайн Г. Германский мир // Мир Просвещения: исторический словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша. Пер. с итальянского Н. Ю. Плавинской под ред. С. Я. Карпа. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 450–470.
8. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Н. А. Марченко, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Л., 1987. С. 525–606.
9. Пашкуров А. Н. Русская литература XVIII столетия в поисках гармонии (опыт системного обзора) // Русистика и компаративистика: научные труды по филологии. М.: МГПУ, 2018. С. 49–67.
10. Сапченко Л. А. Литературно-критическое наследие Н. М. Карамзина 1790-х годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. №3. С. 112–121.
11. Сапченко Л. А. Литературно-критическая позиция Н. М. Карамзина периода «Вестника Европы» (1802-1803) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. №4. С. 106–115.
12. Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб.: Типография В. Демакова, 1899. 578 с.
13. Соколов А. Б., Осипов А. С. История Англии в оценках Н. М. Карамзина // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1. №2. С. 57–71.
14. Соколов А. Б. Английский характер: немецкий травелог XVIII века в зеркале культурной антропологии // Диалог со временем. 2012. №39. С. 59–78.
15. Чавчанидзе Д. Л. Два «путешествия» на исходе XVIII века (К. Ф. Мориц и Н. М. Карамзин) // Балтийский филологический курьер. 2013. №9. С. 55–62.

REFERENCES

1. Alpatova T. A. *Proza N. M. Karamzina. Poetika povestvovaniya* [The Prose of N. Karamzin. The poetics of narrative]; ed. 2nd, revised. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2017. 154 p.
2. Ivanitskii A. I. «Mechta» i «Sueta» v poezii russkogo sentimentalizma: logika skhozhenij i raskhozhenij ["Dream" and "Vanity" in the poetry of Russian sentimentalism: the logic of similarities and differences]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2017, no. 4, pp. 87–95.
3. Ivanov M. V. *Mir Shveitsarii v «Pis'makh russkogo puteshestvennika» N. M. Karamzina* [World of Switzerland, "Letters of a Russian traveler" by N. Karamzin]. In: XVIII vek. Sb. 10. Russkaya literatura XVIII veka i ee mezhdunarodnye svyazi [18th century. Collection 10. Russian literature of the 18th century and its international relations]. Leningrad, 1975, pp. 296–302.
4. Ivanov P. I. *Karl Philipp Moritz, ego zhizn' i deyatelnost'. Neizvestnye stranitsy iz istorii nemetskoj klassicheskoj literatury epokhi Prosveshcheniya* [Karl Philipp Moritz, his life and work. Unknown pages from the history of classical German literature of the Enlightenment]. Pskov, Pskov State Pedagogical Institute Publ., 1993. 143 p.
5. Ivanov P. I. *K. Ph. Moritz na stranitsakh «Moskovskogo zhurnala» N. M. Karamzina* [K. Moritz in "Moscow Journal" by N. Karamzin]. Pskov, Pskov State Pedagogical Institute Publ., 1994. 26 p.
6. Kafanova O. B. *Bibliografiya perevodov Karamzina (1783-1800)* [Bibliography of Karamzin's translation (1783-1800)]. In: XVIII vek. Sb. 16. Itogi i problemy izucheniya russkoj literatury XVIII veka [18th century. Collection 16. Results and problems of study of Russian literature of the 18th century]. Leningrad, 1989. pp. 319–337.
7. Klingenstein G. *Deutsche Welt* [German world]. In: *L'Illuminismo. Dizionario storico Roma; Bari: Guis. Laterza & Figli Spa, 1998* (Russ. ed.: V. Ferrone, D. Rosha, transl. Mir Prosveshcheniya: istoricheskii slovar'. Translated from Italian by N. Plavinskaya, ed. by S. Karp. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2003, pp. 450–470).
8. Lotman Yu. M., Uspensky B. A. «Pis'ma russkogo puteshestvennika» Karamzina i ikh mesto v razvitii russkoj kul'tury ["Letters of a Russian traveler" by Karamzin, and its place in the development of the Russian culture]. In: *Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Karamzin N. Letters of a Russian traveler] / the edition was prepared N. Marchenko, Y. Lotman, B. Uspensky]. Leningrad, 1987, pp. 525–606.
9. Pashkurov A. N. *Russkaya literatura XVIII stoletiya v poiskakh garmonii (opyt sistemnogo obzora)* [Russian literature of the 18th century in search of harmony (systematic review)]. In: *Rusistika i komparativistika: nauchnye trudy po filologii* [Russian studies and comparative literature: scientific papers on Philology]. Moscow, MSPU Publ., 2018. pp. 49–67.
10. Sapchenko L. A. [Literary-critical heritage of N. Karamzin, 1790s]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2017, no. 3, pp. 112–121.
11. Sapchenko L. A. *Literaturno-kriticheskaya pozitsiya N.M.Karamzina perioda «Vestnika Evropy» (1802-1803)* [Literary-critical position by N. Karamzin at period of "Envoy of Europe" (1802-1803)]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2017, no. 4, pp. 106–115.
12. Sipovsky V. V. *N. M. Karamzin, avtor «Pisem russkogo puteshestvennika»* [N. Karamzin, author of "Letters of a Russian traveler"]. St. Petersburg, Typography of V. Demakov Publ., 1899. 578 p.
13. Sokolov A. B., Osipov A. S. [The history of England in the views of N. Karamzin]. In: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2011, vol. 1., no. 2, pp. 57–71.
14. Sokolov A. B. [English character: the German travelogue of the 18th century in the mirror of cultural anthropology]. In: *Dialog so vremenem*, 2012, no. 39, pp. 59–78.
15. Chavchanidze D. L. [Two «travels» at the end of the eighteenth century (K. Moritz and N. Karamzin)]. In: *Baltiiskii filologicheskii kur'er*, 2013, no. 9, pp. 55–62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алпатова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana A. Alpatova – Doctor in Philological sciences, associate professor, professor at the Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State University;
e-mail: alpatova2005@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алпатова Т. А. Н. М. Карамзин и К. Ф. Мориц // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 65–74.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-65-74

FOR CITATION

Alpatova T. A. N. Karamzin and K. Moritz. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 2, pp. 65–74.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-65-74

УДК 82.0

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-75-81

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МОТИВНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТВОРЧЕСТВА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В ПРИЖИЗНЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ (1840–1841 ГГ.)

Арстанова В. А.*Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет довузовской подготовки**127051, г. Москва, 3-й Колобовский переулок, д. 8, стр. 2, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Целью статьи является анализ истории изучения основных тем и мотивов творчества М. Ю. Лермонтова в прижизненных публикациях за 1840–1841 гг.

Процедура и методы исследования. Автором проведён тщательный анализ критики прижизненных публикаций М. Ю. Лермонтова с целью выяснения ключевых для современников тем и мотивов Лермонтова. Методы исследования – литературно-критический, биографический и теоретический.

Результаты проведённого исследования. Результатом исследования является выявление основных тем и мотивов творчества Лермонтова уже в прижизненных отзывах на его произведения, что говорит о целостности мотивно-тематической структуры творчества Лермонтова в целом.

Теоретическая и / или практическая значимость. В статье даётся аналитический обзор прижизненных публикаций М. Ю. Лермонтова и их критики. Статья имеет историко-литературную значимость и может быть полезна как филологам, так и читателям, интересующимся творчеством Лермонтова.

Ключевые слова: Лермонтов, творчество, тема, мотив, публикации, критика

STUDY OF THEMES AND MOTIVES IN MIKHAIL LERMONTOV'S WORKS IN LIFETIME PUBLICATIONS (1840-1841)

V. Arstanova*Higher School of Economics, National Research University, Faculty of Pre-University Training
8-2 3th Kolobovskii pereulok, Moscow 127051, Russian Federation*

Abstract.

Purpose. The purpose of the article is to analyze the research history of central themes and motives of Mikhail Lermontov's works through critics' articles published during his lifetime in the period from 1840–1841.

Methodology and Approach. The main themes and motives of Lermontov's poetry, which seemed important for his generation, were analyzed through critics' articles on his works. Theoretic, critical and biographical methods were applied.

Results. Our study revealed the main themes and motives of Mikhail Lermontov's works mentioned in critics' articles published during his lifetime, thus reflecting the integrity of the motive-thematic structure of Lermontov's work as a whole.

Theoretical and / or Practical Implications. The article provides a comprehensive overview of Mikhail Lermontov's lifetime publications and their criticism. The article has historical and literary significance and may be of interest not only to philologists but also to readers interested in Lermontov's works.

Keywords: Lermontov, poetry, theme, motive, publications, criticism

ПУБЛИКАЦИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА ДО 1840 Г.

Прижизненные публикации произведений М. Ю. Лермонтова характеризуются тем, что в них практически не рассматриваются ранние произведения писателя (сам автор ранние произведения не публиковал, а А. А. Краевский начал собирать неизвестные произведения Лермонтова уже после смерти поэта [4, с. 648]). Однако те немногие прижизненные публикации, что вышли до смерти Лермонтова, уже отражали основные мотивы и темы его творчества.

В 1835 году в журнале «Библиотека для чтения» публикуется поэма М. Ю. Лермонтова «Хаджи Абрек»¹, однако отзывов о поэме не обнаружено. Хотя текст должен был попасть в поле зрения писателей и критиков. Так, вполне вероятно, что А. С. Пушкин, например, мог быть знаком с поэмой Лермонтова, этот номер журнала сохранился в библиотеке Пушкина [8, с. 459].

В 1837 году в журнале «Современник» впервые публикуется стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино»², которое В. Г. Белинский назовет «жалобой на настоящее поколение»³.

В следующем 1838 году печатается в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»» поэма Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»⁴.

В 1839 году Лермонтов начинает сотрудничество с А. А. Краевским, главным редактором журнала «Отечественные записки», в этом же году в журнале печатаются следующие произведения Лермонтова: «Дума» (в книге №1), «Поэт» (в книге №2),

«Бэла» (в книге №3), «Русалка» (в книге №4), «Ветка Палестины» (в книге №5), «Не верь себе» (в книге №6), «Еврейская мелодия» (в книге №6), «В альбом (Нет! – я не требую внимания...)» (в книге №6), «Три пальмы» (в книге №8), «Молитва» (в книге №11), «Фаталист» (в книге №11), «Дары Терека» (в книге №12) и «Памяти А. И. О<доевско>го» (в книге №12). Практически сразу после публикации В. Г. Белинский дает свою оценку уже напечатанным произведениям Лермонтова (в статье «Русские журналы»⁵).

В том же 1839 году в «Одесском альманахе на 1840 год» печатают стихотворения «Узник»⁶ и «Ангел»⁷.

Критики о «Герое нашего времени» (1840 г.)

В апреле 1840 года в Петербурге в типографии Ильи Глазунова выходит роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в двух книгах⁸. Тираж раскупают (по мнению некоторых [8, с. 432], из-за просьбы И. Глазунова к Ф. Булгарину написать рецензию о романе [8, с. 432]), и следует критика со стороны современников. В. М. Маркович говорит о том, что публика придерживалась двух мнений: одни оправдывали, другие — обвиняли, но мало кто остался равнодушен [10].

Д. Я. Гершензон в статье «Лермонтов в русской критике» отмечает, что современники оценивали произведение Лермонтова исключительно со стороны собственных взглядов: С. П. Шевырев, критик московской школы, трактовал роман с «православнофильских позиций» [3]; по В. Г. Белинскому, для стиля романа характерна рефлексия и он достаточно прогрессивен для своего времени⁹. С. О. Бурачок (в некоторых изданиях

¹ Лермонтов М. Ю. Хаджи Абрек // Библиотека для чтения. СПб., 1835. Т. 11, отд. I. С. 81–94.

² Лермонтов М. Ю. Бородино // Современник. СПб., 1837. №6. С. 207–211.

³ Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова // Отечественные записки. 1841. Т. XIV. №2. Отд. V. С. 35–80. Без подписи.

⁴ Лермонтов М. Ю. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». СПб., 1838. №18. С. 344–347.

⁵ Белинский В. Г. Русские журналы // Московский наблюдатель. 1839. Ч. II. №4. Отд. IV. С. 100–138.

⁶ Одесский альманах на 1840 год. Одесса, 1839. С. 567–568.

⁷ Там же. С. 702–703.

⁸ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов. СПб.: Типография И. Глазунова и К°, 1840. В 2 кн. Кн. 1. 173 с.; Кн. 2. 250 с.

⁹ Белинский В. Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова (две части) // Отечественные записки.

Бурачек), будучи человеком религиозным, считал, что Лермонтов эстетизирует и пропагандирует зло и пороки, а также отождествлял самого автора с его героем¹. Того же мнения, что и С. О. Бурачок, придерживались и другие современники М. Ю. Лермонтова: они считали, что автор отобразил в Печорине самого себя (из воспоминаний В. И. Анненковой: «Я видела его (*Лермонтова*. — В. А.) еще только один раз в Москве, если не ошибаюсь, в 1839 году; он уже написал своего «Героя нашего времени», где в лице Печорина изобразил самого себя» [1]). Однако уже тогда наметились несколько основных линий лермонтоведения: одни исследователи спорили о таланте поэта, его непримечательности и вторичности², другие говорили о его гениальности и сравнивали его с Байроном и Пушкиным³. Однако в то время в оценке творчества М. Ю. Лермонтова отсутствовал методологический подход. Он появится ближе к первой трети XX века, когда выйдут первые академические собрания сочинений Лермонтова⁴, станут известны мемуары Е. А. Сушковой [2], а над вопросами мировоззрения Лермонтова задумаются русские философы⁵ и исследователи «формальной школы»⁶. Тогда и начнётся собственно литературоведческое изучение лермонтовского наследия (начиная

со сборника статей «Венок Лермонтову», 1914⁷, и до настоящего времени [5; 6; 7; 13]).

С. О. Бурачок в статье о «Герое нашего времени» выделяет в романе следующие черты: намеренную эстетизацию зла и пороков (тема добра и зла)⁸, отсутствие религиозности и народности (этой точки зрения исследователи будут придерживаться ещё долго [9]), мнимый героизм (составители же Лермонтовской энциклопедии в 1981 году выделяют подвиг и действие в отдельный мотив⁹), и называет роман «идеалом лёгкого чтения»¹⁰. Надо заметить, что характеристики негативного характера, данные уже Бурачком, будут приниматься во внимание ещё долгое время [9].

К слову, тенденция «поучать» автора «Героя нашего времени» была, как видится, популярной. Так, Ф. В. Булгарин в ответ на рецензию Бурачка напишет свою, в которой отмечает «ледяную душу Печорина», его «взгляд падшего духа» и просит автора «вооружиться терпением и мужеством»¹¹.

Совершенно другими оказались взгляды на роман В. Г. Белинского, который, как говорилось ранее, отметил рефлексия, и, вдобавок к этому, жажду любви (то, что Г. В. Москвин назовёт позднее «запросом любви» [12]), презрение и ненависть (соответствующие мотивы прослеживаются на всем протяжении творчества Лермонтова), страдание (а точнее, страдание как свойство любви — «страдание есть удел одной любви»), «вечную гармонию» (мотив покая), «неверие в таинство любви и жизни и в достоинство женщины» (мотив измены, образ женщины), а также черты будуще-

ски. 1840. Т. X, №6, отд. V. С. 27–54; Т. XI, №7, отд. V. С. 1–38. Без подписи.

¹ Бурачок С. О. [Рецензия] // Маяк. 1840. Ч. 4, гл. 4. С. 210–219; ч. 5, гл. 4. С. 1–22. Подпись: С. Б.

² Бурачок С. О. [Рецензия] // Маяк. 1840. Ч. 4, гл. 4. С. 210–219; ч. 5, гл. 4. С. 1–22. Подпись: С. Б.

³ Белинский В. Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова (две части) // Отечественные записки. 1840. Т. X, №6, отд. V. С. 27–54; Т. XI, №7, отд. V. С. 1–38. Без подписи.

⁴ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 5 т. / Под общ. ред. Д. И. Абрамовича. СПб.: Изд-во Разряда изящной словесности Импер. Академии наук, 1910–1913.

⁵ Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Русская мысль. 1909. №3. С. 1–32; Розанов В. В. М. Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины) / В. В. Розанов // Новое время. 1901. №9109. С. 2–3.

⁶ Эйхенбаум Б. М. Лермонтов как историко-литературная проблема // Атеней. Историко-литературный временник. Кн. 1–2. Л., М.: Атеней, 1924. С. 79–111.

⁷ Венок М. Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. 384 с.

⁸ Бурачок С. О. [Рецензия] // Маяк. 1840. Ч. 4, гл. 4. С. 210–219; ч. 5, гл. 4. С. 1–22. Подпись: С. Б.

⁹ Мотивы / Щемелева Л. М., Коровин В. И., Песков А. М. и др. // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.» М.: Сов. Энцикл., 1981. С. 290–312.

¹⁰ Бурачок С. О. [Рецензия] // Маяк. 1840. Ч. 4, гл. 4. С. 210–219; ч. 5, гл. 4. С. 1–22. Подпись: С. Б.

¹¹ Булгарин Ф. В. «Герой нашего времени». Сочинение М. Лермонтова // Северная пчела, 1840, №246. С. 981–983. Подпись: Ф. Б.

го лермонтовского героя: бунтарский дух, смятенность души, эгоизм, разочарованность в жизни, апатию, тоску, мечтательность, бездействие и т. д.¹

В числе положительных отзывов отметим рецензию на «Героя нашего времени» С. П. Шевырёва, который, помимо уже упомянутых особенностей, хвалил роман за любовь к России (описание Кавказа и персонажей — тема народа, тема России, тема природы), но ругал за «ложное отражение Запада»².

КРИТИКИ О «СТИХОТВОРЕНИЯХ» (1840 Г.)

В октябре 1840 г. выходит сборник стихотворений М. Ю. Лермонтова, состоящий из 28 произведений позднего периода (26 стихов и 2 поэмы за 1836-1840 гг.: «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», 1837; «Бородино», 1837; «Узник», 1837; «Молитва» («Я, мать божия...»), 1837; «Дума», 1838; «Русалка», 1836; «Ветка Палестины», 1837; «Не верь себе» («Не верь себе, мечтатель молодой...»), 1839; «Еврейская мелодия» (Из Байрона) («Душа моя мрачна...»), 1836; «В альбом» (Из Байрона) («Как одинокая гробница...»), 1836; «Три пальмы» (Восточное сказание), 1839; «Молитва» («В минуту жизни трудную...»), 1839; «Дары Терека», 1839; «Памяти А. И. О-го», 1839; «1-е Января» («Как часто, пестрою толпою окружен...»), 1840; «Казачья колыбельная песня», 1840; «Журналист, Читатель и Писатель», 1840; «Воздушный корабль» (Из Зейдлица), 1840; «И скучно и грустно, и некому руку подать...», 1840; «Ребенку» («О грезах юности томим воспоминаньем...»), 1840; «Отчего», 1840; «Благодарность», 1840; «Из Гёте» («Горные вершины...»), 1840; «Мцыри», 1840; «Когда волнуется желтеющая нива», 1837; «Сосед» («Кто б ни был ты, печаль-

ный мой сосед...»), 1837; «Расстались мы; но твой портрет...», 1837; «Тучи», 1840)³. Уже в первом отклике на издание В. С. Межевич восторженно отзываясь о красоте и мелодичности языка Лермонтова, особенно Межевич благосклонен к «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», называя слог поэмы «языком народной русской поэзии» [11]. Критик также отмечает мотив обмана в сюжете, выделяя слова «обманул его, лукавый раб» [11]. Говоря же о поэме «Мцыри», Межевич хвалит Лермонтова как поэта-философа, стремящегося познать тайну бытия. «Думу» он сравнивает со страницей современной истории. В целом Межевич отмечает «оригинальность таланта крепкого и самобытного» [11].

С. О. Бурачок в рецензии на «Стихотворения М. Лермонтова» открыто осуждает автора, упрекая за излишнее «молодчество» и отсутствие разумности. Говоря о неопределённом Я, исследователь явно имеет в виду поэта: «Это преобладание Я особенно выразилось в литературе XIX века и убило поэзию повсеместно»⁴. Стихотворение «Журналист, Читатель и Писатель» (1840 г.) Бурачок хвалит за «дар самокритической оценки», однако затем всё же укоряет за «мрак» (мотив разочарования, мотив безысходности), говоря: «Но кто же вам дал право думать, что если вы не видите, то уж ничего и нет. За странюю мрака есть страна света»⁵. Далее исследователь говорит о том, что поэт не страшится отчёта перед Богом и злоупотребляет своим великим даром, вызывая «мрачные, отрицательные сентенции». Бурачку было совершенно чуждо мировоззрение Лермонтова, оттого он был ему непонятен. Исследователь видел «ошибки» в философии Лермонтова и пытался «направить его на путь истинный». Критику совершенно непонятны странные мотивы

¹ Белинский В. Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова (две части) // Отечественные записки. 1840. Т. X, №6, отд. V. С. 27–54; Т. XI, №7, отд. V. С. 1–38. Без подписи.

² Шевырёв С. П. «Герой нашего времени» М. Лермонтова // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 2. С. 515–538.

³ Стихотворения М. Лермонтова / М. Ю. Лермонтов. СПб.: Типография И. Глазунова и К°, 1840. 168 с.

⁴ Бурачок С. О. [Стихотворения М. Лермонтова]: Письмо к автору // Маяк. 1840. Ч. 12, гл. 4. С. 149–171. Подпись: С. Б.

⁵ Там же.

памяти, тоски, сна и мечты в стихотворении «1-е января» («Как часто пестрою толпою окружен»). При этом Бурачок, ранее критиковавший Лермонтова за отсутствие страха перед Богом, сравнивает «Молитву» («В минуту жизни трудную») с живым родником. Особенно он отмечает презрение поэта («... гоните в людях Я своим презрением», мотив презрения), его одиночество («Когда волнуется желтеющая нива...», мотив одиночества) и пророчит ему либо бессмертие с благословением, либо минутное увлечение и забвение¹.

В. Г. Белинский же в рецензии на «Стихотворения» называет Лермонтова поэтом народным (ведя речь о поэме «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»), но «другой эпохи» и проводит очень тонкое различие между творчеством А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: «Нигде нет пушкинского разгула на пиру жизни; но везде вопросы, которые мрачат душу, леденят сердце <...> в них уже нет надежды, они поражают душу читателя безотрадностью, безверием в жизнь и чувства человеческие...»². Белинский ещё выделяет мотив скорби, демонизм и мотив сомнений («И скучно и грустно, и некому руку подать...»). «Молитву» же («В минуту жизни трудную...») он называет «елейной мелодией надежды» и поражается тому, что в поэзии Лермонтова могут сочетаться безотрадность и гармония. «Дары Терека» критик зовёт «поэтической апофеозой Кавказа» и характеризует поэта так: «... он глубоко знаком и с внутренним миром души. Несокрушимая сила и мощь духа, смирение жалоб, елейное благоухание молитвы, пламенное, бурное одушевление, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордого страдания, стоны отчаяния, таинственная нежность чувства, неукротимые порывы дерзких желаний, целомудренная чистота, недуги современного общества, картины мировой жизни, хмельные обая-

ния жизни, укоры совести, умиленное раскаяние, рыдания страсти и тихие слезы, как звук за звуком, льющиеся в полноте умирного бурею жизни сердца, упоения любви, трепет разлуки, радость свидания, чувство матери, презрение к прозе жизни, безумная жажда восторгов, полнота упоивающегося роскошью бытия духа, пламенная вера, мука душевной пустоты, стон отвращающегося самого себя чувства замершей жизни, яд отрицания, холод сомнения, борьба полноты чувства с разрушающею силою рефлексии, падший дух неба, гордый демон и невинный младенец, буйная вакханка и чистая дева — всё, всё в поэзии Лермонтова: и небо и земля, и рай и ад...»³

С. П. Шевырёв считал, что «рано было ему (Лермонтову. — В. А.) собирать свои звуки, рассеянные по альманахам и журналам в одно», так как для портрета поэта-лирика материалов было ещё недостаточно. Именно Шевырёв впервые отметил способность Лермонтова экспериментировать с литературной традицией, заимствовать у других авторов темы, мотивы и прочее и создавать на их основе новое, ранее неизвестное. Шевырёв видел в этом протезизме (от имени греческого бога Протея, способного превращаться в различных существ) огромный недостаток и вторичность: «Мцыри» был для него подражанием героям Байрона и «Шильонского узника» В. А. Жуковского, «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» — подражанием Кирше Данилову. В «Узнике», «Ветке Палестины», «Памяти А. И. О-го» и в других стихотворениях он видел стиль А. С. Пушкина⁴. Подробное сравнение произведений Пушкина и Лермонтова станет основой компаративистского метода изучения их творчества с точки зрения литературного влияния и литературной преемственности.

¹ Там же.

² Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова // Отечественные записки. 1841. Т. XIV. №2. Отд. V. С. 35–80. Без подписи.

³ Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова // Отечественные записки. 1841. Т. XIV. №2. Отд. V. С. 35–80. Без подписи.

⁴ Шевырёв С. П. Стихотворения М. Лермонтова // Москвитянин. 1841. Ч. 2, кн. 4. С. 525–540.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в основных оценках прижизненных публикаций М. Ю. Лермонтова выделяются ведущие мотивы и темы, актуальные для всего объема творчества писателя, что говорит о целостном характере лермонтовского наследия. Темы любви, родины, презрения, добра и зла, а также

мотивы тоски, мести, измены, покоя, сна, безнадежности, разочарования, скорби, сомнения и т. д. в художественной системе М. Ю. Лермонтова играют не последнюю роль, представляя собой ключ к пониманию творчества поэта в целом.

Статья поступила в редакцию 04.10.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова В. И. Из воспоминаний // В. И. Анненкова. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1964. С. 127–129.
2. Арстанова В. А. Записки Е. А. Сушковой (Хвостовой): К вопросу об объективности источника // Летняя школа по русской литературе. 2018. Т. 14. №4. С. 354–363.
3. Гершензон Д. Я. Лермонтов в русской критике // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во худож. лит., 1941. С. 589–616.
4. Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.: Центрполиграф, 2017. 799 с.
5. Личность М. Ю. Лермонтова: миф и реальность (круглый стол) / Киселева И. А. Сахаров А. А., Пугачев О. С., Щерблякин И. П., Алпатова Т. А., Евчук О. П., Сытина Ю. Н., Косяков Г. В., Казанцева И. А., Юхнова И. С. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. №1. С. 1–28. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 15.11.2019).
6. Киселева И. А. Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система: монография; 2-е изд., испр. и доп. М.: ИИУ МГОУ, 2017. 178 с.
7. Коровин В. Л. О библейских мотивах в лермонтовском «Демоне» в связи с его творческой историей: (от Байрона – к Мильтону) // Литературоведческий журнал. 2014. №35. С. 18–33.
8. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Под общ. ред. В. В. Григоренко и др. М.: Художественная литература, 1964. 584 с.
9. М. Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Под ред. И. А. Киселевой. М.: Индрик, 2014. 940 с.
10. Маркович В. М. Лермонтов и его интерпретаторы // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2013. С. 7–52.
11. Межевич В. С. Стихотворения М. Лермонтова (Письмо к Ф. В. Булгарину) / М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2013. С. 84–97.
12. Москвин Г. В. Запрос любви (источник и энергия прозы М. Ю. Лермонтова) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. №2. С. 57–69.
13. Тан Дини. К вопросу об истоках московской школы лермонтоведения 1840-х гг. // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. №1. С. 168–173.

REFERENCES

1. Annenkova V. I. *Iz vospominanii* [From the memoirs]. In: V. I. Annenkova. M. Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov [V. Annenkova. M. Lermontov in the reminiscences of the contemporaries]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964, pp. 127–129.
2. Arstanova V. A. *Zapiski E. A. Sushkovo (Khvostovo): K voprosu ob ob'ektivnosti istochnika* [Notes by E. Sushkova (Khvostova): On the objectivity of the source]. In: *Letnyaya shkola po russkoi literature* [Summer school on Russian literature]. 2018, vol. 14, no. 4, pp. 354–363.
3. Gershenzon D. Ya. *Lermontov v russkoi kritike* [Lermontov in Russian criticism]. In: *Zhizn' i tvorchestvo M. Yu. Lermontova: Issledovaniya i materialy: Sbornik pervyi* [The life and work of M. Lermontov: Studies and materials: Collection]. Moscow: Ob"edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv; Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1941, pp. 589–616.
4. Zakharov V. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva M. Yu. Lermontova* [The chronicle of life and works of M. Lermontov]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2017. 799 p.

5. Kiseleva I. A. *Lichnost' M. Yu. Lermontova: mif i real'nost' (kruglyi stol)* [Lermontov: myth and reality (round table)] / Kiseleva I., Sakharov A., Pugachev O., Sheblikin I., Alpatova T., Yevchuk O., Sytin J., Jambs G., Kazantseva I., Yukhnov I. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2015, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 15.11.2019).
6. Kiseleva I. A. et al. *Tvorchestvo M. Yu. Lermontova kak religiozno-filosofskaya sistema: monografiya* [Lermontov as a religious-philosophical system: monograph]; 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2017. 178 p.
7. Korovin V. L. [On biblical motifs in Lermontov «Demon» in connection with his creative history: (from Byron to Milton)]. In: *Literaturovedcheskii zhurnal* [Literary journal], 2014, no. 35, pp. 18–33.
8. M. Yu. Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov [M. Lermontov in the reminiscences of the contemporaries] / ed. by V. Grigorenko et al. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964. 584 p.
9. M. Yu. Lermontov. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [M. Lermontov. Encyclopedic dictionary] / Under the editorship of I. Kiseleva. Moscow, Indrik Publ., 2014. 940 p.
10. Markovich V. M. *Lermontov i ego interpretatory* [Lermontov and his interpreters]. In: *M. Yu. Lermontov: pro et contra, antologiya* [M. Lermontov: pro et contra, anthology]. Vol. 1. St. Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya Publ., 2013, pp. 7–52.
11. Mezhevich V. S. *Stikhotvoreniya M. Lermontova (Pis'mo k F. V. Bulgarinu)* [Poems of M. Lermontov (Letter to F. Bulgarin)]. In: *M. Yu. Lermontov: pro et contra, antologiya* [M. Lermontov: pro et contra, anthology]. Vol. 1. St. Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya Publ., 2013, pp. 84–97.
12. Moskvina G. V. [Request of love (the source and energy of the prose of Mikhail Lermontov)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology], 2011, no. 2, pp. 57–69.
13. Tan Dini. [The question of the origins of the Moscow school of study of Lermontov's creativity of 1840s]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2017, no. 1, pp. 168–173.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Арстанова Виолетта Аслановна – преподаватель интернет-школы при факультете довузовской подготовки Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
e-mail: vaarstanova@edu.hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Violetta A. Arstanova – teacher at the online-school in Faculty of Pre-University Training of Higher School of Economics, National Research University;
e-mail: vaarstanova@edu.hse.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Арстанова В. А. История изучения мотивно-тематической структуры творчества М. Ю. Лермонтова в прижизненных публикациях (1840–1841 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 75–81.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-75-81

FOR CITATION

Arstanova V. A. Study of Themes and Motives in Mikhail Lermontov's Works in Lifetime Publications (1840–1841). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 2, pp. 75–81.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-75-81

УДК 821.133.1-31 "18"

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-82-89

РАССКАЗ У. ПЕЙТЕРА «РЕБЁНОК В ДОМЕ»: ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ

Литвиненко Н. А., Лунина И. Е., Редина О. Н.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель статьи – проанализировать особенности поэтики рассказа Пейтера «Ребёнок в доме» (специфику повествования, памяти-восприятия автора и героев, традиции романтизма, импрессионистические элементы стиля писателя).

Процедура и методы исследования. В основе статьи – целостный историко-литературный анализ произведения с элементами культурологического и семиотического подходов.

Результаты проведённого исследования. Доказано программное значение произведения, автор которого, опираясь на философско-эстетическую мысль современников (Хайдеггера, Бергсона), предугадывал идеи модернизма, прустовскую поэтику поисков утраченного времени, создал новаторскую концепцию детства, становления эстетического сознания героя – человека искусства.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования расширяют и углубляют понимание творчества одного из крупнейших представителей английского эстетизма; могут быть использованы в лекционных курсах и практических занятиях в вузе при изучении истории зарубежной литературы второй половины XIX века.

Ключевые слова: Пейтер, эстетизм, красота, дом, детство, поэтика, воображение, память, романтизм

W. PATER'S STORY «THE CHILD IN THE HOUSE»: FEATURE OF POETICS

N. Litvinenko, I. Lunina, O. Redina

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

The purpose of the article is to analyze the features of the poetics of Pater's story "The Child in the house" (the specifics of the narrative, the memory-perception of the author and the characters, the traditions of romanticism, impressionistic elements of the writer's style).

Methodology and Approach. The article is based on a holistic historical and literary analysis of the work, with elements of cultural and semiotic approaches.

Results. The programmatic value of the work is proved, the author of which, following the philosophical and aesthetic thoughts of contemporaries (Heidegger, Bergson), foresaw the ideas of modernism, the Proust poetics of searching for lost time, created the innovative concept of childhood, the formation of the aesthetic conscience of the character - the Man of Art.

Theoretical and / or Practical Implications. The results of the study expand and deepen the understanding of the work of one of the most significant representatives of English aestheticism; it can be used in lecture courses and practical classes in the University curriculum in foreign literature of the second half of the 19th century.

Keywords: Pater, aestheticism, beauty, house, childhood, poetics, imagination, memory, romanticism

ВВЕДЕНИЕ

Уолтер Пейтер, автор романов, сборника рассказов, новелл, литературно-художественных эссе, портретов, создатель мифа о вечном Ренессансе, был одним из духовных отцов английского эстетизма – комплекса идей и представлений, получивших обоснование и воплощение в трудах многих писателей, философов, художников, искусствоведов второй половины XIX – начала XX века [3]. Сыгравшие весомую роль в развитии английской литературы, философско-эстетические идеи, труды, романы Пейтера в глазах исследователей оттеснили на второй план небольшой рассказ «Ребёнок в доме», занимающий, однако, особое место в наследии писателя. Он своеобразно воплощает обширный комплекс программных идей писателя, особенности его художественно-аналитического мышления. В рамках небольшой статьи мы затронем некоторые аспекты поэтики и проблематики этого рассказа.

Рассказ, вошедший в сборник новелл «Воображаемые портреты» («*Imaginary Portraits. 1. The Child in the House*»)¹, задуманный как начало книги, был опубликован в 1878 г. в журнале «*Macmillan's Magazine*»², входил в более поздние и полные её издания (первое датируют 1894 г., *Imaginary Portraits*), содержавшие литературные портреты живописцев Возрождения.

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ РАССКАЗА У. ПЕЙТЕРА

На поэтику рассказа «Ребёнок в доме» оказала влияние сложившаяся к этому времени в творчестве Пейтера эстетическая концепция искусства Возрождения (W. Pater. «*The Renaissance: Studies in Art and Poetry*», 1877) и романтизма («*Romanticism*», 1876). Писатель-искусствовед, он рассма-

тривал романтизм, как и Ренессанс, в качестве универсально трактуемого типа творчества, темперамента и художественного сознания. Он видел в нём восходящую к античности центробежную силу, проявляющую себя в стремлении к красоте, обновлению и творческой свободе, в бесконечной игре воображения, восхищающей яркостью и цветом, «неустойчивой универсальностью», изменчивой формой, полагая, что она способствует развитию личности. Эти свойства характеризуют мышление автора рассказа.

«Ребёнок в доме» близок к романтическому двуголосию, скрытому диалогизму заложенных в произведении смыслов. Субъект – объект повествования представлены двумя образами-персонажами: первый – в качестве рефлектирующего, осмысливающего жизненные впечатления повествователя, второй – ребёнок, наделён присущим возрасту синкретизмом мышления и обострённым чувством красоты. Писатель сосредоточивает внимание на психологии восприятия мира героем-ребёнком, делая её предметом изображения повествователя-аналитика, осмысливающего психологические итоги того жизненного опыта, через который прошёл в детстве герой. Тридцатилетняя дистанция определяет преемственность, некую двойственность в изображении этого опыта, но не духовный разрыв между повествователем и героем.

Фабула произведения, на первый взгляд, незамысловата. Пейтер обращается к теме детства, мироощущения ребёнка, покидающего родной дом, обострённо переживающего и расставание с прошлым, и ожидание будущего; к раннему этапу взросления персонажа, к импульсам, впечатлениям, событиям, определившим формирование его внутреннего мира. Это утраченное время, всматриваясь в которое повествователь распознаёт, угадывает, воссоздаёт прошлое, это его «пирожное мадлен», которое погружает его, ставшего взрослым, и читателя в тайны и поэзию детства, погружает естественно и органично, без каких-либо усилий над собой и своей памятью.

¹ Впервые в русском переводе П. Муратова рассказ был опубликован в 1908 г.

² Пейтер У. Воображаемые портреты. Ребенок в доме; пер. с англ. и вступит. ст. П. П. Муратова. М.: Издательство В. М. Саблина, 1908. 203 с. IX.

Это тот мир, который был скрыт и внезапно ожил в сознании взрослого героя. Время-пространство этого мира конструирует аналитик-повествователь, память повествователя-героя. Издание 1896 г. содержало эпиграф из Джорджа Элиота: «Наша надежда на самое лучшее – это самое прекрасное воспоминание» (*Our finest hope is finest memory*). Писатель как бы подхватывает высказанный автором поэмы «A Minor Prophet» мотив-противопоставление: молодости, с её надеждами на любовь и счастье, – и зрелых душ (*full souls*), которые, подобно «двойным зеркалам», создают бесконечную перспективу взаимотражений. Контекстом осмысления этого мотива в обоих произведениях – и у Джорджа Элиота, и у Пейтера становится человеческая жизнь, её полнота и совершенство.

Начало рассказа «Ребёнок в доме» перекликается с сюжетным зачином романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1802). Герой Пейтера встречает путника, рассказ которого пробуждает в его сознании идеальные образы, память о местах, в которых проходило его детство, и само детство, всё пронизанное ощущением бесконечной красоты мира и – порой (у Пейтера) – скрытой угрозы, которая даёт о себе знать событиями, оставившими след в душе героя. Как и Генрих, вначале он погружён в сладостный поэтический сон. У Пейтера это в то же время аналитически отрефлектированный образ, в котором «неразрывно» связаны между собой ребёнок, сад, дом – и сон. В нём «внутреннее и внешне сплеталось друг с другом»: наполовину оттенков и случайный след цвета и формы, дерева и кирпичей, – наполовину – душевная ткань (*soul-stuff*), возникающая неизвестно откуда¹. Дом, сад, ребёнок, ветры, туман – отправные знаки, образы «мысленного путешествия» (*mental journey*) героя².

Детализация и конкретность служат импульсом, рождающим поэтические со-

звучия: «Ребёнок, о котором я пишу, не испытывал ненависти к туману из-за алых огней, падавших иногда из него на трубу, и белых бликов, которые сверкали в его просветах летним утром, на башенках или мостовых»³. Идеальное в этом мире, как и у Новалиса, сопряжено с особенностями восприятия повествователя, спецификой поэтического видения мира каждым из персонажей – и Генрихом-Новалисом, и Флорианом, имя которого (*Florian Deleal*), как и французское происхождение героя, создаёт иллюзию нетождества автора и героя и расширяет пласт эстетических аллюзий⁴. Пейтер, подобно Новалису, подчёркивает символику воплощённого в персонаже эстетического опыта становления человека искусства, будущего художника, – не по профессии, а по типу восприятия и сознания. Повествователь подчёркивает обобщающий смысл своих наблюдений, поскольку речь идёт уже не только о герое, но и об истории формирования сознания и духовного мира «каждого из нас»: (*story of his spirit in that process of brain-building by which we are each one of us, what we are*)⁵.

В Флориане нет той подростковой мятежности, которой была окрашена ранняя юность Рене, героя романтика Шатобриана, но есть предощущение и ощущение безмерного, неисчерпаемого, как окружающий мир, счастья, наслаждения прекрасным, которое свойственно герою Новалиса, его грёзе о голубом цветке. Это тот идиллический топос, который порождает экстаз, по которому испытывает

³ Pater W. *The Child in the House. An imaginary portrait*. Portland Maine, Thomas B. Mosher, 1896, pp. 14.

⁴ Они связаны не только с эпиграфом, принадлежащим перу Джорджа Элиота, но и с латинской семантикой имени Флориэля (*Florianus* – расцветающий, цветущий), окружённого мифическим ореолом святости и христианского мученичества, и с Жаком Делилем (*Jacques Delille*), автором «*Les jardins, ou l'art d'embellir les paysages*» (1782), «*L'Homme des champs ou les Géorgiques françaises*» (1800). Перекличка возникает и с поэтом-современником Пейтера – одним из представителей французского эстетизма, создателем «Парнаса» – Леконтом де Лилем (*Leconte de Lisle*).

⁵ Pater W. *The Child in the House. An imaginary portrait*. Portland Maine, Thomas B. Mosher, 1896, pp. 10–11.

¹ Pater W. *The Child in the House. An imaginary portrait*. Portland Maine, Thomas B. Mosher, 1896, pp. 14.

² Там же. Рр. 14.

ностальгию романтический – и пейтеровский – герой.

Автор наделяет повествователя и ребёнка восприятием глубоко индивидуальным, хотя и восходящим в широком смысле к романтическому архетипу становления художника, поэта, человека искусства. Подобно Новалису, Пейтер окрашивает изображение мифологическим светом; внешний мир – только исходное пространство, и становление героя – погружение в чувство прекрасного, его духовная инициация происходит из этого реально и объективно существующего «корня», вне календарного времени, в процессе естественного развития, восприятия и освоения им окружающего мира. Естественное и природное совпадают, сливаясь с эстетическим в ощущении потока жизни, красоты мира, увиденной глазами писателя-психолога, в совершенстве владеющего тайнами мастерства [7].

Гарольд Блум, полагавший, что В. Вулф относилась к Пейтеру как к «тайному эталону», цитирует строки из «Своей комнаты» («*A Room of One's Own*», 1929), которые близки по смыслу к окрашенному платонизмом пейтеровскому пониманию соотношения природы и искусства. «Может быть, в приливе безудержной фантазии (природа) лишь обозначила на стенах нашего ума симпатическими чернилами некое предчувствие, подтверждаемое великими художниками, некий набросок, который нужно поднести к пламени гения, чтобы он проявился», – пишет В. Вулф [2, с. 504]. У Пейтера предчувствие воплощено в окрашенных тонами и полутонами впечатлениях детства, в насыщенной деталями и картинами, трепетной красоте окружающего мира.

Центральным архетипом, образом, стягивающим лучи памяти и воображения в фокус, становится дом, в котором живет герой. Он наделён духовной субстанцией (*half-spiritualised house*), на равных соседствует в заглавии рассказа с ребёнком и почти совпадает с его образом ребёнка, они пребывают в эстетическом сродстве. Каждый обладает своей экзистенциальной

природой, в то же время «старый дом» – сущностная основа, формирующая жизненный горизонт восприятия, будущих духовных «странствий» героя. Образ дома не обладает социальной семантикой, его природа онтологична, она угадываема и созидается памятью-воображением писателя.

Пейтер вводит аналитическое, внесоциальное обоснование рождающемуся в детстве чувству красоты (*sense of beauty*), не связывает его возникновения с изысканностью окружающих ребёнка вещей, которые, полагает он, могут оказывать воздействие в более поздние годы¹. Писатель использует аргумент, основывающийся на философии гедонизма, связывает чувство красоты с бессознательным началом – наслаждением, которое испытывал герой: «он был обязан этому месту многими оттенками чувств, впоследствии ставших привычными, неким внутренним светом», благодаря которому вещи «наиболее естественно ему представлялись»². Источник чувства красоты писатель находит в детском взгляде «внутрь себя»: ребёнок «с беспредельным наслаждением находит различные оттенки своего чувства и в тех белых и розоватых отсветах, которые ложатся сквозь дым на обыкновенные домашние постройки, и в золоте одуванчиков, растущих у самых стен, где всё истоптано, если нет лучших помощников в его поисках красоты»³. Поэтому так значимы в новелле Пейтера описания, детали, метафорические, символические, всегда приоткрывающие на мгновение тайны жизни, окрашенные поэзией и лиризмом, как и в процитированном фрагменте, где «сочетаются» оттенки, отсветы с одуванчиками, растущими у самых стен.

Дом предстаёт как некий универсум, в его образ входят путники, идущие в город, тени на улицах, особенное освещение предметов, дыхание садов, уныние непогоды, праздничность «хороших дней», гра-

¹ Pater W. The Child in the House. An imaginary portrait. Portland Maine, Thomas B. Mosher, 1896, pp. 15.

² Там же. Рр. 15.

³ Там же. Рр. 15.

вьюры Библии, прохлада тёмных, похожих на пещеры лавок, винтовые лестницы, что уходят к голубям и колоколам. Всё это – мерцающая реальность. Она повергала героя в задумчивость, в которой повествователь угадывает формирование у ребёнка не только чувства гармонии, красоты, но и особенного склада ума.

С романтической традицией, которая восходит не только к Новалису, но и к высоко ценимому писателем Вордсворту¹, связана поэтизация быта, элементов обыденного, окрашивающая «волшебным светом» и «трепетом счастья» пробуждающееся от сна сознание юного героя. В бытовых деталях и подробностях нет иронии, отвергающей быт и обыденное как начало, несовместимое с беспредельными тайнами романтической души. Эти стороны «обыденной» действительности, как у автора «Лирических баллад» и предисловия ко второму их изданию (1800), являются гранями поэтического видения, которое в рассказе Пейтера «внезапно преобразует тривиальную вещь». Эти реалии, знаки и образы становятся частью той эстетической идиллии, которую прорисовывает автор. Оттенки и знаки, составляющие её, всегда полисемантичны, входят в целостный космос рисуемого мира детской души. Можно согласиться с одним из ранних исследователей творчества писателя: «Является ли Пейтер простым и величественным или сложным и замысловатым, он всегда видит всё в контрасте. Его цель в том, чтобы сделать каждую деталь весомой, наполненной музыкой, населённой эхом, которое должно очаровать и внушать скорее, чем убеждать или устанавливать факты» [4, р. 214]. Суггестивная семантика поэтических образов, создаваемых писателем, действительно, рождает эхо музыкальных, эстетических созвучий. При этом «реальность мерцает и колеблется от каждого нового представления и ощущения» [2, с. 501].

Писатель связывает с чувством красоты формирование в герое «постоянной склон-

ности к особому роду порядочности и благородства» (*pervading preference in himself for a kind of comeliness and dignity*)². Прекрасное в рассказе Пейтера пробуждает нравственно-этическое начало в душе героя, способность любить и страдать. Ребёнок испытывает отчаяние, боль и «безумную тоску» по умершему в далёкой Индии отцу, по забытой в клетке птице, по покидаемому и покинутому дому. Писатель отмечает единство этих начал в своём герое без той программной настойчивости, которая характеризовала этическую позицию и труды его современника Рескина.

Современный французский учёный, интерпретируя в русле психоанализа литературные портреты Пейтера (Мериме, Ч. Лэма, Вордсворта, Кольриджа, Россетти), отмечает: понятие «душа», хотя и довольно размытое, как и у его современников, у Пейтера приобретает особый смысл, оно выражает «интимность предмета, которую язык не может выразить» [8, р. 94]. Интимность чувств в рассказе писателя составляет сущность эстетически переживаемого героем опыта, а понятие души включает представление о становлении духовного мира героя, о складе (структуре) его сознания и ума (*texture of his mind*)³.

Эволюция героя Пейтера мыслится писателем как постепенное расширение сознания, обогащение души⁴ (*the gradual expansion of soul*). Предметный мир, красота природы, взгляд внутрь, чувствительность – источники этого процесса. Душа Флориана – это огромный животворящий мир, в котором есть «пушинки и соломинки», но и горькие размышления о конечности жизни, в ней скрыто глубокое чувство сострадания – к нарисованной художником Давидом со связанными руками Марии-Антуанетте, к умирающей кошке, к заключённой в клетку птице, которую кличут птенцы, – к «самым несчастным и

¹ Pater W. The Child in the House. An imaginary portrait. Portland Maine, Thomas B. Mosher, 1896, 47 p.

² Pater W. The Child in the House. An imaginary portrait. Portland Maine, Thomas B. Mosher, 1896, pp. 16.

³ Pater W. The Child in the House. An imaginary portrait. Portland Maine, Thomas B. Mosher, 1896, pp. 16.

⁴ Там же. Pp. 11.

бедным на земле», которым желал он «прекраснейших роз» и беззаботного наслаждения жизнью. Этическое осмысливается Пейтером как органическая часть эстетического, христиански окрашенного опыта духовного становления героя.

Автор владеет арсеналом импрессионистической, суггестивной образности, передаёт текучесть, мерцание, оттенки окружающего природного мира как живописец, лирик, поэт, но и как философ, аналитик, размышляющий о смысле своей жизни, жизни ребёнка, жизни как таковой. Начала внешние и внутренние переплетаются, сливаются, субъективный опыт приобретает обобщающий философско-эстетический смысл.

Пейтер «предугадывает» манеру Пруста, повествователь и герой которого на протяжении многоотной эпопеи погружены в поиски «утраченного времени». Подобно Пейтеру, Пруст будет стремиться «вырваться за рамки формы, запаха или цвета», пытаясь понять, что скрывалось за ними, расшифровать знаки памяти. Пейтер, рисуя «остров детства», ставит своей целью воссоздать и осмыслить его эстетическую семантику, скрытую в нём музыку жизни. Подобно многим романтикам, Пейтер считал, что «все искусство постоянно стремится к состоянию музыки» (*All art constantly aspires towards the condition of music*), – в его интерпретации – «темперированного потока» (Ю. А. Макарецкая [3]), поскольку она «объединяет материю и форму»¹. И потому писатель так внимателен к оттенкам, к трансформациям цвета и звука. Он создаёт свой «золотой миф», утопию-идиллию, в центре которой – прекрасный и почти фантастический дом и сад как части природного мира, Эдема, который сформировал героя, который грезится ему и который живёт в нём. К этому архетипу позднее обратится писатель-фантаст Г. Уэллс в рассказе «Дверь в стене» (1911), а также В. Вулф в «Королевском саде» (1919).

Однако в глубине этого Эдема скрыт таинственный и мучительный сплав тревоги и надежды, поэзии и страдания, жизни – и близко-далеко маячащей на горизонте или почти за горизонтом смерти. В отличие от Новалиса, погружающего читателя в лирический миф вечных превращений, Пейтер создаёт пространство, в котором скрыто необратимо трагическое начало, в котором есть трещина, вновь и вновь дающая о себе знать, разрушающая гармонию жизни ребёнка. В своём понимании времени Пейтер отчасти близок к Хайдеггеру, у которого бытие мыслится как «бытие-к-смерти». Ребёнок постигает бытие в остро переживаемых «событиях смерти», в извести о смерти отца, в размышлениях возле вырытой детской могилы, это страх смерти, ужас перед смертью, который навсегда поселится в нём.

Пейтер угадывает особую роль этой темы в литературе модернизма [3], в рассказе она становится подтекстово центральной, и всё-таки она – только некое предвестие, окружённое природным цветением, роскошью природного мира. В поэтике, стилистике произведения господствует другое представление о времени, восходящее к Бергсону, – протяжённости, длительности, постоянной изменчивости. Писатель обнажает не только сходство видимых и воображаемых элементов бытия, но и те различия, которые «таятся под маской тождественного». «Они там, где мы их не можем даже заподозрить – между восприятием и воспоминанием» [1], – пишет современный философ О. Аронсон, интерпретируя концепцию времени автора «Матери и памяти» (1896). В рассказе Пейтера время тождественно движению мысли, оно соединяет в своём живом потоке различные грани восприятия-воспоминания героев, множественные смыслы, которые открывает читателю проза утончённая, «полная цвета и мелодии, серьёзная, изысканная...» [4, р. 214].

Пейтер завершает повествование мотивом, традиционным для жанра романа воспитания и становления героя, – мотивом дороги, по которой герой устремляет-

¹ Walter Pater // Wikipedia (wikipedia.org) [Электронный ресурс]. URL: wiki/Walter_Pater (дата обращения: 26.12.2019).

ся во взрослую жизнь. Открытый финал углубляет ощущение распахнутого перед героем и читателем горизонта – будущего, в которое он уносит свои надежды и свою боль.

В лиро-эпическом, импрессионистически окрашенном рассказе «аналитик своего века», создатель теории английского эстетизма, Пейтер воплощает свои представления об искусстве и красоте [5]. Генри Джеймс не вполне оправданно называл Уолтера Пейтера «маской без лица» [6, р. 228], поскольку за маской вполне различим автор. Художественная достоверность и глубина переживания, лирическое начало придают сюжету и персонажам рассказа автобиографический смысл. Это тот автобиографизм, в основе которого, как часто было у романтиков, не столько фактографическая, сколько духовная близость автора и лирического героя. Правы исследователи, которые считают, что за персонажами повествования Пейтера стоит его собственная личность-загадка [5]. Отсутствие подтверждающих документов побудило критиков интерпретировать его вымышленные произведения как фрагменты автобиографии (Донахью (Donoghue), Монсман (Monsman) и др.),

– однако при ближайшем рассмотрении, полагает современный литературовед, оказывается, что они воплощают его идеальное я; это яркие маски, за которыми он прячется, наиболее точно определяемые его собственными словами как «иллюзорное, непостижимое, загадочное я» («the illusive, inscrutable, mistakable self») [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рассказе «Ребёнок в доме» «реальное» находит воплощение в маске идеального. Скрывающееся за нею «подлинное» проступает в лирической и эстетической обрзанности – в феномене красоты как истины, формирующей целостность и единство внутреннего мира героя. Писатель соединил жанровые модусы новеллы, рассказа, эссе и даже поэмы, особым образом диалогизировал реальность воображаемую, «вспомненную» – и фактографическую, претендующую едва ли не на исповедальную достоверность. Романтические традиции во многом определили преемственную связь и новаторские трансформации программных принципов эстетики в рассказе Пейтера.

Статья поступила в редакцию 15.01.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аронсон О. Этика времени у Мамардашвили [Электронный ресурс]. URL: <https://mamardashvili.com/ru/merab-mamardashvili/opyty-chteniya/oleg-arons-on/etika-vremeni-u-mamardashvili> (дата обращения: 23.12.2019).
2. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времён. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 669 с.
3. Макарецкая Ю. А. Проблема эстетизма в творчестве У. Пейтера: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 145 с.
4. Benson A. C. Walter Pater. University press of the Pacific Honolulu, Hawaii, 2002 (Reprinted from the 1911), pp. 214.
5. Coste Bénédicte. Cette époque de doute: Walter Pater et la question de la croyance, Presses universitaires de la Méditerranée, collection «Present Perfect», 2017. EAN13: 9782367812519. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fabula.org/actualites/benedicte-coste-cette-epoque-de-doute-walter-pater-et-la-question-de-la-croyance_81707.php (дата обращения: 23.12.2019).
6. Hext Kate. The Victorian Web. Centre for Research in Victorian Studies, School of English University of Exeter. P. 228. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.victorianweb.org/authors/pater/bio.html> (дата обращения: 20.12.2019).
7. Moran M. Walter Pater's. House Beautiful and the Psychology of Self-Culture. In: English Literature in Transition, 1880-1920. Vol. 50. Issue 3. 2007, pp. 291 [Электронный ресурс]. URL: <http://connection.ebscohost.com/c/literary-criticism/26466274/walter-paters-house-beautiful-psychology-self-culture> (дата обращения: 22.12.2019).
8. Roussillon-Constanty Laurence. Au bonheur des mots. In: Acta fabula, vol. 11, no. 10, Notes de lecture. Novembre-Décembre, 2010, pp. 94 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/acta/document6012.php>. (дата обращения: 25.12.2019).

REFERENCES

1. Aronson O. *Etika vremeni u Mamardashvili* [Ethics of time from Mamardashvili]. Available at: <https://mamardashvili.com/ru/merab-mamardashvili/opyty-chteniya/oleg-arons-on/etika-vremeni-u-mamardashvili> (accessed: 23.12.2019).
2. Blum G. *Zapadnyi kanon. Knigi i shkola vseh vremen* [The Western Canon. The books and school of the ages]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 669 p.
3. Makartetskaya Yu. A. *Problema estetizma v tvorchestve W. Patera: dis. ... kand. filol. nauk* [The problem of aestheticism in the works of William Pater: PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2019. 145 p.
4. Benson A. C. *Walter Pater*. University press of the Pacific Honolulu, Hawaii, 2002 (Reprinted from the 1911), pp. 214.
5. Coste Bénédicte. Cette époque de doute: Walter Pater et la question de la croyance, Presses universitaires de la Méditerranée, collection «Present Perfect», 2017. EAN13: 9782367812519. Available at: HYPERLINK "https://www.fabula.org/actualites/benedicte-coste-cette-epoque-de-doute-walter-pater-et-la-question-de-la-croyance_81707.php" https://www.fabula.org/actualites/benedicte-coste-cette-epoque-de-doute-walter-pater-et-la-question-de-la-croyance_81707.php (accessed: 23.12.2019).
6. Hext Kate. The Victorian Web. Centre for Research in Victorian Studies, School of English University of Exeter. P. 228. Available at: HYPERLINK "<http://www.victorianweb.org/authors/pater/bio.html>" <http://www.victorianweb.org/authors/pater/bio.html> (accessed: 20.12.2019).
7. Moran M. Walter Pater's. House Beautiful and the Psychology of Self-Culture. In: English Literature in Transition, 1880-1920. Vol. 50. Issue 3. 2007, pp. 291. Available at: <http://connection.ebscohost.com/c/literary-criticism/26466274/walter-paters-house-beautiful-psychology-self-culture> <http://connection.ebscohost.com/c/literary-criticism/26466274/walter-paters-house-beautiful-psychology-self-culture> (accessed: 22.12.2019).
8. Roussillon-Constanty Laurence. Au bonheur des mots. In: Acta fabula, vol. 11, no. 10, Notes de lecture. Novembre-Décembre, 2010, pp. 94. Available at: <http://www.fabula.org/acta/document6012.php>. (accessed: 25.12.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Литвиненко Нинель Анисимовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: ninellit@list.ru;

Лунина Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: lounir_odin@mail.ru;

Редина Ольга Николаевна – профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: olgaredina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ninel A. Litvinenko – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: ninellit@list.ru;

Irina E. Lounina – Doctor in Philological Sciences, Professor, the Head at the Department of history of foreign literature, Moscow Region State University;
e-mail: lounir_odin@mail.ru;

Olga N. Redina – professor at the Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: olgaredina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Литвиненко Н. А., Лунина И. Е., Редина О. Н. Рассказ У. Пейтера «Ребёнок в доме»: особенности поэтики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 82–89.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-82-89

FOR CITATION

Litvinenko N. A., Lounina I. E. Redina O. N. W. Pater's Story «The Child in the House»: Feature of Poetics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 2. pp. 82–89.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-82-89

УДК 821.161.1.09Вересаев В. В.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-90-96

СЕМЬЯ И ЖЕНЩИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ В. В. ВЕРЕСАЕВА (РАССКАЗ «ЭЙТЕМИЯ»)

Новичкова Д. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Цель данной работы – раскрытие авторской позиции относительно гендерных вопросов, касающихся роли женщины в семье.

Процедура и метод исследования. В статье рассматриваются воспоминания Вересаева о детстве и его автобиографический рассказ «Эйтемия», повествующий о трагической судьбе одной семьи. Текстуальный анализ позволил выявить влияние образа матери писателя на его представления о жене как супруге, родительнице и как общественном деятеле.

Результаты проведённого исследования. Сделан вывод об авторском понимании духовной, интеллектуальной и психологической целостности женщины.

Теоретическая и / или практическая значимость. Отмечена важность сформированного Вересаевым облика представительницы «слабого» пола для решения «женского вопроса» в современной действительности.

Ключевые слова: В. В. Вересаев, семейные ценности, женский вопрос, живая жизнь, духовность

FAMILY AND WOMAN IN ARTISTIC INTERPRETATION BY V. VERESAEV (STORY «EUTHYMIA»)

D. Novichkova

Moscow Region State University

24 Veri Voloshinoy ul., Mytishchi 105005, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The purpose of this work is to reveal the author's position on gender issues related to the role of women in the family.

Methodology and Approach. The article discusses Veresaev's memories about his childhood and his autobiographical story «Euthymia» about the tragic fate of a family. The textual analysis revealed the influence of the writer's mother on his idea of a woman as a spouse, a parent, and a public figure.

Results. In conclusion, the author's vision of the importance of spiritual, intellectual, and psychological integrity of women is presented.

Theoretical and / or Practical Implications. The importance of the image of a woman formed by Veresaev for solving the "women's issue" in the modern reality is noted.

Keywords: V. V. Veresaev, women's issue, family values, living life, spirituality

ВВЕДЕНИЕ

Писатель В. В. Вересаев уделял огромное внимание женскому вопросу в своём творчестве. Начиная с ранних рассказов, принёсших популярность писателю, заканчивая последним произведением, писатель точно и честно создавал галерею женских образов. Он старался затронуть не только злободневную проблему активной эмансипации слабого пола, но и показать влияние женской духовной силы и её нравственных устоев на жизнь

общества, семьи и человека в эпоху провозглашения «свободы, равенства и братства». Идеология напрямую отразилась и на женском облике.

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Исследователи истории и культуры первой половины XX века считают Александру Коллонтай «одной из первых заметных фигур» [6, с. 61] российского феминизма. В своих работах руководительница Женотдела призывала не только правительство и общество к рассмотрению женских вопросов, прав и свобод, но и представительниц слабого пола к изменению основных принципов жизни. В 1913 году в статье «Женский день» Коллонтай настаивала: «Вся особая, выделенная работа среди женщин рабочего класса – это лишь способ разбудить работницу, присоединить её к ряду борцов за лучшее будущее...» [3, с. 112]. В статье «Любовь и новая мораль» (1918) речь идёт о «холодных» женщинах, для которых важна не только любовь и семья, но и общественная жизнь. Чуть позже в работах «Семья и коммунизм» (1920) и «Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений» (1921) Коллонтай утверждала, что женщину необходимо освободить от домашнего труда и заботы о собственных детях. Безусловно, пропаганда подобного рода не могла не повлиять на женские умы. Девушки стали осознавать приоритет трудовой общественной деятельности, шли работать на заводы и фабрики, становились комсомолками и партийками, ради этого отказывая себе в семье и материнстве. В «Записях для себя» Вересаев иронично замечал: «Есть «умные» женщины, от которых хочется бежать, – столько у них логики и мёртвого груза»¹. Такая женщина на деле оказывалась более беспринципной, жёсткой, поражая своей бессердечностью даже мужчин.

СЕМЬЯ И ЖЕНЩИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ В. В. ВЕРЕСАЕВА

Тема семьи сквозной линией проходит через все произведения Вересаева, посвящённые женщинам. Для писателя очевидна прямая связь между двумя понятиями. Духовное состояние общества, отношения между мужчиной и женщиной, атмосфера в семье напрямую связаны с нравственными устоями, стойкостью, верностью и добротой слабого пола.

В. Ю. Ткач, рассуждая о типичности социокультурного образа женщины-матери разных времён и народов, дала следующую характеристику: «Женщина, одарённая от природы способностями к воспитанию и убеждению; человек по природе необыкновенно стойкий, верный интересам своих детей и безоговорочно принимающий во имя их (или вместо них) любые испытания судьбы» [7, с. 97]. Исследовательница справедливо отмечала, что в «Воспоминаниях» о детстве Вересаев свою мать изобразил подобным образом.

Мать Вересаева, Елизавета Павловна Смидович (1844–1912), много времени уделяла воспитанию детей, приобщению их к православию, формированию нравственного стержня и «правильной», по её мнению, цели жизни. Сама мать являлась примером религиозности и сострадания для собственных детей. Говоря о родителях писателя, литератор О. А. Казакова отмечала: «Супругов отличала строгая принципиальность и требовательность к себе. Они понимали, что на ребёнка главным образом влияет дело, а не только слово» [2, с. 51]. Вересаев, говоря о матери, вспоминал: «Она была очень религиозна. В церкви мы с приглядывающимся изумлением смотрели на нее: ее глаза сияли особым светом. <...> Веровала она строго по-православному и веровала, что только в православии может быть истинное спасение»². В своих «Воспоминаниях» писатель рассказал множество примеров, как мать учила детей духовным правилам

¹ Вересаев В. В. Невыдуманные рассказы / Сост.: Н. А. Милонов, В. М. Нольде, Ю. У. Бабушкин. Тула: Приокское кн. изд-во, 1979. С. 277.

² Вересаев В. В. Воспоминания. 3-е изд., доп. М.; Л.: Гослитиздат, 1946. С. 12.

жизни, мудрости, душевной отзывчивости, заботе о слабых, больных и нищих, необходимости служения людям.

Несмотря на домашние дела и заботу о детях, Елизавета Павловна трудилась и на благо общества. Д. А. Аманжолова отмечала, что мать Вересаева была «одной из первых выпускниц курсов известного немецкого педагога Ф. Фребеля в Москве» [1, с. 113], а в 1872 году на деньги мужа открыла в Туле первый детский сад, где обучала детей чтению, письму, рисованию и многому другому. Вересаев вспоминал, как мать всегда замышляла «что-то грандиозное». А главное, у неё была «большая любовь к жизни и способность видеть в будущем только лучшее»¹. Пройдя большой творческий и жизненный путь, писатель вернулся к простой истине о формуле счастливой жизни – это жизненная энергия и служение ближним.

Образ матери, к которой будущий писатель относился с любовью, уважением и даже трепетом, определил представление писателя о семейных устоях. Последний рассказ Вересаева «Эйтемия» (1943) посвящён судьбе женщины. По замыслу писателя эта история должна была стать завершающей в цикле «Невыдуманные рассказы о прошлом», но была опубликована отдельным произведением только после смерти писателя в 1948 году. Стоит отметить множество параллелей с историей семьи самого Вересаева. Безусловно, прототипом главной героини стала жена писателя – Мария Гермогеновна Смидович. Исследовательница Я. С. Эмир-Валиева отмечала, что «жанр короткого рассказа, <...> не только сохраняет реалистическое начало и верность фактам действительности, но в то же время являет собой видение мира, характерное для нового времени» [9, с. 157].

Произведение начинается словами: «Насмешка судьбы соединила друг с другом самого счастливого человека с самым несчастным»². Далее в рассказе повеству-

ется о судьбе главной героини Люси: ещё в студенчестве она попала в театральную студию к Станиславскому, который «повсюду говорил торжествуя, что появилась в Советском Союзе первоклассная трагическая актриса с огромным темпераментом»³. Но здоровье не позволило женщине реализовать свои таланты, причиной чему стало множество болезней: туберкулёз кишечника, сужение аорты, «рвущие мозг мигрени, доводившие почти до помешательства»⁴, вызываемые скрытой малярией. Несчастье Люси также состояло и в том, что она не смогла себя реализовать полноценно и в семье: «Изнывала от страстной жадности материнства, но врачи запретили иметь детей»⁵. Кажется, что именно её Вересаев назвал в начале рассказа «самым несчастным человеком». Удивительно, но женщина не озлобилась на жизнь, не стала бороться с судьбой, а явилась примером доброты, жертвенности и заботы об окружающих.

Муж Люси, Леонид Александрович Ахмаров, был, наоборот, образцом благополучия и успеха. Талантливейший архитектор современности, он создавал проекты, которые не только вызывали много разговоров, но и покоряли «красотой, жадной любовью к жизни и мужественностью духа»⁶. Несмотря на разность судеб, муж и жена любили друг друга «сильно и прочно»⁷, наполняя жизнь взаимной радостью. Леонид часто сокрушался: «В какой он живёт яркой, интересной жизни, а она тут вяло прозябает в одиночестве и непрерывных страданиях»⁸. Люся же в свою очередь постоянно говорила о том, что она счастлива. Супруг не верил в искренность слов жены, считая это самообманом, необходимым ей, чтобы не сойти с ума. Муж не

Сост., вступ. ст. и комментарии Ф. И. Кулешова. Минск: Мастацка літаратура, 1989. С. 591.

³ Вересаев В. В. К жизни: Повести, роман, рассказы / Сост., вступ. ст. и комментарии Ф. И. Кулешова. Минск: Мастацка літаратура, 1989. С. 591.

⁴ Там же. С. 591.

⁵ Там же. С. 592.

⁶ Там же. С. 591.

⁷ Там же. С. 592.

⁸ Там же. С. 592.

¹ Вересаев В. В. Воспоминания. 3-е изд., доп. М.; Л.: Гослитиздат, 1946. С. 14.

² Вересаев В. В. К жизни: Повести, роман, рассказы /

мог понять душу сильной женщины, которая любовью побеждала страдания.

Писатель объяснял неспособность супруга понять любовь к жизни, исходившую от больной жены, его собственной чѣрствостью и депрессивностью: «Творчество Леонида Александровича дышало мужеством и благоговейною, чисто религиозною любовью к жизни. Но сам он был к жизни мрачно равнодушен, она не зажигала его, в будущем он опасливо ждал от неё самого плохого»¹. Безусловно, причиной этому было то, что он считал благом лишь земные, осязаемые радости, которые не давали истинного счастья и бодрости духа.

Люся переживала за мужа, справедливо его упрекая: «Да оглянись вокруг, погляди, как жизнь хороша!.. Вот погоди! Вдруг какому-нибудь там верховному существу взбредѣт в голову мысль устроить суд над людьми. Тогда оно тебе скажет: «Тебе было дано в жизни так много, а как ты к этому относился? Ничего не замечал». И даст оно тебе подзатыльник, и ты кувырком полетишь в бездну скуки, ничтожества и равнодушия. И поделом тебе будет!»². В словах супруги о наказании за безрадостность звучат намѣки на христианские закономерности. Вересаев не относил себя к религиозным людям, но влияние на писателя его матери, искренне верующей, очевидно.

Главная героиня рассказа нашла объяснение своему мироощущению в работах древнего философа Демокрита, считавшего, что важно лишь одно: «эйтемия». Люся с радостью цитировала древнего мудреца: «В чём высшее благо? <...> Хорошее расположение духа!.. Человек вкусно пообедал, закурил сигарету, похлѣбывает кофе – вот хорошее расположение духа. Но как перевести? <...> Нужно какое-то особенное слово. По-моему, вот такое: «радостнодушие»»³. Очевидно, эти слова можно назвать заключительным аккордом

в разработке Вересаевым концепции «живой жизни». Писатель долго шѣл к формулировке: радость жизни в самой жизни, в мельчайших её проявлениях.

К сожалению, героя его рассказа не вдохновляла горячность и восторг жены по поводу открытой ею «формулы счастья». Парадоксально, но причиной чѣрствости мужа было благополучие, ведущее к неверию и страху. Одной из последних реплик, раскрывающих убеждения жены, были слова: «Ясность духа, бесстрашие перед жизнью и перед страданиями – вот счастье!»⁴. Удивительно, но в конце рассказа проясняется, что самым счастливым человеком, о котором шла речь вначале, была именно Люся. Она «выстрадала» своё счастье болезнями и смирением с ними, ощутила пульс жизни тоньше и точнее, чем её «благополучный» муж.

В дореволюционной книге «Живая жизнь» (1909–1910), анализируя философскую позицию Достоевского относительно связи жизни и страданий, Вересаев стремился показать пагубность прославления страданий. Е. Колтоновская отмечала, что критическая работа Вересаева – это «смелый бунт против Достоевского, ... протест против господства его настроений в жизни и литературе» [4, с. 226]. Вересаев достаточно жѣстко критиковал гения предшествующего века: «Малым своим разумом Достоевский знает, в чём эта живая жизнь. Он знает, что «эта живая жизнь есть нечто до того прямое и простое, до того прямо на нас смотрящее, что именно из-за этой прямоты и ясности и невозможно поверить, чтобы это было именно то самое, чего мы всю жизнь с таким трудом ищем»»⁵.

Вересаев весьма категорично не соглашался с идеями Достоевского, отрицал возвышенную роль страданий и надеялся вывести свою концепцию счастливой жизни. Автору ближе была позиция

¹ Вересаев В.В. К жизни: Повести, роман, рассказы / Сост., вступ. ст. и комментарии Ф. И. Кулешова. Минск: Мастацка літаратура, 1989. С. 597.

² Там же. С. 597.

³ Там же. С. 601.

⁴ Вересаев В. В. К жизни: Повести, роман, рассказы / Сост., вступ. ст. и комментарии Ф. И. Кулешова. Минск: Мастацка літаратура, 1989. С. 601.

⁵ Вересаев В. На японской войне: Живая жизнь / Прим. М. П. Еремина. Минск: Народная асвета, 1988. С. 337–338.

Л. Н. Толстого, для которого любовь и была залогом счастливой жизни. Об этом идёт речь во второй части книги Вересаева. Он верил, что за жизнь надо бороться, искать её силу, истину, не возводя страдания в необходимые составляющие судьбы человека.

Став свидетелем революции, Гражданской войны и прочих трагических событий первой половины XX века, пережив сложности в личной жизни, в писательском деле, Вересаев вернулся в последнем рассказе «Эйтемия» к проблеме живой жизни и заново обдумал ответ на вопрос, который, по мнению писателя, не знал ни Достоевский, ни он сам когда-то. Удивительным образом Вересаев соединил противоречивые взгляды двух гениев – Достоевского и Толстого – на счастливое человека. Главная героиня вересаевского рассказа Люся – мученица, лишённая счастья материнства, принявшая и полюбившая страдания. Безусловно, её делает счастливой глубокая вера в духовные законы жизни.

В. М. Нольде, исследовательница творчества Вересаева, его «родственная душа» [8, с. 136], замечала, что «в этом рассказе идея «живой жизни» предстаёт не в виде отвлечённой философской категории, а как реально существующее жизнеотношение самого писателя, прочувствованное, проверенное и пережитое самим автором» [5, с. 165]. Я. С. Эмир-Валиева отмечала важность концепции для писателя: «Каждое произведение Вересаева – это попытка художественной реализации мотива «живой жизни»» [11 с. 253]. А также исследовательница утверждала, что имен-

но «подробный анализ позволяет с точностью квалифицировать художественный метод прозаика» [10, с. 99]. Последнее произведение Вересаева автобиографично, основано на личных и даже интимных переживаниях автора, что говорит о писательской смелости и открытости читателю. На пороге смерти Люся прославляла жизнь: «Вспоминается детство <...> А потом вечер. От нагретого за день каменного крыльца дышит теплом. Падают роса. И задумчиво трещат сверчки... Как хорошо!»¹. Не случайно писатель соединил конец жизни героини с началом, как бы замыкая круг. Тепло, уют, доброта, забота, помощь, любовь для автора – синонимы детства. Духовные и нравственные принципы человека сформированы в раннем возрасте, в семье, а представление об истинной женщине, несомненно, – обусловлены обликом матери.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Воспитание матери сформировало глубокие нравственные ориентиры, которыми писатель руководствовался в своём творчестве. В последние годы Вересаев по известным причинам не высказывался относительно своей религиозной позиции, но замечал и отражал в своих произведениях духовные законы жизни. Последний рассказ Вересаева «Эйтемия» можно считать итоговым произведением, завершающим раздумья писателя о главном.

Статья поступила в редакцию 03.10.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аманжолова Д. А. От общих разговоров «в самом ... туманном смысле слова» до «крайне сомнительной политической благонадежности». Сестры Смидович в информационных баталиях революционеров // Российские регионы: взгляд в будущее. М., сентябрь 2018. №3 (том 5). С. 99–127.
2. Казакова О. А. Воспитание нравственного начала на примере семьи Смидовичей // Пятые литературно-краеведческие чтения, посвящённые 145-летию со дня рождения В. В. Вересаева. Тула: Тульский полиграфист, 2012. 124 с.
3. Коллонтай М. А. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1972. 432 с.
4. Колтоновская Е. Критические этюды. СПб.: Просвещение, 1912. 292 с.
5. Нольде В. М. Вересаев. Жизнь и творчество. Тула: Приокское книжное изд-во, 1986. 196 с.
6. Старуш М. И. К истории «женского вопроса» в СССР в первые постреволюционные годы //

¹ Вересаев В.В. К жизни: Повести, роман, рассказы / Сост., вступ. ст. и комментарии Ф.И. Кулешова. Минск: Мастацка літаратура, 1989. С. 602.

Вестник МГУКИ. 2011. № 5 (43). С. 59–64.

7. Ткач В. Ю. Христианский образ матери в «Воспоминаниях» В. В. Вересаева // IX Пасхальные чтения. Материалы Девятой научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура». М.: Московский педагогический государственный университет, 2012. С. 95–101.
8. Честнов И. Н. Хранители памяти (Почему мы не забываем о писателе В. В. Вересаеве) // VI Вересаевские литературно-краеведческие чтения, посвящённые 150-летию со дня рождения В. В. Вересаева. Тула: Аквариус, 2017. С. 135–143.
9. Эмир-Велиева Я. С. Вопрос о творческом методе В. В. Вересаева в свете концепции «живой жизни» // Духовно-нравственные основы русской литературы. Сборник научных статей. Кострома: Костромской государственный университет, 2014. С. 154–158.
10. Эмир-Велиева Я. С. Концепция «живой жизни» В. В. Вересаева как литературоведческая проблема: итоги изучения // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2017. Том 3 (69). №3. С. 98–110.
11. Эмир-Велиева Я. С. Литературные истоки концепции «живой жизни» В. В. Вересаева // Вопросы русской литературы. №2. 2015. С. 248–255.

REFERENCES

1. Amanzholova D.A. *От obshchih razgovorov «v samom ... tumannom smysle slova» do «krajne somnitel'noj politicheskoy blagonadezhnosti». Sestry Smidovich v informacionnyh bataliyah revolyucionerov* [From general conversation "in the ... vague sense of the word" to "extremely dubious political reliability". Sisters Smidovich in information battles of the revolutionaries]. In: *Rossijskie regiony: vzglyad v budushchee* [Russian regions: a look into the future]. Moscow, September 2018, no. 3 (tom 5), pp. 99–127.
2. Kazakova O. A. *Vospitanie npravstvennogo nachala na primere sem'i Smidovichej* [The education of moral principles on the example of the Smidovich family]. In: *Pyatye literaturno-kraevedcheskie chteniya, posvyashchennye 145-letiyu so dnya rozhdeniya V. V. Veresaeva* [Fifth literary-regional studies readings devoted to the 145 V Veresaev's anniversary]. Tula, Tul'skii poligrafist Publ., 2012. 124 p.
3. Kollontaj M.A. *Izbrannye stat'i i rechi* [Selected articles and speeches]. Moscow, Politizdat Publ., 1972. 432 p.
4. Koltonovskaya E. *Kriticheskie etyudy* [Critical studies]. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1912. 292 p.
5. Nol'de V. M. *Veresae. Zhizn' i tvorchestvo* [Veresaev. Life and work]. Tula, Priokskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1986. 196 p.
6. Starush M. I. *K istorii «zhenskogo voprosa» v SSSR v pervye postrevolyucionnye gody* [On the history of the "women's question" in the USSR in the first post-revolutionary years]. In: *Bulletin of the Moscow State University of culture and arts*, 2011, no. 5 (43), pp. 59–64.
7. Tkach V.Yu. *Hristianskij obraz materi v «Vospominaniyah» V. V. Veresaeva* [The Christian image of the mother in "Memoirs" of V. Veresaev]. In: *IX Paskhal'nye chteniya. Materialy Devyatoy nauchno-metodicheskoy konferentsii «Gumanitarnye nauki i pravoslav'naya kul'tura»* [9th Easter reading. Materials of the Ninth scientific conference "Humanities and the Orthodox culture"]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2012, pp. 95–101.
8. Chestnov I.N. *Khraniteli pamyati (Pochemu my ne zabyvaem o pisatele V. V. Veresaeva)* [Keepers of memory (Why we do not forget about the writer V. Veresaev)]. In: *VI Veresaevskie literaturno-kraevedcheskie chteniya, posvyashchennye 150-letiyu so dnya rozhdeniya V. V. Veresaeva* [6th Veresaev's literary-regional studies readings devoted to 150th V. Veresaev's anniversary]. Tula, Akvarius Publ., 2017, pp. 135–143.
9. Emir-Velieva Ya. S. *Vopros o tvorchestvom metode V. V. Veresaeva v svete kontseptsii «zhivoi zhizni»* [Question about creative method of V. Veresaev in the light of the concept of "living life"]. In: *Duhovno-nravstvennye osnovy russkoj literatury. Sbornik nauchnykh statej* [Spiritual and moral foundations of Russian literature. Collection of scientific articles]. Kostroma: Kostroma State University Publ., 2014. pp. 154–158.
10. Emir-Velieva Ya. S. *Koncepciya «zhivoi zhizni» V. V. Veresaeva kak literaturovedcheskaya problema: itogi izucheniya* [The concept of "living life" of V. Veresaev as a literary problem: the results of the study]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernad'skogo. Filologicheskie nauki* [Scientific notes of the V. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences], 2017. Vol. 3 (69), no. 3, pp. 98–110.
11. Emir-Velieva Ya. S. *Literaturnye istoki koncepcii «zhivoi zhizni» V. V. Veresaeva* [Literary origins of the concept of V. Veresaev "living life"]. In: *Voprosy russkoj literatury* [Questions of Russian literature], 2015, no. 2, pp. 248–255.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новичкова Дарья Александровна – аспирант кафедры литературы XX века факультета русской филологии Московского государственного областного университета; преподаватель русского языка в Центре довузовской подготовки (г. Алматы, Казахстан);
e-mail: da.novichkova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria A. Novichkova – postgraduate student at the Department of literature of the 20th century, Moscow Region State University; teacher of Russian language in the Center of pre-University training (Almaty, Kazakhstan);
e-mail: da.novichkova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новичкова Д. А. Семья и женщина в художественном осмыслении В. В. Вересаева (рассказ «Эйтемия») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 90–96.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-90-96

FOR CITATION

Novichkova D. A. Family and Woman in Artistic Interpretation by V. Veresaeu (Story «Euthymia»). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 2, pp. 90–96.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-90-96

УДК 82-65

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-97-107

РЯБЕНИН И ДРУГИЕ (К ПРОБЛЕМЕ «Н. М. КАРАМЗИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ»)¹

Сапченко Л. А.

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова
432071, г. Ульяновск, площадь Ленина, д. 4/5, Российская Федерация

Аннотация.

Цель статьи – в аспекте проблемы «Н. М. Карамзин и его окружение» охарактеризовать определённый круг общения писателя и историографа, выявить ценности его внутреннего мира.

Процедура и методы исследования. Автор рассматривает обращённые к императору Александру I и высокопоставленным чиновникам просьбы Карамзина, касающиеся его друзей, знакомых, нуждающихся литераторов и других лиц, по поводу восстановления справедливости, законности, оказания материальной помощи и признания заслуг. На основе анализа архивных материалов и переписки Карамзина в статье уточняется и дополняется существующее представление о его взаимоотношениях с царём. Особое внимание обращено на оправдание Карамзиным своей близости ко двору как возможности делать добро людям.

Результаты проведённого исследования позволяют отметить характерные особенности личности Карамзина, его понимание смысла жизни как творения добра.

Теоретическая и / или практическая значимость работы заключается в привлечении и анализе редких архивных материалов и малоизвестных публикаций, позволяющих уточнить и детализировать факты биографии Н. М. Карамзина, черты его личности. Полученные данные будут использованы при составлении словаря-справочника «Н. М. Карамзин и его окружение».

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, творение добра, А. М. Рябинин, Н. И. Новиков, П. И. Шаликов, В. В. Измайлов

RYABININ AND OTHERS (ON THE PROBLEM OF “N. M. KARAMZIN AND HIS CIRCLE”)

L. Sapchenko

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov
4/5 ploshchad' Lenina, Ulyanovsk 432071, Russian Federation

Abstract.

The purpose of the article is to characterize a particular circle of contacts of the writer and historiographer and to reveal the values of his inner world in the aspect of the problem "N. Karamzin and his circle".

Methodology and Approach. The author examines Karamzin's requests addressed to Emperor Alexander I and his senior officials concerning his friends, acquaintances, writers in need, and other people regarding restoration of justice, legality, provision of material assistance, and recognition of their merits. Based on the analysis of the archive materials and Karamzin's correspondence, the article clarifies and enhances the existing view on his relationship with the tsar. Particular attention is paid to Karamzin's justification of his proximity to the court as an opportunity to do good to people..

The results of the study allow us to note the characteristic features of Karamzin's personality and his understanding of the meaning of life as doing good.

¹ При подготовке настоящей статьи использованы материалы к хронике жизни и творчества Н. М. Карамзина, подготовленные Т. Ф. Селезневой (1935-2019).

The Theoretical and / or Practical Implications of the work lies in the utilization and analysis of rare archive materials and little-known publications, allowing to clarify and detail the facts of N. Karamzin's biography and his personality traits. The obtained data will be used in compiling the dictionary-reference "N. Karamzin and his circle."

Keywords: N. Karamzin, creation of good, A. Ryabinin, N. Novikov, P. Shalikov, V. Izmailov

Светлой памяти Т. Ф. Селезневой

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к проблеме «Н. М. Карамзин и его окружение» предполагает охват биографических данных, сведений об истории, характере и хронологии взаимоотношений того или иного лица с Карамзиным, воссоздание на основе документальных данных реальной картины общественных, бытовых и литературных связей Карамзина.

Богатые сведения о карамзинском окружении содержатся в фундаментальных исследованиях Ю. М. Лотмана, В. Э. Вацура, С. О. Шмидта, а также в работах учёных нового поколения [1; 3; 5; 6; 7; 8, 10].

Изучение окружения Карамзина в настоящее время ведётся параллельно с составлением хроники его жизни и творчества, с комментированием его сочинений, а также является предметом специальных статей. Однако многие контакты писателя и историографа до сих пор не получили достаточного отражения в публикациях.

Между тем новые материалы позволяют уточнить, дополнить, конкретизировать, а в ряде случаев изменить существующие представления не просто о круге знакомств Карамзина, но также о его личности, о его мировоззрении, воссоздать историко-литературный контекст, преодолеть укоренившиеся мифологемы.

В данной статье предметом рассмотрения становятся обращённые к императору Александру I просьбы Карамзина, касающиеся его друзей, знакомых (А. М. Рябинин, Плещеевы), нуждающихся литераторов (П. И. Шаликов, С. Н. Глинка, В. В. Измайлов) и частных лиц (дворянка Огарева и др.), позволяющие не только охарактеризовать определённый круг общения Карамзина, но и выявить ценности внутреннего мира писателя.

ПУТЬ ДЕЯТЕЛЬНОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

Ещё в молодые годы, желая помочь своим друзьям и знакомым в трудных жизненных ситуациях, но сам ещё не имея возможности влиять на какие-либо спорные дела, Карамзин обращался к своему другу И. И. Дмитриеву, который в 1797–1798 гг. был товарищем министра в департаменте уделов, а затем обер-прокурором сената.

Так, когда друзья Карамзина Плещеевы отправились в Петербург по делу о тяжбе с Бярытинскими, он просил Дмитриева во всем им покровительствовать и, по мере возможности, содействовать скорейшему решению дела или, по крайней мере, уведомлять о его ходе.

Незадолго до этого Сенат нерешённых дел объявил, что истцы должны в назначенный срок подать просьбы о решении своего дела, иначе «процесс будет уничтожен»¹. Карамзин ждёт от Дмитриева известия, получено ли в соответствующем департаменте прошение от имени Плещеевых о рассмотрении их дела, напоминает, что от этого «зависит их благосостояние»², беспокоится, не пропала ли их просьба на почте или, возможно, не зарегистрирована в Сенате, между тем как установленные сроки уже проходят. Карамзин называет также лиц (в частности, обер-секретаря И. С. Ананьевского), к кому, по его мнению, мог бы обратиться Дмитриев.

В последующих письмах Карамзин продолжал «усильно» просить друга о великом одолжении, надеясь на его «собственное доброе сердце»³.

¹ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. С. 84.

² Там же.

³ Там же. С. 93.

Когда Дмитриев оставлял без внимания настойчивые просьбы Карамзина по отношению к Плещеевым, тот бывал глубоко встревожен и непритворно укорял его в равнодушии. Хотя их прошение в Сенат было получено в срок, о чём Дмитриев своевременно сообщил, всё же Карамзин хотел знать, скоро ли будет слушание, нужен ли поверенный, достаточно ли поданной просьбы или требуется дальнейшее ходатайство, соблюдается ли очередность в решении дел или они избираются по представлению Генерал-прокурора, просил содействовать тому, чтобы дело Плещеевых не было обойдено. «Мой друг! – писал Карамзин. – Кланяюсь тебе почти в ноги: не поленись и сделай. <...> О себе просить я никого не хочу, ни самых тех, которые уверяют меня в отменной благосклонности – ни самых даже друзей моих; но о друзьях прошу смело, не краснеясь, и готов снести грубой отказ»¹.

Избрав путь деятельной добродетели, Карамзин был верен ему до конца. Полученная им должность историографа способствовала этому.

ДЕЛО РЯБИНИНА

Подготовив первые 8 томов российской истории и получив от императора ссуду на их публикацию, Карамзин переселяется в северную столицу, чтобы самому следить за печатанием своего труда. В то же время, как пишет В. Э. Вацура, «вынужденный с 1816 г. жить в Петербурге, Карамзин в течение многих лет испытывает ностальгию. Его стремление вернуться в Москву не есть только привязанность к городу; по письмам его видно, как возникает и укрепляется антитеза официального придворного Петербурга и патриархального уединения Москвы» [2, с. 162].

Карамзин желал скорее разделиться с типографией и возвратиться в Москву², о чём он писал брату Василию Михайловичу 27

января 1819 г. Однако 21 апреля 1819 г. он доверительно сообщает И. И. Дмитриеву: «... Знаешь ли, что бы могло привязать меня к Петербургу (между нами будь сказано)? Случай делать иногда добро людям; но это очень неверно, и колет иным глаза; я же (видит Бог) не хвастун, и в самом добре не люблю кривой дороги. *Allons donc planter nos choux!*» («Т. е. садить свою капусту, французская поговорка, – жить в тишине и уединении, особенно после какой-нибудь тревожной общественной деятельности. <...> Началом французской поговорки послужил конечно известный анекдот об императоре Диоклециане в Салоне и об его капусте»)³.

Подобные «случаи» предоставлялись Карамзину не раз. Один из них связан с делом А. М. Рябинина.

Андрей Михайлович Рябинин (1773–1850-е), сын вице-адмирала М. И. Рябина (ум. 1790); в 1792–1795 был лейтенантом морской службы, в 1799 – получил чин полковника, а затем флигель-адъютанта. В 1800 стал действительным камергером, а при переходе на службу в Московское отделение Ассигнационного банка был переименован в действительные статские советники⁴.

Будучи определён 15 января 1804 года управляющим этого отделения, он, при вступлении в должность, поверил только капитал, состоящий в ассигнациях, тогда как медный поверялся директорами Н. Г. Макаровым и Н. Л. Евреиновым, о чём была сделана соответствующая запись в журнале.

7 мая 1806 года при смене кассиров начальством было предписано поверить сдаваемую подотчётную сумму денег. Проверка медной монеты продолжалась до 3 марта 1809 года и когда была полностью закончена, обнаружился недостаток в 106215 ру-

¹ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. С. 94–95.

² Карамзин Н. М. Письма к В. М. Карамзину // Атеней. 1858. №26. С. 662.

³ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. С. 260.

⁴ Письмо Карамзина к императору Александру Павловичу (1817) и оправдательная записка А. М. Рябинина. С послесловием В. И. Саитова // Русский архив. 1897. №5. С. 112.

блей медной монеты, о чём А. М. Рябинин незамедлительно сообщил правлению.

Для рассмотрения дела по высочайшему повелению была назначена комиссия под председательством сенатора П. С. Валуева.

Рябинин представил все обстоятельства случившегося. Однако Валуев во время следствия ни о чём Рябинина не спрашивал, а доложил в своей записке императору, что пропажа произошла в 1805 году и была скрыта управляющим. При этом осталось неизвестным, когда, как и кем похищены деньги.

По высочайшему повелению управляющий и директор были удалены от должностей, кассир и бухгалтер отданы в Уголовную палату, а утраченная сумма возложена на всех бывших чинов Московского отделения банка.

Однако Уголовная палата, не найдя в произведённом Валуевым следствии никаких конкретных обстоятельств похищения, затруднялась решить судьбу отданных под суд, о чём собиралась доложить об этом в Сенат. Далее Рябинин в своей «Записке» сообщает, что во время пребывания государя в Москве, в 1809 году «г. Валуев, желая прекратить сие дело, дабы оно не произвело для него какой-нибудь неприятности, под видом сострадания»¹ просил императора о снятии взыскания с управляющего и директора и о прощении тех, кто был отдан под уголовный суд. При этом сказано было, что их отрешение от должностей и неопределение впредь ни к каким местам остаётся в прежней силе, о чём в первом указе совсем не упоминалось.

Таким образом, Рябинин как управляющий, не принимая никогда под свою ответственность сумму медного капитала, подвергся незаслуженному наказанию.

Рябинин полагал, что истинными виновниками похищения были счётчики, которые «в течение сорока или пятидесяти лет могли красть из мешков копеек по десяти

неприметно, из чего в продолжение времени составила большая сумма»².

Уверяя государя в чистоте своей совести, Рябинин писал, что смеет надеяться на его милосердие, что имеет детей, «возрастающих для службы отечеству» и страшится «оставить для них пятно» на своём имени. В конце записки он говорил о вечной благодарности монарху, если он «всемилоостивейшее повелит» вновь причислить просителя к Герольдии³, то есть вернуть ему право быть произведённым в чины.

Рябинины давно находились в дружеских отношениях с Карамзиными и князем Андреем Ивановичем Вяземским, отцом Екатерины Андреевны, супруги Карамзина. А. И. Вяземский крестил старшего сына Рябининых Алексея, родившегося в 1806 году⁴, но в деле семилетней давности Карамзин мог помочь только тогда, когда оказался близок ко двору.

13 января 1817 года Карамзин передал Александру I «Записку о деле действительного статского советника, камергера и кавалера А. М. Рябинина, бывшего управляющего Московского отделения банка», где «всеподданнейше» просил оказать милость одному из «добрых и честных подданных». Дело касалось той самой недостачи 106215 рублей медной монеты, в чём Рябинин не мог быть виновен, так как поверял только капитал, состоящий в ассигнациях. Между тем служащие банка были отрешены от должностей с «неопределением впредь ни к каким местам». Карамзин пояснил в своей записке, что связь его с оскорблённым человеком состоит в том, что их жены «вместе росли и любят друг друга как сестры родные»⁵.

В архивной папке, содержащей сведения о Рябине, есть запись: «...из дела не видно, какое последствие имело письмо Карамзина»⁶.

² Там же.

³ Письмо Карамзина к императору Александру Павловичу (1817) и оправдательная записка А. М. Рябинина. С послесловием В. И. Саитова // Русский архив. 1897. №5. С. 112.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 110.

⁶ Рябинин Андрей Михайлович. Биографические

¹ Письмо Карамзина к императору Александру Павловичу (1817) и оправдательная записка А. М. Рябинина. С послесловием В. И. Саитова // Русский архив. 1897. №5. С. 111.

Между тем 5 февраля 1817 года в письме к Дмитриеву Карамзин сообщал о положительном решении государя по делу Рябинына, который был прощён и которого именным указом повелено было вновь причислить к Герольдии. К департаменту герольдии причислялись «до определения впрёдъ к гражданским должностям»¹.

Карамзин передаёт реплику государя в разговоре с графом Каподистрией: «Je voudrais bien faire une chose agréable à mr. Karamzine, mais c'est une affaire fâcheuse: il y a en une perte considerable d'argent et beaucoup de negligence au-moins» (*Я бы очень хотел сделать приятное г. Карамзину, но тут весьма щекотливое дело: значительная утка денег, по крайней мере существенный недосмотр.* – Перевод с франц.)².

Положительное решение императора, несмотря на его сомнения, тронули Карамзина «до глубины сердца»³.

Видимо, не последнюю роль сыграло в этом деле давнее приятельство Екатерины Андреевны Карамзиной и Екатерины Алексеевны Рябининой, дочери князя Алексея Леонтьевича Шаховского.

В день подписания указа, во время ежедневной прогулки царя от Зимнего дворца по всему Невскому проспекту, жена Карамзина встретила его со словами благодарности, на что он отвечал, что в успехе дела есть и её доля: «Je vous avoue, Md., que vous y etes entrée pour beaucoup» (*Уверяю вас, мадам, что вы много способствовали этому.* – Перевод с франц.)⁴.

Для Карамзина это была главная из всех милостей императора: «... я обрадовался, думаю, более самих Рябининых». Однако он призывал Дмитриева хранить молчание об этом: «Que tout cela reste entre nous!»

материалы (выписки из формулярного списка о службе 1809 г., генеалогические сведения, документы судебного дела, переписка по поводу него Н. М. Карамзина с Александром I и др.) // ОР РГБ. Ф. 751 (В. И. Саитов). К. 2. Ед. хр. 53. 4 лл.

¹ Дмитриев И. И. Соч. Т. 1–2. СПб.: Я. Соколов, 1895. Т. 2. С. 106.

² Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. С. 205.

³ Там же.

⁴ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. С. 205.

(*Пусть все это останется между нами! – Перевод с франц.*)⁵.

Сообщая также и Вяземскому, что 31 января государь велел причислить Рябинику к Герольдии, Карамзин просил: «О нашем участии в этом деле *не говорите*»⁶.

Карамзин писал о своей радости и признательности государю, но не допускал мысли прослыть фаворитом; сообщал, что видел императора на бале, тот танцевал с Екатериной Андреевной, но ему самому не сказал ни слова.

«ДЕЙСТВИЕ ВЫСШЕЙ ПРАВСТВЕННОСТИ...»

Случай «делать добро» представился снова в 1818 году, после смерти Н. И. Новикова. Карамзин обратился к Александру I с «Запиской», где перечислял труды Новикова, его заслути перед русским просвещением, снимал с него напрасные обвинения и просил о помощи семье просветителя, о бедности и несчастьи его детей, вновь напоминая монарху о милосердии и сострадании как высшей добродетели.

В 1819 году Карамзин обращается к государю с просьбой о пересмотре дела некой дворянки, приговорённой Сенатом к каторжным работам по откупному делу («Записка о деле жены титулярного советника Субочевой, по первому мужу Огаревой, по отце Щепотевой»)⁷. В итоге Александр отменил решение Сената как противное коренному Государственному закону (Дворянской грамоте). При этом, как пишет Карамзин о себе, «некоторые невзлюбили» его, «другие разлюбили»⁸. Это укрепило его желание как можно скорее покинуть Петербург: «Бог с ними и со всеми! Если буду жив, то уберусь в Москву через несколько месяцев»⁹.

⁵ Там же.

⁶ Карамзин Н. М. Письма к князю П. А. Вяземскому (1810–1826) // Старина и новизна. Исторический сб. Кн. 1. СПб., 1897. С. 22.

⁷ Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К, 1862. Ч. 1. С. 230–235.

⁸ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. С. 267.

⁹ Там же.

Кроме отмены решения, император сделал выговор Сенату именным указом. В письме к Вяземскому Карамзин в связи с этим сообщает о гневе на историографа со стороны сенаторов, министра юстиции Д. И. Лобанова-Ростовского [9, т. IV, с. 72] и А. А. Столыпина, члена I Департамента Правительствующего Сената. Император же сказал Карамзину спасибо, позволив и впредь сообщать «об утеснённых». Карамзин назвал это право «любезным», но сомневался в его надёжности, хотя «ещё более полюбил государя»¹.

Воспользовавшись дозволением, историограф и в дальнейшем оказывал помощь частным лицам, составляя прошения царю по разнообразным делам: прошение отца о помиловании сына (1819), прошение матери осуждённого на каторжную работу офицера (1822), записка о землях, состоящих в Оренбургской губернии в Бузулукском уезде и находящихся во владении капитана Андрея Жданова и его родственников (1823) и др.

Нередко хлопотал Карамзин о своих собратьях по перу, русских литераторах, поэтах, историках, по-прежнему вызывая у многих досаду и навлекая на себя при этом неприязнь и недоброжелательство.

В декабре 1816 года И. И. Дмитриев предпринял попытку улучшить материальное положение П. И. Шаликова, который в это время отправлял А. Н. Голицыну экземпляры своего перевода сочинения Жанлис «Истории Генриха Великого» (М., 1816–1817. 3 ч.) «с просьбою представить один из них императору». Учитывая заслуги писателя перед русской историей и словесностью, а также его стеснённые домашние обстоятельства, Дмитриев обратился к А. И. Тургеневу с просьбой замолвить слово за Шаликова² [4, с. 223].

Для осуществления своего намерения Дмитриев прибегнул также к посредничеству Карамзина.

С Карамзиным Шаликова связывала долголетняя дружба. Он был горячим поклонником Карамзина, но слыл как его неудачный подражатель. Шаликов был беден и обременён большой семьёй. Карамзин, принимая искреннее участие в его судьбе, не раз выполнял его просьбы. В ответ на его послание и не преувеличивая своих возможностей, Карамзин писал Дмитриеву, что богат усердием, а не способами служить честным людям³.

Отвечая на просьбу Шаликова, Карамзин благодарил его за приятельское письмо и сообщал, что ждёт его перевод «Истории Генриха Великого», чтобы отдать его А. И. Тургеневу для вручения А. Н. Голицыну (в это время министру народного просвещения и духовных дел), поскольку сам не имел никаких связей «с лицами важными» и видел Голицына редко [4, с. 159].

Предпринятая Дмитриевым, Карамзиным и Тургеневым попытка выхлопотать Шаликову денежное содержание через представление его книги императору не увенчалась успехом. Однако ходатаи не оставили своего намерения и принялись искать иной способ помочь нуждающемуся литератору, на сей раз – через А. П. Оболенского, к которому Карамзин обратился с просьбой определить князя Шаликова в помощники издателя «Московских Ведомостей», который должен был идти в отставку. Основанная в 1756 году газета, о которой идёт речь, с 1806 г. находилась в непосредственном ведении Московского университета, то есть его попечителя, Оболенского. Карамзин просил его спасти от жёсткой бедности доброго мужа и отца семейства, ручался, ссылаясь также и на Дмитриева, что Шаликов «хороший человек и пишет лучше многих наших авторов»⁴.

В 1824 году Карамзин по просьбе Дмитриева принимается за хлопоты по поводу назначения пенсии В. В. Измайлову.

¹ Карамзин Н. М. Письма к князю П. А. Вяземскому (1810–1826) // Старина и новизна. Исторический сб. Кн. 1. СПб., 1897. С. 82.

² Дмитриев И. И. Соч. Т. 1–2. СПб.: Я. Соколов, 1895. Т. 2. С. 223.

³ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. С. 202.

⁴ Письма Н. М. Карамзина 1806–1825 // Российский архив. Вып. II–III. М.: Студия «Тритэ», 1992. С. 24.

Дмитриев, обратившись к Карамзину с просьбой о содействии, поначалу не нашёл, как ему показалось, должного понимания. Историограф пытался уверить друга в своём усердии к благу «умного и доброго» Измайлова, но считал, что действовать нужно с соблюдением «строгого приличия», напоминал, что сам он «человек посторонний, не в делах» и не имеет права «выпрашивать пенсии»¹. Вместе с А. И. Тургеневым они решили обратиться к А. Н. Голицыну, но тот, уходя в отставку, «не успел доложить», однако в заключение своей министерской деятельности желал похлопотать об Измайлове и просил только, чтобы ему дали сведения «о состоянии и достоинствах Владимира Васильевича»². Карамзин надеялся, что Голицын исполнит своё намерение. Между тем Дмитриев воспринял это как отказ Карамзина помочь собрату по литературе. Карамзин оправдывался: «Ты дал моим словам не тот смысл, в котором я написал их»³. Однако упрек друга подействовал. Через месяц Карамзин вручил Александру I записку о пожаловании пенсии Измайлову (1200 рублей) и заручился обещанием императора, отправлявшегося в поездку по восточным губерниям России. До получения соответствующего указа Карамзин просил Дмитриева ничего не говорить Измайлову⁴.

После отъезда Александра историограф взял ситуацию под свой контроль и, узнав, что указа о пенсии нет ни у министра финансов, ни в Кабинете, решил, что государь, уезжая, «или не успел, или забыл»⁵ распорядиться.

Карамзин продолжал справляться об указе, писал Дмитриеву, что если ничего не узнает, то осмелится напомнить об Измайлове императору, когда тот вернётся, настаивал, чтобы Владимир Васильевич

прежде времени ничего не знал об этих хлопотах⁶.

21 октября Карамзин писал Дмитриеву, что послезавтра ждут царя и что при первом случае напомним ему о пенсии Измайлова⁷, а 31 октября извещал друга, что исполнил это: «... добрый наш царь отвечал, что он подписал указ еще за два или за три дня до отъезда»⁸. Следовательно, как полагал Карамзин, управляющий канцелярией министр финансов Я. А. Дружинин ошибся⁹, «написав к Тургеневу, что нет указа ни у министра финансов, ни в Кабинете». Карамзин намеревался снова справиться. Такое же обещание дал сам государь, собираясь сообщить и о том, «откуда назначено получать эту пенсию»¹⁰.

Между тем выяснилось, что по какому-то недоразумению указ оставался под спудом. Теперь же государь позволил известить В. В. Измайлова, что ему пожаловано 1200 р. (рублей) пенсии из Кабинета¹¹.

После отставки А. Н. Голицына его место занял А. С. Шишков. В своих «Записках» он сообщает запрос, полученный им от графа Аракчеева вследствие ходатайства Карамзина за Измайлова, а также и свой ответ на это письмо. Недовольный тем, что дело начато мимо его, министр отозвался об Измайлове с явным недоброжелательством, прибавив, что и сам он иначе представить не осмелится, «как по оценке трудов писателя в Российской Академии и в Правлении училищ. Иным образом таковые награды могут, вместо снискания их достоинством, быть получаемы чрез выпрашивание и угождение»¹². Запрос подписан 15 августа, а ответ 20-ого того же месяца 1824 г.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 380-381.

⁸ Там же. С. 382.

⁹ Там же. С. 165.

¹⁰ Там же. С. 382.

¹¹ Там же. С. 383.

¹² Шишков А. С. Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. М.: Изд. Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете, 1868. [2], II, 142 с. На обл. изд. 1869. С. 20.

¹ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. С. 372.

² Там же.

³ Там же. С. 373.

⁴ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. С. 376.

⁵ Там же. С. 377.

В ноябре Измайлов тяжело заболел. Искренне сожалея об этом, Карамзин просил Дмитриева уведомить о состоянии больного, беспокоился, получена ли копия с указа¹.

Карамзин хлопотал также об оказании помощи С. Н. Глинке, издателю «Русского Вестника» и «Российской Истории», которая печаталась частями в «Русском Вестнике», начиная с 1816 г. и выходила отдельными изданиями в 1817–1825 гг. (три издания)².

14 февраля 1825 года историограф обратился по этому поводу к А. С. Шишкову. Изъявив «сердечную радость» в связи с пожалованием Глинке 6000 рублей «для уплаты его долга в типографии Московского Университета», Карамзин просил (без ведома Глинки) «о довершении благодеяния» достойному человеку, известному «своим трудолюбием, чистою нравственностью, редким добродушием»³.

Отец многочисленного семейства, Глинка испытывал крайнюю бедность и не имел никакого дохода, «кроме скудной платы от книгопродавцев за его сочинения»⁴. «... Если его перо, от изнеможения сил, выпадет из его рук, то жена и семеро детей останутся без куска хлеба», – писал Карамзин, желая, чтобы Шишков доложил государю просьбу о пожаловании Глинке и его семейству 1000 или 1200 рублей пенсии, «чтобы он мог без ужаса думать о будущем и спокойно трудиться до конца дней своих»⁵.

8 марта 1825 года Карамзин в ответном письме к С. Н. Глинке умоляет его не говорить о «мнимых» его (Карамзина) одолжениях, пишет, что ещё ничем не мог служить ему, так как по первичному благосклонному докладу министра ещё ничего не сделано, а докладывать вторично министр не решается и сделает это со вре-

менем, что для «вернейшего успеха лучше подождать». О себе же Карамзин писал, что не уступит никому в искреннейшем доброжелательстве и готовности доказать делом истину своих чувств: «Любите меня просто за любовь мою к Вам; а будет, что Богу угодно. Не забуду напоминать г. министру, пока он нам решительно не откажет». В конце письма Карамзин излагает своё нравственное кредо: «Будьте выше зависти и клеветы, о которых вы упоминаете в письме, и которые в здешнем свете не оставляют добрых людей в покое. К счастью, есть Бог! Злым не всегда удается делать зло»⁶.

К осени просьба ещё не была удовлетворена. В письме от 5 сентября Карамзин, уверяя Глинку в своём «искреннейшем усердии», извещал его, что придётся выбирать между «хорошим местом» и пенсией в 1000 рублей и о том, что будет наведываться о месте через К. С. Сербиновича, так как Шишков в это время переживал тяжёлую утрату – смерть жены⁷.

Исполненный доброжелательства к братьям по перу, независимо от степени их известности и одарённости, он исходил лишь из их человеческих качеств и бедственного положения их семей. Ещё в 1811 году, в своей записке «О древней и новой России...» Карамзин писал: «Любить добро для его собственных прелестей есть действие высшей нравственности, явления редкого в мире: иначе не освящали бы алтарей добродетели»⁸.

В 1815 г., удручённый смертью своей маленькой дочери Наташи, Карамзин в письме к А. И. Тургеневу определил цель жизни как делание добра: «Жить, есть не писать историю, не писать трагедии или комедии; а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаться душою к его источнику; все другое, любезный мой приятель, есть шелуха, – не исклю-

¹ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. С. 384.

² Письма Н. М. Карамзина 1806–1825 // Российский архив. Вып. II–III. М.: Студия «Тритэ», 1992. С. 49.

³ Там же. С. 39.

⁴ Письма Н. М. Карамзина 1806–1825 // Российский архив. Вып. II–III. М.: Студия «Тритэ», 1992. С. 39.

⁵ Там же.

⁶ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. С. 441.

⁷ Письма Н. М. Карамзина 1806–1825 // Российский архив. Вып. II–III. М.: Студия «Тритэ», 1992. С. 40.

⁸ Николай Карамзин. [Сборник]. М.: Новатор, 1998. С. 325.

чаю и моих осьми или девяти томов <...> Делайте что и как можете: только любите добро: а что есть добро, спрашивайте у соседей»¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в ходе изучения проблемы «Н. М. Карамзин и его окружение» выявлена нравственная установка Карамзина на сострадание человека человеку и готовность оказать помощь тем, кто в ней нуждался. На конкретных примерах, с указанием лиц и привлечением архивных источников, определена роль Карамзина и степень его участия в решении спорных дел и удовлетворении поданных прошений. Внесены дополнительные штрихи в существующее представление о

его взаимоотношениях с царём, которому он порой преподавал уроки добродетели, не боясь отказов, не опасаясь быть надоедливым в своих напоминаниях, отслеживая ход деловых бумаг и сохраняя при этом чувство собственного достоинства.

Рассмотренные здесь «случаи делать добро» далеко не исчерпывают всего списка. Многие из них остались скрыты от глаз современников и потомства, как того и желал Карамзин. Ему было свойственно стремление скрыть своё имя или умалить свои заслуги в оказании помощи просителям, что связано с его пониманием смысла жизни как творения добра, с его религиозно-философскими представлениями.

Статья поступила в редакцию 12.02.20.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00292 А «Н. М. Карамзин и его окружение».

ACKNOWLEDGMENTS

The research was supported by the Russian Federal Research Foundation under the scientific project no. 19-012-00292 A "N. Karamzin and his circle".

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т. А. Карамзинский энциклопедический словарь: каким ему быть? // Карамзинский сборник. Наследие Н. М. Карамзина в истории и культуре России. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Ульяновск, 5-6 декабря 2016 г.). Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. С. 165–170.
2. Вацуру В. Э. Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Т. VI. Реализм Пушкина и литература его времени. Л.: Наука, 1969. С. 150–170.
3. Григорьева Е. Ф. Творческий путь писателя как путь духовного делания: С. Т. Аксаков и Н. М. Карамзин // Карамзинский сборник. Наследие Н. М. Карамзина в истории и культуре России. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Ульяновск, 5-6 декабря 2016 г.). Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. С. 190–201.
4. Пухов В. В. П. И. Шаликов и русские писатели его времени (по архивным материалам) // Русская литература. 1973. №2. С. 159–169.
5. Сапченко Л. А. Великая дружба (И. И. Дмитриев и Н. М. Карамзин) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный памяти профессора, кандидата филологических наук, Наталии Аркадьевны Буранок. СПб.; Самара, 2019. С. 89–98.
6. Сапченко Л. А. «Религия выше философии...» (Письма Н. М. Карамзина к Н. И. Новикову) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2014. №1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/532> (дата обращения: 15.10.2019).
7. Сапченко Л. А., Селезнева Т. Ф. Хроника петербургского периода жизни и творчества Н. М. Карамзина. Ч. 1 (1816–1820). Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2016. 336 с.

¹ Карамзин Н. М. Письма к А. И. Тургеневу // Русская старина. 1899. №2 (Февраль). С. 470.

8. Фрик Т. Б. «Мы и современники, и земляки, и друзья около сорока лет»: особенности поэтики писем Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву // Сибирский филологический журнал. 2015. №4. С. 39–46.
9. Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4 т. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1897–1898. Т. IV. 651 с.
10. Шиппан М. Николай Карамзин в Берлине – лето 1789 года // Карамзинский сборник. Наследие Н. М. Карамзина в истории и культуре России. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Ульяновск, 5–6 декабря 2016 г.). Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. С. 133–165.

REFERENCES

1. Alpatova T. A. *Karamzinskii entsiklopedicheskii slovar': kakim emu byt'?* [Karamzin encyclopaedic dictionary: what should it be?]. In: *Karamzinskii sbornik. Nasledie N. M. Karamzina v istorii i kul'ture Rossii. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ul'yanovsk, 5-6 dekabr'ya 2016 g.)* [Karamzin's collection. The heritage of N. Karamzin in the history and culture of Russia. Collection of materials of the International scientific and practical conference (Ulyanovsk, December 5-6, 2016)]. Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya Publ., 2017, pp. 165–170.
2. Vatsuro V. E. *Pushkin i problemy bytopisaniya v nachale 1830-kh godov* [Pushkin and problems of Chronicles in the beginning of the 1830s]. In: *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Studies and materials] / [USSR Academy of Sciences; In-t of Rus. lit. (Pushkin. House)]. Vol. VI. [The realism of Pushkin and literature of his time]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. pp. 150–170.
3. Grigor'eva E. F. *Tvorcheskii put' pisatelya kak put' dukhovnogo delaniya: S. T. Aksakov i N. M. Karamzin* [The creative path of the writer as a path for spiritual growth: S. Aksakov and N. Karamzin]. In: *Karamzinskii sbornik. Nasledie N. M. Karamzina v istorii i kul'ture Rossii. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ul'yanovsk, 5-6 dekabr'ya 2016 g.)* [Karamzin's collection. The heritage of N. Karamzin in the history and culture of Russia. Collection of materials of the International scientific and practical conference (Ulyanovsk, December 5-6, 2016)]. Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya Publ., 2017, pp. 190–201.
4. Pukhov V. V. [P. Chalikov and Russian writers of his time (for archival materials)]. In: *Russkaya literatura* [Russian literature], 1973, no. 2, pp. 159–169.
5. Sapchenko L. A. *Velikaya družba (I. I. Dmitriev i N. M. Karamzin)* [Great friendship (I. Dmitriev and N. Karamzin)]. In: *Problemy izucheniya russkoi literatury XVIII veka. Mezhhuzovskii sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi pamyati professora, kandidata filologicheskikh nauk, Natalii Arkad'evny Buranok* [Problems of studying Russian literature of the 18th century. Interuniversity collection of scientific works dedicated to the memory of Professor, PhD in Philological sciences, Natalia Burnok]. St. Petersburg; Samara, 2019, pp. 89–98.
6. Sapchenko L. A. ["Religion is higher than philosophy..." (N. Karamzin's letters to N. Novikov)]. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2014, no. 1. Available at: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/532> (accessed: 15.10.2019).
7. Sapchenko L. A., Selezneva T. F. *Khronika peterburgskogo perioda zhizni i tvorchestva N. M. Karamzina* [Chronicle of the St. Petersburg period of life and creativity of N. Karamzin]. Part 1 (1816-1820). Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya Publ., 2016. 336 p.
8. Frik T. B. ["We are the contemporaries, countrymen, and friends for about forty years": the peculiarities of the poetics of N. Karamzin's letters to I. Dmitriev]. In: *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian philological journal], 2015, no. 4, pp. 39–46.
9. Shil'der N. K. *Imperator Aleksandr Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander The First. His life and reign]: in 4 volumes. St. Petersburg, Typography of A. S. Suvorin Publ., 1897–1898. Vol. IV. 651 p.
10. Shippan M. *Nikolai Karamzin v Berl'ine – leto 1789 goda* [Nikolay Karamzin in Berlin – summer 1789]. In: [Karamzin's collection. The heritage of N. Karamzin in the history and culture of Russia. Collection of materials of the International scientific and practical conference (Ulyanovsk, December 5-6, 2016)]. Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya Publ., 2017, pp. 133–165..

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапченко Любовь Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова;
e-mail: ssj-sla@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lubov' A. Sapchenko – Doctor in Philological sciences, professor at the Department of Russian Language, Literature and Journalism of Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University;
e-mail: ssj-sla@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сапченко Л. А. Рябинин и другие (К проблеме «Н. М. Карамзин и его окружение») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 97–107.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-97-107

FOR CITATION

Sapchenko L. A. Ryabinin and Others (On the Problem of “N. Karamzin and his Circle”). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 2, pp. 97–107.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-97-107

РАЗДЕЛ III. РЕЦЕНЗИЯ

УДК 821.161.1(091)001

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-108-111

«РАЗГОВОР С ВЕЧНОСТЬЮ»: РЕЦЕНЗИЯ НА «ИСТОРИЮ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» Н. И. ЛИБАНА (ЛИБАН Н. И. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ЛЕКЦИИ-ОЧЕРКИ. М.: ПРОГРЕСС-ПЛЕЯДА, 2014. С. 23–189)

Крутова М. С.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

“A CONVERSATION WITH ETERNITY”: A REVIEW OF THE N. LIBAN'S “HISTORY OF ANCIENT RUSSIAN LITERATURE” (LIBAN N. I. RUSSIAN LITERATURE: LECTURES-ESSAYS. M., PROGRESS-PLEYADA PUBL., 2014, PP. 23–189)

M. Krutova

Moscow Region State University

24 Veri Voloshinoy ul., Mytischy 105005, Moscow region, Russian Federation

В рецензируемом издании представлен наиболее полный на сегодня курс лекций по древнерусской литературе Николая Ивановича Либана (1910–2007), известного литературоведа-медиевиста, выдающегося лектора и педагога Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, воспитавшего не одно поколение филологов. Издание сопровождается вступительной статьёй и комментариями доктора филологических наук С. И. Кормилова, который также является и научным редактором этой книги. К сожалению, при жизни автора было опубликовано лишь несколько лекций, и то в сокращённой редакции [2; 3; 4]. Данный курс лекций [1] является результатом многолетней кропотливой подвижнической деятельности его вдовы В. Л. Харламовой-Либан, благодаря которой был восстановлен этот легендарный курс лекций по конспектам, аудио- и стенографическим записям слушателей разных лет.

Рецензируемая «История древнерусской литературы» является разделом первой книги трёхтомного издания, содержащего также и лекции по истории XVIII и первой трети XIX вв., которые в данной рецензии не рассматриваются, поскольку заслуживают отдельного разговора.

Структура курса отличается логичностью и последовательностью. Учебный курс состоит из 23 лекций, расположенных по тематическо-хронологическому принципу: «1. Вводная. Переводная литература Киевской Руси; 2. Оригинальные произведения Киевского периода; 3. Агиография; 4. Хождения игумена Даниила. Апокрифы; 5. Повесть временных лет; 6. История открытия и изучения «Слова о полку Игореве»; 7. «Слово о полку Игореве»: историческая основа и художественные особенности; 8. Владимиро-Суздальская литература. Киево-Печерский патерик; 9. Литература периода монголо-

татарского ига; 10. Житие Александра Невского; 11. Конец монголо-татарского ига; 12. Новгородская литература XIV–XV веков; 13. Псковская литература. Муром-рязанская литература; 14. Расцвет монастырей. Сергей Радонежский. Епифаний Премудрый; 15. Публицистика XV–XVI веков. Идейная полемика «старцев заволжских» и иосифлян; 16. Борьба Москвы и Твери. Тверская литература; 17. Правление Ивана IV. Литературные предприятия эпохи Грозного; 18. Переписка Ивана IV с Андреем Курбским; 19. Литература эпохи Смуты. Авраамий Палицын. Иван Катырев-Ростовский; 20. Иван Хворостинин; 21. Светская повесть XVII века; 22. Раскол. Житие протопопа Аввакума; 23. Зарождение театра. Симеон Полоцкий».

В данном курсе лекций отражены все этапы развития древнерусской литературы и рассмотрены наиболее значительные произведения, включённые в традиционную учебную программу курса древнерусской литературы.

В первой же лекции Н. И. Либан предупреждает студентов о том, что при изучении древнерусской литературы их «ждут два трудных момента: история и язык» [1, с. 23] и советует обращаться при встрече непонятных слов к «Материалам для словаря русского языка» И. И. Срезневского, а для углубления знаний о происходивших исторических процессах в России – к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, «Курсу русской истории» В. О. Ключевского и «Истории России с древнейших времён» С. М. Соловьёва – классическим и поистине бессмертным трудам великих учёных, которые обязаны прочесть все филологи. Данная лектором установка на преодоление языкового и исторического барьеров прослеживается во всём курсе. Важно отметить тот факт, что Н. И. Либан постоянно иллюстрирует своё повествование цитатами из литературных произведений, причём в большинстве случаев эти цитаты на церковнославянском языке. Однако он помещает их в контекст увлекательного пересказа сюжета произве-

дения, отчего смысл незнакомых начинающему филологу слов становится понятен. Этот методический приём позволил лектору наглядно показать красоту и неустаревающий характер церковнославянского языка. Каждое произведение и его герои рассматриваются Н. И. Либаном в контексте исторических событий, и это помогает студентам преодолеть и другую отмеченную лектором трудность восприятия древнерусского произведения – удалённость описываемых в произведении событий от современности. Будучи лично знаком с известными историками литературы, такими как С. К. Шамбинаго, В. Ф. Ржига, М. Н. Сперанский, В. Ф. Переверзев, Н. К. Гудзий и др., он знакомил с их исследованиями и тем самым вводил слушателей в увлекательный мир истории изучения русской литературы. И в этом ещё одна отличительная особенность рецензируемого курса лекций.

Н. И. Либан старался формировать у студентов и навыки научного мышления, обращая их внимание на спорные точки зрения. При этом он не оставался бесстрастным комментатором, но твёрдо и в то же время тактично обозначал свою позицию. Так, изложив суть научной дискуссии о подлинности и предполагаемом авторе «Слова о полку Игореве», Н. И. Либан сделал вывод: «Нужно отстаивать подлинность «Слова о полку Игореве», и в доказательство привёл веские аргументы С. К. Шамбинаго, которые убедили его оппонента французского слависта Андре Мазона в том, что тот ошибался, считая этот знаменитый памятник письменности подделкой. Рассуждая о «Повести временных лет» и особенностях русских летописей, лектор рассматривал и позицию В. О. Ключевского, и А. А. Шахматова, и Д. С. Лихачёва, и Б. А. Рыбакова. Говоря о типах рукописных книг, он высказывал свою точку зрения на то, что Евангелие-апракос появилось на Руси ранее Четвероевангелия. Да, до сих пор слависты не могут прийти к единому мнению, какой тип Евангелия появился раньше, но как важно познакомить студента с наиболее

значимыми для истории литературы научными дискуссиями и, более того, подать пример уважительного отношения к тому, у кого иная точка зрения.

Лейтмотивом через все лекции проходит и идея национального своеобразия русской литературы. Так, говоря о «Хождении игумена Даниила», Н. И. Либан замечает, что путешествие – это неотъемлемая черта русского человека. Характеризуя агиографические произведения, объясняет появление житий русских святых не только их святой жизнью, но и тем, что в отечественной литературе должны были появиться свои национальные герои.

Язык автора курса лекций удивительно живой, образный, но при этом лишённый просторечий – это язык московского интеллигента нескольких поколений.

Следует отметить и ещё одну яркую черту его лекций – ориентированность на высокие христианские идеалы, определившую воспитывающий принцип его педагогического таланта. И это в советское время, когда Библию в читальном зале МГУ можно было получить лишь на два часа, и то под залог билета, чему сама являюсь свидетелем, поскольку тоже слушала лекции Н. И. Либана и, как многие, тогда, благодаря ему, пыталась постичь христианское учение. Главная идея проводимого им литературоведческого анализа – объяснить слушателям, что от того, как проживёт человек свою жизнь в этом

мире, зависит его судьба в жизни вечной. Он учил милосердию и целомудрию, когда анализировал «Повесть временных лет» или «Повесть об Иулиании Лазаревской»; формировал негативное восприятие дурных слов, поднимая тему сквернословия в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам». Православие было зерном его личности, воспринятым от своих предков – свт. Иоасафа Белгородского и прапрадеда-иконописца Меркурия Радонского, написавшего икону «Нечаянная радость», ставшую их семейной реликвией. Н. И. Либан рассказывал о себе, что был «посошником» свт. Тихона, патриарха Московского [4, с. 539], что был неплохим звонарём [4, с. 565]. Высокие христианские идеалы он доносил и до своих слушателей.

Рецензируемый курс лекций предназначен для студентов и аспирантов филологических факультетов, а также для всех, кто интересуется историей русской литературы и культуры. На них лежит печать яркой творческой индивидуальности автора, посвятившего преподаванию литературы более шестидесяти лет. При анализе «Повести временных лет» он заметил: «Когда человек пишет, он разговаривает с вечностью» [1, с. 55]. Мы же в свою очередь тоже можем назвать его лекции по древнерусской литературе «разговором с вечностью», и, хотя Николая Ивановича Либана уже нет в этом мире долгие, но он продолжает беседовать с нами из мира горного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Либан Н. И. Русская литература: Лекции-очерки: [в 3 т.] / сост. и подгот. текста В. Л. Харламова-Либан; научн. ред., вступ. ст. и коммент. докт. филол. наук С. И. Кормилов. Т. 1. М: Прогресс-Плеяда, 2014. 584 с. На фронтисписе – Николай Иванович Либан.
2. Либан Н. И. Литература Древней Руси: Лекции-очерки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 113 с.
3. Либан Н. И. Лекции по истории русской литературы: от Древней Руси до первой трети XIX века / вступ. статья и указатели А. В. Архангельской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. 461 с. (Серия «Университетские курсы лекций»).
4. Либан Н. И. Избранное. Слово о русской литературе: очерки, воспоминания, этюды: к 100-летию со дня рождения / Николай Либан. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. 720 с.

REFERENCES

1. Liban N. I. *Russkaya literatura: Lektsii-ocherki* [Russian literature: Lectures-essays]: in 3 vol. / comp. and preparation of the text by V. Kharlamova-Liban; Scientific editing, introductory article and comments Dr. philol. sciences S. Kormilov. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2014. 584 p. On the frontispiece – Nikolay Liban.

2. Liban N. I. *Literatura Drevnei Rusi: Lektsii-ocherki* [Literature of Ancient Russia: Lectures-essays]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Moscow University Publ.], 2000. 113 p.
3. Liban N. I. *Lektsii po istorii russkoi literatury: ot Drevnei Rusi do pervoi treti XIX veka* [Lectures on the history of Russian literature: From Ancient Russia to the first third of the 19th century] / Introd. article and signs by A. V. Arkhangel'skaya. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Moscow University Publ.], 2005. 461 p. (a Series of "University lectures").
4. Liban N. I. *Izbrannoe. Slovo o russkoi literature: ocherki, vospominaniya, etyudy: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [Selected works. The word on Russian literature: essays, memories, sketches: the 100th anniversary] / Nikolay Liban. Moscow: Progress-Pleyada Publ., 2010. 720 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крутова Марина Семёновна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; главный палеограф Российской государственной библиотеки;
e-mail: mskrutova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT OF AUTHOR

Marina S. Krutova – doctor in Philological sciences, associate Professor, Professor at the Department of Russian classical literature, Moscow Region State University;
e-mail: mskrutova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Крутова М. С. «Разговор с вечностью»: рецензия на «Историю древнерусской литературы» И. И. Либана (Либан Н. И. Русская литература: лекции-очерки. М.: Прогресс-Плеяда, 2014. С. 23–189) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 108–111.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-108-111

FOR CITATION

Krutova M. S. "A Conversation with Eternity": a Review of the N. Liban's "History of Ancient Russian Literature" (Liban N. I. Russian Literature: Lectures-Essays. M., Progress-Pleyada Publ., 2014, pp. 23–189). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 2, pp. 108–111.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-108-111

РАЗДЕЛ IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-112-115

2019年全国高校俄语在线课程建设研讨会

2019年5月24日 吉林·长春

КОНФЕРЕНЦИИ В ЦЗИЛИНЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (JILIN UNIVERSITY) В 2019 Г., ПОСВЯЩЁННЫЕ ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Нагорный И.А., Лю Цзоянь

Цзилиньский университет

130012, г. Чанчунь, ул. Цянцзинь, д. 10, Китайская Народная Республика

CONFERENCES AT JILIN UNIVERSITY IN 2019 ON THE DEVELOPMENT OF MODERN LINGUISTIC SCIENCE

I. Nagornyy, Liu Zuoyan

Jilin University

10 Qianwei Road, Changchun 130012, People's Republic of China

В 2019 году в Цзилиньском университете (Jilin University) (Китайская Народная Республика) состоялся цикл филологических конференций, посвящённых актуальным вопросам развития современной лингвистической науки и отразивших значимые перспективы развития китайистики в аспекте её интеграции с другими научными сферами, в частности с русистикой.

23–25 мая 2019 г. Цзилиньский университет организовал научный симпозиум «Создание и развитие онлайн-курсов по русскому языку в университетах Китая».

© CC BY Нагорный И.А., Лю Цзоянь., 2020.

Соорганизаторами симпозиума выступили Издательство высшего образования при Министерстве образования КНР, Комитет по специализированному обучению иностранным языкам при Министерстве образования КНР, Комитет по обучению иностранным языкам при Министерстве образования КНР, Институт иностранных языков Цзилиньского университета.

10–11 ноября 2019 года были проведены две международные научные конференции: «Обмен и взаимодействие языка и культуры в Северо-Восточном азиатском регионе» и «Обучение иностранным языкам в континентальном Китае и Тайване». Соорганизаторы конференций – Международная база по исследованию Северо-Восточных языков и культур, Международный исследовательский центр по исследованию Северо-Восточных языков и культур Цзилиньского университета.

На симпозиуме и конференциях обсуждались важные вопросы, отражающие актуальные проблемы развития и современного состояния профильного и непрофильного онлайн- и аудиторного обучения русскому языку в китайских вузах, широкие аспекты взаимодействия различных языков и культур, специфика переводческой деятельности в современных реалиях, вопросы взаимодействия и международного сотрудничества вузов при обучении русскому, китайскому, японскому, английскому, испанскому языкам.

На научных мероприятиях учёные из ведущих университетов Китая, России, Великобритании, Японии, Кореи обменялись своими инновационными идеями, опытом и видением перспектив развития дистанционной формы образования при обучении китайских студентов русскому языку, в частности формирования и применения Massive open online course (МООС) как обучающих дисциплин с массовым интерактивным участием, основанном на использовании технологий электронного обучения через открытый доступ в Интернет. Большой интерес вызвало обсуждение проблем публичной дипломатии и гуманитарного диалога,

историко-языковых вопросов, актуальных проблем теории и практики перевода, возможностей и перспектив в обучении иностранным языкам в вузах Китая.

Симпозиум и конференции ставили также целью способствовать активизации научного и методического сотрудничества между китайскими учёными и учёными других стран, в частности русистами. На пленарных заседаниях научных мероприятий прозвучали доклады известных лингвистов относительно актуальных и методически значимых аспектов преподавания, построения, принципов организации и тематического наполнения как онлайн-курсов по преподаванию русского языка, так и курсов по преподаванию иностранных языков в целом: «Интернет и высшее образование» на фоне организации занятий по иностранным языкам в режиме онлайн» (PhD Джоу И Фу (Цзилиньский университет)); «Новые технологии обучения русскому языку с применением цифрового формата в аспекте модернизации учебных материалов в сети Интернет» (PhD Хуан Мэй (Пекинский университет иностранных языков)); «Новые технологии обучения русскому языку в неспециализированных вузах» (PhD У Сяо Ся (Пекинский авиационный и космический университет)); «Путь к строительству МООС для студентов, изучающих русский язык (на фоне реформы обучения иностранным языкам)» (PhD Сюй Ци (Сямэньский университет)); «Принцип построения онлайн-занятий по русскому языку, отражающих общенациональную культуру» (PhD Ли Сюй Ян (Шаньдунский университет)).

Актуальные и перспективно значимые идеи прозвучали в докладах, посвящённых вопросам взаимодействия языка и культуры: Сю Ган (КНР), «Роль иероглифов в китайско-японском культурном обмене»; Да Цё Ие (Япония), «Что такое «местная» экспедиция учёных, занимающихся литературоведческими исследованиями»; В. Е. Петровский (Россия), «О роли публичной дипломатии в развитии культурно-гуманитарного диалога народов Северо-Восточной Азии»; Петр Блюмчунски

(Великобритания), «Логический перевод: многомерность подходов»; Чёнь Хэань (Япония), «Исследование китайского языка и аристократическое устройство в средние века в Японии»; Дзинь Дуджи (Корея), «Мобилизация СМИ и корейский язык»; Цинь Минь (КНР), «Теория экзистенциально-стилистического перевода Стэна как понимание дефиниций». Были затронуты также важные проблемы, касающиеся обучения иностранным языкам в континентальном Китае и Тайване: Сю Ган (КНР), «Шансы вузов в развитии специальностей по обучению иностранным языкам во время AI»; Ю Сюэньинь (Тайвань), «Перспективы и возможности обучения английскому языку в Тайване»; Лай Зинь Цюэ (Тайвань), «Почётный представитель профессор Це Моуфэнь: обучение японскому языку и подготовка кадров».

Участники научных мероприятий обменялись мнениями относительно проблем дистанционного обучения русскому языку в процессе работы круглых столов: «Практическое использование ресурсов онлайн-занятий по русскому языку» и «Практика построения массовых открытых онлайн-курсов (МООС и микро-МООС)».

Ключевые проблемы преподавания русского языка в Китае, взаимодействия различных языков и культур в Северо-Восточном азиатском регионе, аспекты обучения иностранным языкам в континентальном Китае и Тайване были обсуждены также в процессе работы восемнадцати научных и научно-методических секций. Доклады, прозвучавшие на секционных заседаниях, в первую очередь были направлены на отражение основных идей построения филологических и культурологических курсов при обучении русскому языку студентов специализированных вузов, рассмотрение ключевых проблем межкультурного и межъязыкового взаимодействия, анализ специфики преподавания иностранных языков в Китае. Данные доклады были сфокусированы на методи-

ческих аспектах расширения практико-лингвистических навыков, получаемых китайскими студентами в процессе обучения русскому языку на аудиовизуальных курсах, курсах чтения и разговорной речи, а также грамматических курсах. Отдельные доклады были посвящены вопросам специфики преподавания и построения открытых онлайн-курсов, направленных на изучение китайскими студентами русской истории, литературы и страноведения, а также сориентированных на расширение общего филологического кругозора обучающихся русскому языку. Отдельно стоит отметить комплекс научных докладов, посвящённых тематике совмещения онлайн- и аудиторных курсов при обучении русскому языку студентов специализированных и неспециализированных вузов.

Одной из важнейших задач симпозиума и конференций была активизация граней национального и международного научного сотрудничества в сфере исследования онлайн-технологий преподавания русского языка в КНР, консолидация сил в области развития МООС, обмен опытом в решении методических проблем преподавания филологии в высшей школе. В этом аспекте были актуализированы и обсуждены методически значимые вопросы взаимодействия китайского и русского языков и культур, актуальные лингвистические, литературоведческие и культурологические проблемы, тенденции языковой специфики преподавания МООС. В докладах учёных, принявших участие в работе научных форумов, было отмечено, что изучение русского языка и культуры, вне всякого сомнения, играет основополагающую роль для установления межнациональных и межкультурных связей и отношений.

Участники симпозиума и международных конференций положительно оценили проведение данных научных мероприятий, отметили актуальность и перспективность поднимавшихся в ходе заседаний проблем, выразили уверенность в том, что работу симпозиума и конференций необходимо продолжить в будущем.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нагорный И. А. – д. филол. н., профессор Института иностранных языков Цзилиньского университета;
e-mail: ignago@yandex.ru

Лю Цзюань – д. филол. н., профессор, заместитель директора Института иностранных языков Цзилиньского университета;
e-mail: nancylzy1992@163.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor A. Nagornyy – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Institute of foreign languages, Jilin University; Corresponding Member of the International Academy of Science Teacher Education;
e-mail: ignago@yandex.ru

Liu Zuoyan – Doctor in Philological Sciences, professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages, Jilin University;
e-mail: nancylzy1992@163.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нагорный И. А., Лю Цзюань. Конференции в Цзилиньском университете (Jilin University) в 2019 г., посвящённые вопросам развития современной лингвистической науки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №2. С. 112–115.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-112-115

FOR CITATION

Nagornyy I.A., Liu Zuoyan. Conferences at Jilin University in 2019 on the development of modern linguistic science. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 2, pp. 112–115.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-112-115

РАЗДЕЛ V. НЕКРОЛОГ

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-116-117

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ БОРИСОВИЧА САМСОНОВА

Кафедра современного русского языка имени профессора П. А. Леканта МГОУ понесла тяжёлую утрату: беспощадная болезнь унесла в мир иной Николая Борисовича Самсонова – заведующего кафедрой, директора Ресурсного центра русского языка, инициативного организатора учебно-методической работы, человека с активной жизненной позицией, находившегося в самом расцвете сил и полного творческих планов, всей душой преданного любимому делу – преподаванию современного русского языка, воспитанию молодёжи.

Он скончался 27 февраля 2020 года на 51 году жизни.

Высококвалифицированный специалист-лингвист и прекрасный преподаватель, плодотворно работавший почти четверть века на всех отделениях факультета русской филологии Историко-

филологического института МГОУ, Николай Борисович являл собой образец подлинной интеллигентности.

Н. Б. Самсонов родился 15 мая 1969 года в г. Пензе, там же получил высшее образование в Пензенском государственном педагогическом институте имени В. Г. Белинского, где в те годы активно развивалась научная школа профессора В. Д. Бондалетова, идеи которой пробудили у него большой интерес к языковедению. В 1991 году Николай Борисович поступил в очную аспирантуру МПУ (бывший МОПИ имени Н. К. Крупской – ныне МГОУ), где его научным руководителем стал Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор П. А. Лекант. В 1996 году Н. Б. Самсонов успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую анализу в разных аспектах словоформ со значением 'темы сообщения': «Творительный темы в структуре и семантике простого предложения» (по специальности 10.02.01 – русский язык). Его оппонентами были известные учёные-синтаксисты В. В. Бабайцева и О. Б. Акимова, отметившие перспективность предложенного в диссертации подхода к материалу и оригинальность мышления молодого учёного. Исследования в области грамматики русского языка стали сердцевиной научной деятельности Н. Б. Самсонова, протекавшей в рамках лингвистической школы профессора П. А. Леканта, который стал и научным консультантом в период обучения Николая Борисовича в докторантуре, когда тот приступил к изучению третьего лица как коммуникативно-прагматического явления и грамматической категории.

Будучи доцентом кафедры современного русского языка, Н. Б. Самсонов много сил отдавал и другой любимой сфере русистики – орфографии, добиваясь осмысленного отношения обучающихся к строгой и красивой системе её правил, работая над культурой письменной речи в различных группах, в том числе инофонов. Дважды, в 2016 и 2018 годах, он становился победителем IV и V Международного педагогического форума в номинации «Развитие правильного письма». Н. Б. Самсонов был также победителем конкурса на научный грант Губернатора Московской области в 2014 и 2016 годах.

Н. Б. Самсонов – автор и соавтор справочников и учебников по русскому языку для средней школы, сузов и бакалавриата вузов. Остаются весьма востребованными следующие издания: Самсонов Н. Б. «Справочные материалы по русскому языку» (2010); Лекант П. А., Самсонов Н. Б. «Русский язык. Справочник» / Сер. 60. Бакалавр. Прикладной курс (3-е изд., испр. и доп.) (2016); Лекант П. А., Самсонов Н. Б. «Русский язык: справочник для среднего профессионального образования» (2020) и др. Большая заслуга творчески одарённого педагога-русиста состоит в том, что им были разработаны оригинальные проекты «Народный учебник» и «Диктант+», поддержанные на самом высоком уровне: фондом «Русский мир» и Министерством образования Московской области. Научные и методические работы кандидата филологических наук доцента Н. Б. Самсонова будут долго служить делу подготовки бакалавров.

Николая Борисовича любили и будут помнить студенты. Штрихами к портрету безвременно ушедшего дорогого им и коллегам человека, который останется в сердцах знавших Николая Борисовича и сотрудничавших с ним, послужат компетентность, организаторские способности, интеллигентные манеры, прекрасная речь, высокая любовь к искусству, музыкальная одарённость, педагогический такт, преданность, с которой он стремился сохранять память о П. А. Леканте как друг его

семьи, верный ученик, продолжатель традиций, председатель оргкомитета Лекант-конференции с международным статусом «Рациональное и эмоциональное в русском языке». Ему в полной мере был присущ талант стратега, и планы его были интересны, масштабны, направлены на развитие деятельности Ресурсного центра русского языка и кафедры современного русского языка во благо образованию Московской области. Работа с одарёнными школьниками, с детьми, изучающими русский язык как неродной, открытые лекции для учителей и обучающихся Подмосковья, многочисленные мастер-классы, конференции, семинары – оправдавшие себя формы развития глубокого интереса к русскому языку и литературе. «Гольцовские чтения», конкурсы «Живая классика», «Класс!» – все эти стимулированные Н. Б. Самсоновым как руководителем Ресурсного центра русского языка проекты стали прекрасной формой воспитания у молодёжи любви к великому языку, литературе и культуре.

В 2017 году Николай Борисович Самсонов был награждён Знаком Преподобного Сергия Радонежского.

Его отличало истинно мужское благородство, которое проявлялось в уважительном, деликатном отношении к коллегам, в умении плодотворно руководить сотрудниками Ресурсного центра и взаимодействовать с учителями-словесниками Подмосковья, большой творческий потенциал, эрудиция.

В сердцах коллег-преподавателей родной кафедры и всего факультета русской филологии Историко-филологического института МГОУ, студентов, аспирантов и сотрудников Ресурсного центра, учителей Подмосковья останется светлая память о безвременно ушедшем Николае Борисовиче Самсонове.

Светлая память!

*Кафедра современного
русского языка имени
профессора П. А. Леканта
Московского государственного
областного университета*

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2020. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор Е. О. Духовнова
Переводчик И. С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка В. А. Кулакова

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 7,5, уч.-изд. л. 10.

Подписано в печать: 30.04.2020 г. Дата выхода в свет: 14.05.2020 г. Заказ № 2020/04-07.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А